

На правах рукописи

Савельева Елена Сергеевна

**Когнитивно-семантический потенциал
номинативных знаков родства и дружбы
и его реализация в разных типах русского дискурса
и языковом сознании носителей русского языка**

10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Бутакова Лариса Олеговна

Барнаул – 2007

Содержание

Введение	5-15
Глава I. Теоретическое обоснование изучения когнитивно-семантического потенциала номинативных знаков, обозначающих отношения родства и дружбы.....	16
1.1. Когнитивно-семантический потенциал номинативного знака как проблема когнитивной лингвистики	16-18
1.2. Научные концепции сознания.....	18
1.2.1. Сознание – мышление – деятельность	18-22
1.2.2. Языковое сознание.....	23-25
1.2.3. Сознание и «образ мира».....	25-31
1.3. Структуры репрезентации знания.....	32
1.3.1. Репрезентации. Ментальные репрезентации.....	32-35
1.3.2. Концептуализация и категоризация.....	35-38
1.3.3. Структуры представления знаний	38-44
1.3.4. Концепт как вид ментальных репрезентаций знания.....	44-48
1.4. Научные теории изучения вербального знака.....	48
1.4.1. Знак как объект семиотики.....	48-50
1.4.2. Проблема значения номинативного знака.....	50-53
1.4.3. Функции вербального знака.....	53-55
1.4.4. Особенности функционирования наименований родства и дружбы.....	55-63
1.4.5. Соотношение значения и смысла.....	63-65
1.4.6. Когнитивно-семантический потенциал номинативных знаков.....	65-67
Выводы по I Главе	68-71

Глава II. Пространственно-временные репрезентации когнитивно-семантического потенциала наименований родства и дружбы в разных дискурсивных практиках.....	72
2.1. Пространственные репрезентации когнитивно-семантического потенциала номинаций родства и дружбы.....	72
2.1.1. Пространство. Виды пространств.....	72-79
2.1.2. Когнитивная категория <i>близость</i> как регулятор межличностных отношений.....	79-80
2.1.3. Макросценарий доминирования внутреннего пространства при помощи категории <i>близость</i>	80-87
2.1.4. Макросценарий смешения внешнего и внутреннего пространства как проявление их ментальной взаимосвязи.....	88-91
2.1.5. Макросценарий автономного семантического бытования внутреннего пространства.....	92-94
2.1.6. Макросценарий внутреннего пространства опирающийся на оппозиции движения, контакта, ограничения, объема.....	95-100
2.2. Временные параметры выявления когнитивно-семантического потенциала наименований родства и дружбы.....	100
2.2.1. Время как онтологическая категория.....	100-104
2.2.2. Макросценарий репрезентации линейного и циклического времени в межличностных отношениях.....	104-107
2.2.3. Стратегии оценки при восприятии линейного и циклического времени.....	107-112
2.2.4. Макросценарий временных циклов в межличностных отношениях.....	112-115

2.2.5. Оценка как регулятор межличностных отношений.....	115-120
2.2.6. Макросценарий линейного исторического времени, опирающийся на оппозицию «стабильность - динамика».....	120-126
2.3. Особенности проявления когнитивно-семантического потенциала в политическом дискурсе.....	126
2.3.1. Функциональные особенности политических текстов.....	126-128
2.3.2. Когнитивно-семантический потенциал вербальных знаков в текстах предвыборной агитации.....	128-134
Выводы по II Главе.....	135-137
Глава III. Когнитивно-семантический потенциал номинативных знаков родства и дружбы в языковом сознании носителя русского языка.....	138
3.1. Экспериментальные методы в лингвистике как инструмент изучения языкового сознания.....	138-144
3.2. Сопоставительная характеристика данных эксперимента с данными «Русского ассоциативного словаря».....	144-161
3.3. Когнитивные модели интерперсональных отношений по данным ассоциативного эксперимента	161-176
Выводы по III Главе.....	177-178
Заключение.....	179-183
Библиография.....	184-204
Приложение.....	205-227

В истории лингвистики и смежных наук нередко бывает так, что относительно небольшая группа слов привлекает внимание исследователей в значительно большей степени, нежели обширные семантические поля. К числу таких групп, несомненно, относится лексика *родства* и *дружбы*. Способность обнаружить нечто новое в этой, казалось бы, хорошо исследованной области служит своего рода показателем основательности каждого нового научного направления.

Особый интерес исследователей к словам, обозначающим родственные связи (сюда, помимо обозначений кровного родства, традиционно относят обозначения юридического родства, родства по супружеству и – с некоторыми оговорками – родства по религиозному обряду крещения), разумеется, не случаен. Специалисты, работающие на материале самых различных языков, постоянно отмечают типовые черты лексики родства, облегчающие исследовательскую деятельность: относительную простоту и гармоничность семантических группировок, их тенденцию к замкнутости и стабильности, отчетливость парадигматических связей, основанных на однотипном наборе дифференциальных признаков (А. Кroeber, F. Lounsbury, W. Goodenough, К. Вавра, А.М. Кузнецов, М.В. Крюков, Ш.И. Джалилова, С.И. Вайнштейн, И.К. Зайцева, Л.С. Кара-оол и др.).

Заслуга в создании научной типологии систем родства народов мира принадлежит американскому ученому-этнографу Льюису Моргану (50-70 гг. 19 в.). Начиная с 20-х годов 20 века отдельные положения теории Моргана были уточнены или даже опровергнуты учеными У. Лоуи, У. Риверсом, Л.Я. Штернбергом, А.М. Золотаревым, М.В. Крюковым и др.

Следует отметить, что в публикациях по этнографии лексемы, обозначающие *родство*, именуется, как правило, «терминологией родства». Для этнографии это именно специальные термины, но с точки зрения лингвистики, общеупотребительные слова *мама*, *папа*, *сестра*,

брат и т.д. не должны относиться к сфере терминологии. Поэтому ставшее традиционным для этой группы слов наименование «термины родства» должно считаться просто условностью, данью традиции, а не использованием слова термин в его точном значении.

Рассматриваемый в данной работе лингвистический материал достаточно подробно исследован в отечественном языкознании. В частности, можно выделить ряд работ, посвященных этимологии славянских терминов родства (П.А. Лавровский «Коренное значение в названиях родства у славян» 1867, Б.А. Ларин «Из истории слов» 1951, О.Н. Трубочёв «История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя» 1959). В данных исследованиях охарактеризовано развитие терминологии родственных отношений у славян с лингвистической точки зрения, а также с учетом данных смежных наук – истории общества, истории материальной культуры, этнографии.

Привлечение группы лексем с семантикой родства в качестве материала в работах социолингвистического плана было связано с тем, что, как известно, история родственных отношений есть уже история отношений общественных, что особенно очевидно для родового строя. Так, А.И. Моисеев в своих исследованиях «Термины родства в современном русском языке» (1963) и «Термины родства и свойства как конверсивы (на материале русского языка)» (1985) указывает на то, что термины родства и свойства обладают основными характеристиками конверсивов. В исследовании ученый делает акцент прежде всего на лексикографию.

В.В. Колесов в книге «Мир человека в слове Древней Руси» (1986) рассматривает в исторической и функциональной перспективе такие слова-понятия, как «род» и «семья», «семья» и «свои», «близкие» и «ближние», «друг» и «брат». Исторической типологии систем родства посвящена

монография Н.Н. Трошиной «Номинации родства и их эквивалентов в функции обращения в современном русском языке» (1998).

А. Вежбицкая в «Семантических универсалиях и описании языков» (1999) анализирует модели дружбы в разных культурах с позиций этносоциологии и психологии культуры.

Предметом диссертационного исследования Н.В. Багичевой «Регулярное варьирование семантики существительных, обозначающих отношения родства» (1995) стали регулярные вторичные значения и актуальные смыслы терминов родства. Уделяя особое внимание прагматической стороне речи, автор выявляет закономерности функционирования слов данной группы в реальных фактах коммуникации.

Метафорическое переосмысление слов, обозначающих родство, представлено в работе А.П. Чудинова «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000)» (2001). Исследование базируется на данных публичного политического дискурса.

Е.В. Добровольская в диссертации «Концептуализация семьи в русской языковой картине мира» (2005) описывает парадигматические, синтагматические, эпидигматические и ассоциативные связи лексемы «семья» в концептуальной системе.

Одной из последних работ, посвященных номинации родства, является исследование О.Ю. Николенко «Лексико-семантическая группа наименований родства: функционирование, эволюция, словообразовательные потенции (на материале речи жителей г. Омска)» (2006). Автор описывает лексико-грамматическую группу наименований родства в народно-разговорной речи в сопоставлении с соответствующей группой литературного языка.

Несмотря на большое количество работ, изучающих те или иные аспекты семантики и функционирования номинаций *родства* и *дружбы*, проблема представляется далеко не исчерпанной. Данные лексемы

анализируются с позиций диахронического, структурно-семантического и прагматистического аспектов как часть лексико-семантической группы и носитель системного значения в рамках Языка 2 (по терминологии А.А. Залевской). Между тем естественным и вполне закономерным представляется и иной когнитивный подход с позиций соотношения данного типа знака с тем, что стоит за ним в сознании носителя языка (Языка 1). Такой подход требует применения когнитивного и концептуально-семантического анализа к функционированию вербального знака и его содержания. Феномен сознания индивида не может быть описан и структурирован в модели без объяснения устройства концептуальных систем и когнитивных баз языковой личности; без увязывания форм их представления в тексте с когнитивно-ментальными процессами, имеющими место в сознании человека воспринимающего, понимающего, интерпретирующего и говорящего. При этом получаемое описание *всегда* будет только *моделью*, не до конца равной самому феномену. Характеристики модели *не будут полностью тождественны* характеристикам феномена.

В таком описании важна не только модель информационно-поведенческой структуры индивида, его деятельности по хранению и переработке знаний. Более актуально конструирование специфики работы мышления, интерактивного характера языковой когниции, связанной с воспринимаемым миром, активностью, креативностью воспринимающего и формирующего сознания (Демьянков, 1994; Shapiro, 1988).

Если когнитивная лингвистика и психолингвистика исходит из наличия у знака обширной смысловой области в языковом сознании индивида и не полной «выводимости» ее на «поверхность», например в значении слова, то можно предположить существование когнитивного потенциала как «субъективного содержания знакового образа» (А.А. Леонтьев).

Закономерным представляется рассмотрение на данном материале когнитивно-семантического потенциала номинативного знака, реализующегося в вербальном воплощении актуальных смыслов, определенных когнитивных структур. Когнитивные структуры как познавательные структуры, структуры знания, оформленные словом, обязательно связаны со смыслом. *Смысл* (и это также принципиально) не входит в состав абстрактной *семантики языка*, а является частью *концептосистемы* его носителей и выражается языковыми средствами.

Таким образом, **актуальность** данного диссертационного исследования обусловлена вписанностью реферируемой работы в активно развиваемые современные подходы к исследованию вербального знака, содержания и функционирования языковых знаков разного типа с позиций лингвоантропологии и когнитивистики.

На современном этапе развития языковедения достигнуто качественно новое понимание лингвистического объекта. «Лингвистика как зрелая наука может и должна объяснить изучаемый ею объект – язык – но не только «в самом себе и для себя», а для более глубокого понимания и объяснения человека и того мира, в котором он обитает. Это создает предпосылки для изучения языка по его роли и для познания (когнитивное направление в изучении языка), и для коммуникации в осуществлении речевой деятельности <...> и для обеспечения нормальной жизнедеятельности всего общества в целом» [Кубрякова 1995: 224-225].

Актуальность исследования также определяется вниманием ученых к проблеме взаимосвязи языка и мышления (Л.С. Выготский, В.З. Демьянков, Н.Н. Жинкин, Е.С. Кубрякова, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, В.А. Пищальникова и др.); усилением процесса изучения русского языка в антропоцентрическом и лингвокультурологическом ключе (Е.С. Кубрякова, Б.А. Серебренников); увеличением внимания к проблеме функционирования сознания, лингвистического представления языкового

и неязыкового знания (Ф.Е. Василюк, В.П.Зинченко); когнитивным подходом к роли языкового знака как компонента структур сознания человека (Л.О. Бутакова, А.А. Залевская, В.А. Пищальникова).

Объект исследования – результаты речевой деятельности (по созданию текстов и процедуре ассоциирования), направленные на осмысление родственных и дружеских отношений и передачу информации об этих отношениях.

Предмет исследования – вербальные репрезентанты смыслов (семантические единицы и их комбинации различного объема и качества: лексемы, словосочетания, фрагменты текстовых структур), входящие в когнитивно-семантический потенциал знаков, эксплицирующих отношения родства и дружбы в различных типах дискурса.

Цель работы – выявить способы представления когнитивно-семантического потенциала номинативных знаков родства и дружбы в различных дискурсивных практиках и в индивидуальном сознании носителей языка. Данной цели соответствует ряд согласованных между собой **задач**:

1. Определить понятие когнитивно-семантического потенциала номинативного знака и апробировать его применение при разработке лингвистической модели когнитивных структур наименований родства и дружбы;
2. Выявить доминантные виды когнитивных структур, на базе которых формируется когнитивно-семантический потенциал, рассмотрев функционирование языковых знаков с точки зрения пространственно-временной характеристики;
3. Представить использование номинаций родства и дружбы в виде развертывания определенных когнитивных макросценариев, основанных на их функциональном использовании;

4. Выявить основные типы стратегии оценки на основе когнитивного и прагматилистического анализа высказываний, включающих номинации родства и дружбы;
5. Провести экспериментальное исследование (свободный ассоциативный эксперимент). На основе его анализа, а также сопоставления полученных в ходе эксперимента данных с данными РАС выявить семантическую динамику и способы представления когнитивно-семантического потенциала традиционных номинативных знаков в индивидуальном сознании носителей языка.

Решение поставленных задач потребовало использования следующих **методов**: концептуально-смыслового и когнитивного анализа; компонентного анализа лексического значения слова и значения высказываний, содержащих лексемы родства, дружбы; метода лингвистического моделирования; свободного ассоциативного эксперимента.

Эмпирической базой диссертации является картотека, в которую входит около 2000 высказываний, содержащих знаки, номинующие родство и дружбу, и их референты, представленные в виде дейктических слов. Этот материал получен на основе сплошной выборки из произведений художественной литературы. Материалом для исследования послужили прозаические тексты В. Токаревой, Л. Петрушевской, М. Халфиной, Л. Улицкой, А. Вампилова, В. Липатова, А. Алексина; политические тексты, в частности тексты, связанные с предвыборной агитацией кандидатов на различные административные должности регионального и федерального уровня. Для анализа индивидуального сознания носителей языка были использованы данные «Русского ассоциативного словаря» под ред. Ю.Н. Караулова [2002] (РАС) и результаты ассоциативного эксперимента (общее количество информантов – 500, было получено около 17000 реакций).

Гипотеза: за каждым знаком, именующим ту или иную составляющую отношений родства и дружбы, стоят психо-ментальные образования, когнитивные структуры. Каждая из этих структур имеет свои когнитивные потенциалы, части которых, не всегда узуальные, проявляются в определенных дискурсивных практиках.

Научная новизна работы состоит в следующем: на основе когнитивных и психологических концепций языкового знака и его значения введено понятие когнитивно-семантического потенциала номинативного знака и разработана методика его описания для знаков определенного типа. Получено новое системно-динамическое описание когнитивно-семантического потенциала номинативных знаков родства и дружбы на основе пространственно-временных характеристик в русле когнитивистики и лингвоантропологии. Созданы модельные представления языковых репрезентаций смыслового феномена родства и дружбы в дискурсах разных жанров. Функционирование номинаций родства и дружбы представлено в виде развертывания определенных когнитивных макросценариев, состоящих из микросценариев. Выявлены ведущие типы стратегии оценки, реализуемые с помощью использования языковых знаков, репрезентирующих отношения родства и дружбы. Экспериментально установлены способы представления когнитивно-семантического потенциала номинативных знаков данного типа в индивидуальном сознании носителей языка.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается во введении понятия когнитивно-семантического потенциала номинативного знака, что вносит вклад в выявление особенностей функционирования языкового знака в сознании носителей языка и образов мира, с ним связанных; в представлении частей когнитивного потенциала в виде развертывания определенных макро- и микросценариев, что способствует экспликации, описанию и моделированию когнитивно-

семантического потенциала языковых знаков определенных типов; в применении пространственных моделей для представления образов сознания носителей языка, что создает основание для выработки методик выведения на поверхность компонентов когнитивных структур; в моделировании фрагментов индивидуального языкового сознания, что расширяет существующие в теории ассоциативно-вербальной сети представления о задействованных в этой сети стратегиях ассоциирования.

Практическая ценность работы состоит в возможности применения подобного подхода в вузовских курсах стилистики русского языка и стилистики текста, специальных курсах по когнитивной, коммуникативной лингвистике, семиотике и психолингвистике. Результаты исследования применимы в общей теории моделей, теории языковых моделей, когнитивном моделировании, в психологии – для реконструкции сознания индивида.

Положения, выносимые на защиту:

1. Номинации родства и дружбы являются вербальными компонентами когнитивных структур, отвечающих за отражение в коллективном сознании представлений о пространстве, времени и оценке.
2. Являясь психо-ментальными величинами с не до конца заданным объемом (смысловой наполненностью), знаки родства и дружбы обладают когнитивно-семантическим потенциалом – вероятностными репрезентациями личностного смысла, находящимися в пределах как конвенционального (ядерного, стереотипного), так и свободного (субъективного) представления, связанного с реализацией определенной функции (функций) знака в пределах ряда когнитивных структур разной степени сложности.
3. Когнитивно-семантические потенциалы единиц, номинующих отношения родства и дружбы, имеют пересекающиеся, но не совпадающие смысловые реализации в разных дискурсивных практиках

(художественный дискурс и индивидуальное сознание – как конвенциональные, так и личностные смыслы; политический дискурс – только конвенциональные смыслы).

4. Реализация когнитивно-семантического потенциала знаков родства и дружбы вне зависимости от качества дискурсивной практики осуществляется при помощи когнитивных макро- и микросценариев, актуализирующих отдельные компоненты когнитивных структур, среди которых ведущим является компонент, образованный на основе когнитивной категории *близости*.
5. Когнитивная категория *близости* формируется с опорой на пространственный параметр и определяет значительную часть когнитивно-семантического потенциала языковых знаков, номинирующих отношения родства и дружбы, создает формат ментальных репрезентаций отношений «человек – человек», регулирует динамику смыслового наполнения в сознании и развертывания в речи. Речевое развертывание смыслового наполнения когнитивной категории *близость* на основе пространственных когнитивных структур происходит по определенным макросценариям.
6. Когнитивно-семантический потенциал знаков родства и дружбы представлен развертыванием в речи когнитивных макро- и микросценариев, прототипических схем *оценки* при восприятии линейного и циклического времени.

Основные положения диссертации **апробированы** на I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 2006), на XV Симпозиуме по психолингвистике «Речевая деятельность, языковое сознание, общающиеся личности» (памяти А.А. Леонтьева) (Москва, 2006), на региональных конференциях «Славянские чтения» (Омск, 2003 – 2005) на научно-практической конференции «Человек в свете современных

естественно-научных и гуманитарных исследований» (Омск, 2006). По материалам диссертации опубликовано 6 печатных работ, общим объемом 2,2 п.л.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, приложения, библиографического списка.

Глава I. Теоретическое обоснование изучения когнитивно-семантического потенциала номинативных знаков, обозначающих отношения родства и дружбы

1.1. Когнитивно-семантический потенциал номинативного знака как проблема когнитивной лингвистики

В последнее время в отечественном языкознании появилось большое количество исследований, рассматривающих язык в когнитивном аспекте. «Когнитивизм – взгляд, согласно которому человек должен изучаться как система переработки информации, а поведение человека должно описываться и объясняться в терминах внутренних состояний человека. Эти состояния физически проявлены, наблюдаемы и интерпретируемы как получение, переработка, хранение, а затем и мобилизация информации» [Демьянков 1994: 17]. Человек выступает в качестве объединяющего центра, который, обуславливая взаимопроникающие, достаточно крепкие междисциплинарные связи, каузирует возникновение новых научных направлений, одним из которых является когнитивная наука. У истоков когнитивистики стояли Дж. Миллер, Н. Хомский, М. Минский, Т.А. Ван Дейк. Когнитивная наука – это комплексная, междисциплинарная «наука о знании и познании, <...> об общих принципах, управляющих ментальными процессами в человеческом мозгу...» [Кубрякова 1994: 34].

«Когнитивисты обречены на междисциплинарность, это предопределено самой их историей. Только общими усилиями психологии, лингвистики, антропологии, философии, компьютерологии можно ответить на вопросы о природе разума, об осмыслении опыта, об организации концептуальных систем» [G. Lakoff 1982: 11].

Изучение когнитивного мира человека базируется на данных о его поведении, различных видах деятельности, «подавляющее большинство которых протекает при участии языка, <...> язык не просто `вплетен` в тот

или иной тип деятельности», но как бы образует ее речемыслительную основу» [Кубрякова 1994: 37]. Впервые в лингвистике деятельностное представление языка было предложено В. Гумбольдтом: язык есть деятельность, «есть вечно повторяющееся усилие духа сделать членораздельный звук выражением мысли» [Гумбольдт 1985: 376]. Введение деятельностной трактовки языка дало возможность по-новому рассматривать традиционные лингвистические проблемы – соотношение социального и индивидуального (субъективного и объективного) в речевой деятельности, вариативного и инвариантного, языкового творчества, связи языка, мышления и сознания [Постовалова 1982: 34-35].

Фигуры мышления проявляют свое истинное значение лишь в процессе вербализации. А.А. Потебня писал: «Мысль, деятельность вполне внутренняя и субъективная, в слове становится объектом... Только посредством объективирования мысли в слове может... образовываться понятие» [Потебня 1999: 29].

В число дисциплин, объединенных термином когнитивистика, входит и лингвистика как наука, в рамках которой через призму языка исследуются процессы, связанные со знанием и информацией. Таким образом, когнитивная лингвистика – направление, рассматривающее язык как общий когнитивный механизм и занимающееся системным описанием, объяснением этих механизмов человеческого усвоения языка и изучением принципов их структурирования [Демьянков 1994: 21] (о соотношении понятий «когнитивная наука» и «когнитивная лингвистика» подробнее см. в КСКТ; Кибрик 1994; Ченки 1996; Фрумкина 1996; Кубрякова 1994; Герасимов, Петров 1988; Баранов, Добровольский 1997; Касевич 1989; Сонин 2002 и др.).

На возникновение этого направления в отечественной науке во многом повлияли работы западных исследователей: Р. Шенка, Дж.Лакоффа. Ч. Филмора, У. Чейза. Разработкой вопросов когнитивной

лингвистики в России занимаются Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, Т.В. Булыгина, Л.О. Бутакова, В.З. Демьянков, А.Е. Кибрик, Е.С. Кубрякова, В.А. Пищальникова, А.Г. Сонин, И.А. Стернин, Н.Е. Сулименко и др.

1.2. Научные концепции сознания

1.2.1. Сознание – мышление – деятельность

Проблема сознания исследуется во многих гуманитарных дисциплинах: философии, психологии, теории речевой деятельности, психолингвистике, стилистике, лингводидактике. Понятие «сознание» в разных науках имеет несколько различных смыслов. 1) В начале 20 в. сознание – философская категория (форма отражения бытия). Сознание связывается с мышлением, деятельностью. И результат этой взаимосвязи – отождествление сознания с осознанием человеческого бытия, окружающей действительности, результатами познания (знанием) или процессом осознания одной связи за другой, перехода от одного явления к другому (Спиркин 1960, Шорохова 1961, Степин 2000, Канке 2000). Сознание формирует субъективный образ объективного мира. Это высшая форма отражения, присущая лишь человеку.

Один из ведущих отечественных философов М. Мамардашвили видит сложность изучения данной проблемы в том, что сам предмет изучения – «явление, которое есть и которое в то же время нельзя ухватить, представить как вещь» [Мамардашвили 1999: 149]. Сознание в рамках феноменологического подхода многогранно, многоуровнево, обладает протяженностью и дискретностью. «Сознание в своей непосредственности нам не дано познать, единственный путь приближения к нему - выбрать орудием и предпосылкой анализа текст, но понимаемый не просто в качестве суммы достигнутых знаний, но в качестве

реализуемой мысли и способа бытия» [там же: 149]. Таким образом, изучение сознания возможно только опосредованно через язык. Ученый убежден в невозможности работы с сознанием вне специфического метаописания, но и оно дает нам возможность не более чем «проглядывания» в сознание (Мамардашвили 1997). Для философа важно существование чистого сознания, идеального образования, сферы, в которой уже все есть, пространства доопытных знаний, опосредуемых личным опытом человека. В рамках его концепции сознание = мышление = сознательность. При этом ученый постоянно подчеркивает невозможность полного и адекватного анализа сложного психоментального явления изнутри и однозначного очерчивания его границ.

Не менее важную роль для формирования и развития теории сознания сыграли работы В.П. Зинченко. Философ подходит к феномену сознания с позиций онтологии, выделяет отражательную, регулятивно-оценочную, креативную, рефлексивную функции. Именно рефлексия, по мнению ученого, является «ядром сознания». Ученым подробно рассматриваются структура, механизмы и результаты работы сознания. Развивая теорию Н.А. Берштейна, введшего понятие биодинамической ткани движения, в структуре сознания В.П. Зинченко выделяет три слоя: бытийный, рефлексивный и духовный. Все уровни взаимопроницаемы и находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. Бытийный слой основывается на стереотипизации, схематизации и архитипизации. Он образован биодинамической тканью движения и чувственной тканью образа. Биодинамическая ткань, по мнению ученого, является наблюдаемой и рефлексивной формой живого движения. Чувственная ткань – строительный материал образа. Она непосредственно не наблюдается, а диагностируется только экспериментально. В.П. Зинченко считает, что оба вида ткани тесным образом связаны со значением и смыслом. Мир идей и понятий соотносится ученым со значением, мир

эмоций и ценностей – со смыслом, мир деятельности – с биодинамической тканью, мир образов и представлений – с чувственной тканью [Зинченко 1991: 15-36].

Рефлексивный слой составляют значение (конвенциональное образование) и смысл (индивидуальная величина) [Зинченко 1991: 23].

Третий (духовный) уровень, выделяется ученым в более поздних работах, в рамках которых он несколько пересматривает иерархию слоев сознания и вместо рефлексивного уровня выдвигает на первый план духовный уровень, в котором человеческая субъективность «представляет человеческое «Я» в его разных модификациях и ипостасях» (Зинченко 1997). При этом исследователь указывает на условность выделения слоев и трактует сознание как «смысловую и в высшей степени динамическую систему» (там же).

2) Психологические и психолингвистические концепции сознания имеют много точек пересечения с философскими и логическими теориями. Общим является утверждение косвенности исследовательских процедур, предполагающее, что сознание может быть проанализировано только через вербально оформленные результаты отражения.

Одним из первых, кто ввел триаду – подсознание, сознание, сверхсознание – был З.Фрейд. Сознательное было противопоставлено коллективному бессознательному. Индивидуальное бессознательное было исключено из структуры сознания.

Начиная с трудов Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, А.А. Леонтьева и заканчивая современными исследованиями русской психологической школы («Психология смысла» Д.А. Леонтьева) актуально противопоставление психологического значения и личностного смысла. Эту оппозицию поддерживают и психолингвисты. Вводится понятие концепт – категория, которое объединяет перцептивные, ассоциативные, образные, вербальные смыслы (В.А. Пищальникова).

У А.Н. Леонтьева структуру сознания составляют психологическое значение (обобщенное отражение действительности), личностный смысл, отношение индивида к миру, которое фиксируется в субъективных значениях. Чувственная ткань, источник человеческого сознания, по Л.С. Выготскому, концентрируется в значениях: «слово всегда относится не к одному какому-нибудь отдельному предмету, но к целой группе или к целому классу предметов. В силу этого каждое слово представляет собой скрытое обобщение».

В современной психологии существует модель сознания, предложенная Ф.Е. Василюком, его психосемиотический тетраэдр, состоящий из предметного содержания образа, личностного смысла, значения и слова (знака). Образ сознания, по мнению исследователя, имеет пять измерений. Четыре из них, являясь представителями внешнего мира, внутреннего мира, мира культуры и мира языка, становятся «своего рода магнитными полюсами образа» [Василюк 1993: 18]. Пятая образующая сознания, чувственная ткань, сопровождает не только предметное содержание образа, но и все остальные полюса. Чувственная ткань «является чем-то единым, и в то же время вовсе не гомогенным, а достаточно дифференцированным, сгущаясь вблизи полюсов образа и получая здесь сильные, специфические для каждого образа характеристики» (там же).

Но, поскольку механизм мышления нам до сих пор неизвестен, и, по словам А.А. Леонтьева, мы знаем только то, что имеем на входе и выходе, а сам процесс мышления остается для нас «черным ящиком», основным материалом при решении вопроса об отношении мышления и речи служит сама речь. Именно в ней заключены наиболее общие результаты человеческого познания в виде значений слов. Н.О. Швец в своей работе «Структуры сознания и роль языка в их «овнешнении» (Швец 2003) отмечает, что значение слова в структуре сознания индивида предстает как

целостное единство продуктов сенсорного, когнитивного и аффективного опыта взаимодействия со средой. Исследования последних лет не только в области лингвистики, но и психологии, когнитивной науки, нейробиологии доказали правомерность вывода о неразрывной связи, фузийности всех феноменов психической жизни человека: перцептивного, аффективного и когнитивного компонентов, влиянии взаимодействия телесного и духовного на функционирование сознания. Такой подход при изучении феноменов сознания представляется нам совершенно естественным, поскольку любая информация поступает в мозг через какие-либо органы чувств, которые, в свою очередь, принадлежат конкретному субъекту, находящемуся в каждый момент взаимодействия с миром в определенном психофизиологическом и эмоциональном состоянии. Эмоции могут сопровождать (сопереживать), провоцировать (запуск), блокировать и оценивать деятельность человека. Эмоция является представителем мотива. Как отмечает В.К. Вилюнас, «принципиальное отношение между мотивацией и эмоциями передает обобщенное определение эмоций как субъективной формы существования (проявления) мотивации» [Вилюнас 1990: 7]. При этом следует подчеркнуть необходимость понимания структур сознания как находящихся в процессе постоянного движения, развития и взаимного влияния, кроме того, необходимо учитывать, что значительная часть этих процессов протекает на глубинном подсознательном уровне, лишь иногда «всплывая» на поверхность сознания. Подобное понимание природы психической жизни позволяет говорить о нетождественности языкового и неязыкового сознания, вербализованных и невербализованных знаний, о возможности для структур сознания существовать одновременно на разных уровнях осознаваемости (и познаваемости).

1.2.2. Языковое сознание

Содержание, транслируемое в общении, мыслится в операциональных, предметных и деятельностных значениях, а передается в языковых знаках. Вербальное представление результатов мыслительных процессов непрямо отображает процесс мышления. Языковые средства выступают как инструмент доступа, извлечения из глубин сознания, описания и изучения того, что стоит за словом. Обращение к языку необходимо не потому, что все структуры сознания вербализованы, а потому, что все объяснения и описания предстают для человека в вербализованной форме. Язык выступает как некая форма фиксации – относительно более стабильная, чем отражаемое и выражаемое им содержание сознания. Язык, несомненно, оказывает влияние на ментальную деятельность, но ставить знак равенства между языковыми структурами и знаниями невозможно. Необходимо изучение структур языка и структур сознания в их соотнесенности и взаимодействии, но без подмены понятий. Этому способствуют теории ментальных репрезентаций знаний, способные объяснить специфику порождения значения, взаимодействия сознательного и бессознательного, а также динамику, лежащую в основе интуиции и творческого мышления, и взаимодействие ощущений, чувств и абстрактных представлений в качестве базы ментальных процессов.

Понятие «ментальная репрезентация» является одним из центральных в когнитивной науке, т.к. ее задача – показать, как мозг строит внутренние модели внешнего мира. Репрезентации – общее обозначение единиц нашего сознания. Под ментальной репрезентацией понимаются внутренние структуры, формирующиеся в процессе жизни человека, в которых представлена сложившаяся картина мира, социума и самого себя [Ментальная репрезентация: динамика и структура 1998: 8].

Говоря о *языковом сознании*, следует отметить, что при определении понятия «языковое сознание» мы встречаемся с некоторыми терминологическими трудностями. Как справедливо указывает И.Н. Горелов, «языковое сознание функционирует в научных текстах не как однозначное терминосочетание, а в качестве интуитивно найденного обозначения различных «ясно-смутных» представлений об обозначаемых, часто синонимичных "языковому мышлению» [Горелов 1998: 46-47]. Многие авторы используют термины «языковое мышление» и «речевое мышление» в качестве синонимов, фактически имеет место взаимозамена терминов языковое/речевое мышление/сознание, при этом ни один из этих терминов до сих пор не получил четкого определения.

Попытка упорядочить мнения, высказываемые в различных публикациях (Языковое сознание... 1988; Язык и сознание...1993; Этнокультурная специфика... 1996), приводит к выводу, что, по-видимому, важно различать общее понятие "универсального", или "глобального", сознания/мышления и частные понятия языкового/речевого сознания/мышления, которые фигурируют наряду с понятиями знакового сознания, когнитивного сознания, метаязыкового сознания, неязыкового сознания и т.д. В то же время следует учитывать, что некоторые авторы не разграничивают понятия "сознание" и "языковое сознание". На это указывает В.В. Красных: "Говоря о языковом сознании, мы имеем в виду ту "ипостась" сознания, которая связана с речевой деятельностью личности" [Красных 1998: 21].

А. А. Залевская, развивая идеи Л.В. Щербы и А.А. Леонтьева, рассматривая четыре аспекта «языковых явлений», приходит к выводу, что в ходе речевой деятельности индивида формируется Язык 1 как система ориентиров и опор, необходимых для успешности процессов производства и понимания речи. В ходе деятельности лингвиста создается Язык 2 как описательная модель языка. Язык 1 и Язык 2 отражают одни и те же

содержащиеся в языковом материале закономерности, но каждый из них имеет свой «угол зрения», предопределяющий концентрацию внимания на разных сторонах действительности (Залевская 2005). Таким образом, важным представляется вопрос о нетождественности, о различении Языка 1 и Языка 2 как феномена и его реконструируемой модели.

Исходя из всего выше сказанного можно сделать вывод о том, что проблема человеческого сознания в современных гуманитарных науках остается одной из актуальных и до сих пор не разрешенных.

1.2.3. Сознание и «образ мира»

В рамках отечественной психолингвистики понятие «образа мира», выдвинутое А.Н. Леонтьевым, стало одним из фундаментальных понятий для описания психических и речемыслительных процессов в деятельности человека, особенностей его взаимоотношения с окружающим миром. Оно выполняет функцию центрального образования всех познавательных (когнитивных) процессов. В своей работе «Психология образа» А.Н. Леонтьев говорит о том, что проблема восприятия должна ставиться как проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности ...«иначе говоря, психология образа есть конкретно-научное знание о том, как в процессе своей деятельности индивиды строят образ мира – мира, в котором живут, действуют, который они сами переделывают, это знание о том, как функционирует этот образ мира, опосредуя их деятельность в объективно-реальном мире» [Леонтьев 1979: 7].

Это определение созвучно определению образа мира, данному В.П. Зинченко в работе «Миры сознания и структура сознания», образ мира – это отражение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии. Ученый отмечает, что действительность воспринимается индивидом через образ мира, при этом в

каждый момент восприятия в мышлении существует то, что является объектом актуального смыслопорождения и то, что неосознаваемо, но в процессах познания участвует (Зинченко 1991).

А.Р. Лурия в работе «Язык и сознание» пишет: «Огромный выигрыш человека, обладающего развитым языком, заключается в том, что мир удваивается. С помощью языка, который обозначает предметы, он может иметь дело с предметами, которые не входят в состав его собственного опыта... Человек имеет двойной мир, в который входит и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами. Таким образом, слово – это особая форма отражения действительности. Человек может произвольно называть эти образы независимо от их реального наличия... может произвольно управлять этим вторым миром» [Лурия 1979: 37].

В этом смысле для психологов в сознании важен отражательный аспект. Сознание – форма отражения, психический механизм, который присущ только человеку; продукт деятельности индивида, опосредованный общением с другими людьми. Как и в философии, сознание для психолога – результат индивидуально-личностного самоопределения человека в процессе деятельностного познания мира [Леонтьев 1979: 12], некое духовное состояние, в котором производятся знания.

Д.А. Леонтьев отмечает объемность, нелинейность структуры сознания. Ее компоненты – образ мира (экран сознания, при этом образ не тождествен информации), механизмы построения (механизмы, осуществляющие работу сознания), механизмы осмысления (механизмы, обеспечивающие соотнесение образа мира со смысловой сферой личности и сообщающие им личностно-смысловую окраску), внутренний мир (ядерные структуры образа мира как глубинного слоя субъективной реальности), рефлексия. Следовательно, смыслы и смысловые механизмы,

согласно этой концепции, присутствуют везде. Они «запускаются» рефлексией, также пронизывающей все уровни (Леонтьев 1999).

В связи с вышесказанным необходимо обратить внимание на субъективную составляющую сознания и сам процесс порождения речи. Субъективный фактор проявляется в наличии смысловых конструкторов – устойчивой категориальной шкалы, представляющей в психике субъекта на уровне глубинных структур образ мира. Эта шкала показывает субъекту зависимость определенной характеристики (параметра) объекта или явлений действительности, выполняет функцию дифференциации и оценки объекта [там же: 217].

Образ объекта в сознании субъекта, сложившийся под влиянием на восприятие мотивов и установок личности, формализуется в личностно-смысловой трансформации объекта. Динамическая смысловая система личности рассматривается как относительно устойчивая, автономная, иерархическая система, включающая ряд разноуровневых смысловых структур и функционирующая как единое целое [там же: 235].

Начало речевой деятельности ставится в зависимость от активности сознания, основу которой составляет определенный мотив. Сама она подчинена тем или иным целям – общей, «стратегической», и частным, промежуточным, «этапным» (Выготский, 1998; Горелов, Седов, 1998; Жинкин, 1958, 1998; Кацнельсон, 1972; Леонтьев, 1977; Леонтьев, 1997; Лурия, 1998; Пищальникова, 1999; ЧФЯ, 1991). «За каждым речевым актом стоит не просто желание вступить в контакт, но и более конкретный мотив – причина или совокупность причин, побуждающих человека к общению с данным человеком в данной ситуации, а потому обуславливающих иллокутивные силы осуществляющегося акта речи» [Кубрякова 1991: 47].

Следовательно, характер и форма речи – материал для моделирования мотивов, интенций говорящего и структур его сознания.

Говорящий субъективно использует язык для адекватной реализации своего замысла, для акцентирования важнейших личностных смыслов.

В ряду известных дефиниций смысла выделим определение Д.А. Леонтьева. Ученый трактует смысл как «отношение между субъектом и объектом, которое определяется местом объекта (явления) в жизни субъекта, выделяет этот объект (явление) в образе мира и воплощает в личностных структурах, регулирующих поведение субъекта по отношению к данному объекту (явлению)» [Леонтьев 1999: 114].

В данной дефиниции категория отношения связывает не только познающего субъекта и познаваемый объект, но и всю концептуальную систему (образ мира) субъекта, его личностные механизмы. Это дает возможность распространять понятие на любые виды смыслов.

Д.А. Леонтьев, кроме того, уточняет определение личностного смысла, данное А.Н. Леонтьевым, подойдя к нему с феноменологической точки зрения. Личностный смысл у него - форма познания субъектом его жизненных свойств, презентации их в его сознании [Леонтьев 1999: 113].

Реальный процесс порождения речи в настоящее время описан многими русскими и зарубежными психолингвистами («Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи» 1991, см. работы Л.С. Выготского, И.Н. Горелова, Н.И. Жинкина, А.Р. Лурии, К.Ф. Седова, А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, С.Д. Кацнельсона, Е.С. Кубряковой, Ч. Осгуда, Н. Хомского, Л. Чейфа и др). С.Д. Кацнельсон, например, квалифицирует сущность порождения и понимания как путь от «содержательных элементов сознания к речевым текстам и от речевых текстов к содержательным элементам сознания». Он указывает на то, что «процесс порождения речи является ... не только процессом образования текстов, но и процессом образования «смыслов»; это единый процесс порождения мысли и речи» [Кацнельсон 1972: 120].

Любое из определений смысла фиксирует единство его субъективного, «результативно-отражательного» и конкретно-ситуативного характера, связь со значением как формой выражения, «демонстрирующей результат речепорождения» [Горелов, Седов 1998: 61]. Этот результат в виде высказывания или текста для реципиента – система его личностных смыслов как производное от системы актуализированных личностных смыслов автора (Выготский, 1999; Леонтьев, 1977; Пищальникова, 1992, 1996, 1999).

Таким образом, в центре внимания оказывается текст как средство доступа к единой информационной базе человека, выполняющий двойственную медитативную функцию установления связей нового знания с личным знанием индивида, с коллективным знанием, закрепленным в культуре.

М.В. Гаврилина в работе «Образы и структура языкового сознания» отмечает, что сознание есть продукт идеального отражения действительности, представляющей собой совокупность образов окружающего мира, осознаваемых и неосознаваемых субъектом. Характер этих образов складывается по мере овладения субъектом действительности и культуры, которая является сложной формой бытия, наполненной субъектно-объектными отношениями [Гаврилина 2003: 55].

Акт коммуникации между носителями сознаний представляет собой акт обмена образами сознания. Чтобы акт состоялся, образы должны быть овнешнены средствами доступными для обоих коммуникантов – одним из таких средств овнешнения является язык. По определению Е.Ф. Тарасова, «языковое сознание есть образы сознания, овнешняемые языковыми средствами - отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей. Образы языкового сознания интегрируют в себе умственные знания, формируемые самим субъектом

преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств в предметной деятельности» [Языковое сознание: содержание и функционирование 2000: 3].

Сознание индивида воспринимает и осмысляет окружающий мир в соответствии со сложившимися нормами и установками. Это обусловлено корреляцией вербальных и ментальных структур. Индивид интегрирует фрагмент реального мира в свою ментальную реальность (преобразуя его в образ), в свою очередь слово является результатом процесса вербальной переработки реального мира (а точнее его образа в сознании) в мышлении. Таким образом, сознание вступает в сложные отношения с языком и культурой, осуществляя отражение индивидом окружающей действительности в форме определенным образом структурированных и систематизированных знаний и представлений и отвечая за хранение, фиксацию и оценку результатов деятельности человека.

Представляется важным отметить разграничение *сознания* как достояния индивида, поддающегося изучению только в рамках специфического метаописания, *образа сознания* как результата деятельности индивида по интериоризации внешнего и внутреннего миров и *модели образа сознания* как продукта научной деятельности исследователя. При этом для первого в большей степени будет важна деятельность в плане осмысления, а для второго – в плане означивания, имеющего возможность быть описанным и изученным по результатам речемышлительной деятельности индивида (текстам). В последнем случае речевое произведение (текст) будет выступать моделью сознания, определенным образом преломляющего процесс бытия человека.

При реконструкции образов сознания ученые руководствуются разными подходами и принципами изучения. В.В Иванов и В.Н. Топоров оперируют понятием «моделирующие системы», понимая под ними

структуры элементов и правил их соединения, находящиеся в состоянии аналогии всей области объекта познания, осознания или упорядочивания (Иванов, Топоров 1965). По мнению А.А Залевской, исследование образов сознания должно производиться с позиций комплексного подхода, способного интегрировать результаты изысканий во многих областях гуманитарного знания. Опираясь на работы антрополога К. Харди, а также отечественную психологическую традицию (Лурия А.Р., Василюк Ф.Е., Веккер Л.М.), Залевская А.А. подчеркивает динамический характер ментальных образований, их обязательную связь с чувственной тканью, эмоциями, настроениями, оценочными переживаниями (Залевская 2001).

Языковое сознание представляет себя в языке, и язык есть лучшее отражение человеческой мысли, язык есть то, в чем и при помощи чего существует сознание общества. Именно языковые данные играют решающую роль при выявлении фундаментальных моделей мышления у разных народов [Леонтьев 1997: 297]. Язык – целостная среда, в которой протекает жизнь человека, выявляются главные векторы его познавательных процессов и в этом смысле естественный язык можно рассматривать как язык познания. Каждый из языков познания не просто представляет нам какую-то из способностей человеческого духа в постижении мира, но и содержит в себе суть этой способности, которую мы никак иным путем, кроме как через изучение языка, постичь не можем, а также суть того фрагмента мироздания, которую эта способность наилучшим образом отражает. При этом мы одновременно постигаем как расширенные возможности языка, так и ограничения, накладываемые конкретным языком познания на познавательный процесс [Портнов, Кудряшова 2003: 210].

1.3. Структуры репрезентации знания

1.3.1. Репрезентации. Ментальные репрезентации

Термин **репрезентация** является центральным в когнитивной науке, которая интегрирует данные разных дисциплин «для уяснения определенных аспектов человеческого сознания, прежде всего тех, которые связаны с оперативным мышлением и процессами познания мира» [Кубрякова 1992б: 4].

Ментальная репрезентация традиционно определяется как гипотетический объект, существование которого косвенно выводится из наблюдений за поведением индивида. Это своеобразный способ психического существования объектов и действий как собственных, так и чужих. Ментальная репрезентация не исчерпывается ни понятием ментального образа, так как многие знания человека о мире не связаны с их образным представлением, ни понятием «декларативных знаний» (знаний, которые должны и/или могут быть выражены словесно), так как многие наши знания носят «процедурный» характер (Сонин 2002).

При попытке определить само понятие представления, или репрезентации, мира возникает широкий круг проблем. Как отмечает Е.С. Кубрякова, с познанием и репрезентацией мира человеком связано три проблемы: проблема восприятия мира (формирование ментальных репрезентаций), проблема осмысления воспринятого (концептуальное структурирование) и проблема языкового оформления (вербальная репрезентация) [Кубрякова 1992б: 12]. Таким образом, говоря о получении, переработке, хранении, извлечении и использовании знаний, предполагается одновременное существование нескольких форм их репрезентации, т.е. определенных структур сознания, представляющих собой «следы» в диапазоне от зрительных, акустических впечатлений до репрезентаций концептуального плана, которые образуются под воздействием услышанного предложения или прочитанного текста.

Одна из самых известных работ, связанная с полемикой о форме «существования» репрезентации в памяти человека и о видах представлений, принадлежит А. Пейвио. В исследовании «Ментальные репрезентации» им предложена теория двойного кодирования мира: вербального и невербального. В концепции, которая объединила два крайних подхода – радикальную теорию образов (Э.Б. Титченер, В. Бугельский и др.) и теорию ментальных пропозиций (Х.Кларк, В.Кинтч, Д.А. Норман, З.Пылышин и др.) (см. о концепциях, например, в [Бабушкин 1996: 8]), постулируется, что репрезентации могут быть как материальными, так и чисто психическими, воображаемыми сущностями. В одной из работ последних лет на основании анализа этой теории (Новиков 1989; Кубрякова 1992б) была предложена обобщенная схема двойного кодирования [Мухина 2000: 24-25]. Согласно схеме Н.М. Мухиной, репрезентация может быть:

- 1) ментальная: картиноподобная («образ-картинка», «обобщенная схема») и языкоподобная («неизоморфная отражаемым объектам»);
- 2) физическая: картиноподобная (фотография, рисунок, карта, диаграмма) и языкоподобная (естественный человеческий язык, логика, язык компьютерных систем).

При этом языкоподобные репрезентации – это «все репрезентации языковых единиц – слов, их частей, предложений, клишированных конструкций и т.п., но главное – **пропозиций**» [КСКТ: 157].

Понятие пропозиции в когнитивной лингвистике используется для обозначения особой структуры сознания – «единицы хранения знания, единицы, репрезентирующей мир и выступающей в виде определенной формы его репрезентации» [КСКТ: 137-139]; а представления о связях и отношениях между событиями, объектами, явлениями, формирующиеся наряду с представлениями о самих событиях, объектах и т.д., порождают особый тип репрезентации знаний – пропозициональный (там же). Нередко

пропозициональным структурам приписывается роль связующего звена между вербальными и невербальными репрезентациями – между разными когнитивными системами или модальностями и их языковым выражением. В этом случае можно говорить о «модально специфичных» репрезентациях (зрительные, слуховые и прочие образы, базирующиеся на перцептивных признаках) и «амодальных» (абстрагированные, «схематичные» образования) [Залевская 2000: 98].

Понятие пропозиции вошло в когнитивистику под влиянием формальной логики, и его использование в когнитивных моделях связано с гипотезой, согласно которой семантические репрезентации имеют квазилингвистическую структуру. По аналогии с уровневыми моделями языковой структуры репрезентации обычно рассматриваются в иерархически организованных системах: каждая репрезентация, представляя разные языковые единицы от отдельно взятого слова до целого текста, включает в себя репрезентации низлежащего уровня и представлена на более высоком уровне в качестве базового компонента его единиц.

Композициональный характер ментальных репрезентаций постулируется как их фундаментальное свойство, позволяющее строить новые репрезентации на основе ограниченного набора базовых компонентов.

По мнению Р.Джакендоффа, существует один уровень, на котором информация, передаваемая с помощью средств естественного языка, сопоставляется с информацией, поступающей от различных органов чувств, – это **уровень ментальных репрезентаций**. Этот единственный в своем роде уровень, где совмещается лингвистическая, сенсорная и моторная информация, Р.Джакендофф предлагает называть **концептуальной структурой** [КСКТ: 158]. Автор отождествляет семантическую структуру с концептуальной структурой, «врожденные

правила формирования которой включают словарь примитивных концептуальных категорий, или «семантических частей речи», таких как Вещь (Объект), Событие, Состояние, Действие, Место, Путь, Свойство и Количество» [Харитончик 1992: 102]. Эти базисные категории могут быть расширены в более сложные выражения.

Как отмечает Е.С. Кубрякова, подобная точка зрения близка, в частности, тем концепциям, которые доказывали первостепенную значимость для устройства и функционирования языка тех концептуальных оснований, что маркируют распределение слов по частям речи и которые, вероятно, предсуществуют языку [КСКТ: 92].

1.3.2. Концептуализация и категоризация

Процесс концептуализации тесно связан с процессом **категоризации**. Если первый направлен на выделение минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении, второй - ориентирован на объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризующихся как тождественные, в более крупные разряды [КСКТ: 93]. Иными словами, под категоризацией – прежде всего в психологической и психолингвистической традиции – понимается способ установления и выражения в языке преимущественно иерархических отношений (таких, как общее–частное, класс–член класса) [Фрумкина 1992: 5].

Связь процессов концептуализации и категоризации детерминируется природой языковых единиц, которая определяется взаимодействием онтологического, концептуального и собственно лингвистического факторов. В общем виде его можно сформулировать следующим образом: онтологическая природа объекта задает возможность многих способов концептуализации, язык же определенным образом кодифицирует данные концептуальные возможности [Рузин 1996: 39-50].

В.Б. Гольдберг в качестве основной цели категоризации обозначает соотношение обозначаемых объектов по признакам, наиболее значимым в процессе практической деятельности человека с этими объектами. В организации обыденной категории участвуют корреляты одной из связей конструкторов – градуальная, полярная, метонимическая, антонимическая и т.д. Когнитивные корреляты связей-конструкторов многочисленны, поскольку они отражают богатство связей, которые человек устанавливает в процессе восприятия и интерпретации окружающего мира, структура обыденной категории моделируется в виде сети семантических связей [Гольдберг 2003: 61-62].

Основным положением концепции категоризации является представление о том, что категоризация является результатом мыслительной деятельности человека, и проникнуть в суть закономерностей человеческого мышления можно, изучая *категории*, которые реально существуют только в языке (Белявская 1994; Кибрик 1994; Ченки 1996; Кубрякова 1992; Харитончик 1992 и др.).

Категории – это «ментальные объекты, отражающие наши знания об онтологии, о сущности мира, они доказательство того, что окружающий нас мир структурирован определенным образом» [Бабушкин 1996: 17]. Результаты лингвистической категоризации отражены в полнзначной лексике, а «каждое полнзначное слово можно рассматривать как отражающее отдельно взятую категорию со стоящими за ней многочисленными ее представителями» [КСКТ: 42].

С позиций Э. Рош, категоризация предметов и явлений мира в сознании людей происходит не на уровне понятий, а на уровне *прототипов*, под которым понимается культурно-обусловленный ассоциат некоторой более обобщающей категории. «Прототип характеризуется тем, что он должен отражать категориально существенные свойства нашего представления об объекте, насколько он приближен к типичной или

репрезентативной сущности концепта» [Бабушкин 1996: 17; Кубрякова 1992; Фрумкина 1992; КСКТ: 44,46 и др.].

Таким образом, по Э. Рош, категории представляют собой не простое множество единиц, а множество с отклонениями, формирующее систему, в которой выделяются «центр» и «периферия». При этом «центр» и называется прототипом, являясь неким эталоном и обладая свойством максимальной «психологической выделенности». Отсюда, прототип (как и концепт) – это ментальное образование; в мире наблюдаемых объектов прототипов нет. Р.М. Фрумкина отмечает, что по-русски в данном случае было бы удобней использовать термин *стереотип* и говорить о стереотипном представлении объектов.

Идея прототипизации лежит в основе исследования А.Г. Кустовой. Автор утверждает, что «кроме метафорических существуют еще и неметафорические значения, которые имеют тот же источник, что и метафорические, - основное базовое значение слова <...> исходное значение слова как способ концептуализации некоторой ситуации внеязыковой реальности предоставляет говорящим своего рода ментальную схему (семантическую модель) для осмысления других типов ситуаций, подводимых (в той или иной мере) под эту схему» [Кустова 2000: 104]. Исследователь в работе использует понятие *прототипического объекта* и *прототипической ситуации* [там же: 85].

Оригинальная классификация категорий представлена Дж. Лакоффом (Лакофф 1988). Согласно его идее, существуют типы категориальной метонимии, при которой часть категории замещает всю категорию для какой-либо когнитивной цели. С каждым типом метонимической модели связан и определенный вид прототипа – *стереотип*, *идеал* или *образец*. *Стереотипы* понимаются им как типичные примеры, причем использование типичных членов категории обычно не осознается и носит «автоматический» характер, в отличие от *социальных*

стереотипов, которые обычно осознаются и могут вызвать споры. Они применяются тогда, когда требуется сформировать быстрое суждение о людях, и могут корректироваться с течением времени. *Идеалы* – это абстрактные идеальные образцы, через которые воспринимаются многие категории. Они могут не представлять собой ни типичных представителей данной категории, ни стереотипов; к идеалам обращаются в суждениях и планах на будущее. Под *образцами* понимается представление категории в целом на основе знания ее отдельных членов, которые являются либо идеалами, либо их противоположностями [Лакофф 1988: 34-35].

Таким образом, «механизм категоризации надо отнести к уровню концептуальной структуры, ибо суждения о принадлежности к одной и той же или разным категориям – это итоги сопоставления двух концептуальных структур, принимающих форму высказывания «X – это пример категории Y» [КСКТ: 46].

1.3.3. Структуры представления знаний

Репрезентация как понятие указывает на то, что существует нечто репрезентируемое и нечто репрезентированное. Практически все авторы когнитивных моделей ментальной репрезентации сходятся во мнении, что окружающая среда является репрезентируемым миром, а ментальные состояния – миром репрезентирующим. Согласно такому взгляду, слова и прочие единицы языка как особой репрезентационной системы активизируют «те сущности, знаковыми заместителями которых они являются, – они возбуждают в памяти человека связанные с ними **концепты**» [КСКТ: 158]. Сторонники пропозициональной формы репрезентации знаний утверждают, что долговременная память представляет собой сеть взаимопересекающихся «пропозициональных деревьев», каждое из которых имеет «узлы памяти». В свою очередь узлы пропозиционной сети репрезентируют понятия, или концепты (Панкрац 1992). (Ср. с лаконичной формулировкой Р.Шенка: «Концептуальная

структура состоит из понятий (концептов) и отношений между ними» [Шенк 1980: 26])

По мнению Р.И. Павилениса, процесс образования концептов «базируется на перцептивном и концептуальном выделении объекта из среды других объектов путем придания этому объекту определенного *смысла*, или *концепта*, в качестве ментальной его репрезентации» [Павиленис 1983: 283]. Иными словами, понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, «которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания» (Е.С. Кубрякова) [КСКТ: 90]. Концепты способствуют обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные выработанные обществом *категории* (там же).

Концепты оказываются строительными элементами **концептуальной системы**, или концептуальной модели (картины) мира, – совокупности всех концептуальных репрезентаций (т.е. смыслов и аналоговых, и символических репрезентаций) [КСКТ: 158].

Природа концептов такова, что они как интерпретаторы смыслов все время поддаются уточнению и дальнейшим модификациям: изменяется число концептов и объем их содержания. Отсюда закономерна и сама возможность интерпретировать разные концепты в разных отношениях. Однако прежде чем мы обратимся к этой теме, коснемся вопроса, связанного со всем вышеизложенным и посвященного типам репрезентации.

В когнитивной семантике рассматривают ряд структур представления знания, с помощью которых репрезентируется когнитивная система. К таким структурам относят *мыслительные картинки (модели, образцы)*, *схемы*, *фреймы*, *скрипты (или сценарии)*, так называемые

инсайты, планы, сюжетные свертки, оконные структуры текста, рамку внимания и др. Кратко охарактеризуем первые четыре из перечисленных **типов репрезентаций**, более полно описанные и утвердившиеся в исследованиях:

– **мыслительные картинки:** «картинка» «снимается» с характеристик, присущих предмету, в коллективном сознании носителей языка. В результате зрительного восприятия «считываются» цветовая гамма «зрительного» образа предмета мысли, линейные, объемные параметры, особенности конфигурации и другие данные. «Мыслительные картинки» – это не «моментальные снимки», а дискретные единицы «галереи образов» (метафора Д.Миллера) в коллективном сознании людей. Кроме того, можно говорить о том, что существует индивидуальная «картинная галерея образов» – результат восприятия мира отдельным человеком, но имеется и «галерея образов», вписанная в национальное сознание носителей языка [Бабушкин 1996: 20]:

– **схема:** в этом типе концептуальных структур наблюдается наибольший терминологический «разброс». Понятие схемы в 30-е гг. использовал Ф.Бартлетт, занимавшийся исследованием психосоциальных аспектов памяти. Под схемой исследователь понимает активную организацию прошлого опыта. Эту посылку разделяют Дж.Лакофф, Р.Лангакер и М.Джонсон: согласно их мысли, концептуальные структуры развиваются отчасти из «образов-схем», т.е. из базисных структур, создающихся в результате того, что человек взаимодействует с физическим миром, считая данными свое телесное существование и физические события мира, в котором живет [Ченки 1996: 70] (в качестве примера приводятся схемы «вместилище», «часть-целое», «источник-путь-цель» и др.[Лакофф, 2004: 355-359]).

Другие исследователи, в частности М. Арбиб, Е. Д. Конклин и Дж. Хилл, трактуют понятие схемы как сложный вид репрезентации и

различают схему, «с одной стороны, как логическую единицу когнитивного процесса и репрезентации, а с другой – как специфический пучок семантических сеток и производственных правил, посредством которых перцептируются и обрабатываются структуры «внешнего мира» во «внутреннем мире» человеческого сознания» [Бабушкин 1996: 21]. Авторы указывают на иерархический характер схем: схемы могут объединяться и формировать новые, более сложные по своей организации схемы (к примеру, схема «стол» может быть связана со схемами «мебель», «комната», «дом»).

Авторы иной трактовки схем Н.Стиллингс, М.Файнштейн, Дж.Гарфилд и др. заявляют о близости этой структуры к «категории» и «прототипу» (об этих понятиях подробнее см. выше) и полагают, что схема – «это абстракция, которая позволяет приписывать определенные объекты или события к общим категориям, способным наполняться конкретным содержанием в каждом отдельном случае» (там же).

Б.М. Величковский называет схемами фрагменты постоянных репрезентаций знаний, активизация которых может осуществляться как «снизу» – сенсорной информацией, так и «сверху» – концептуальным знанием [Величковский 1982: 87,111].

Как видим, разные ученые формируют понятие о весьма различных схемах. Однако общим у них является то, что эти разные схемы представляют собой концептуальные структуры, с помощью которых выстраивается перцептивная и когнитивная картина мира, членимая определенным образом лексическими средствами;

– **фрейм** – одна из наиболее известных категорий представления знаний. Теория фреймов впервые была заявлена в первой половине 70-х гг. американским специалистом в области искусственного интеллекта М.Минским. Суть его концепции состоит в следующем: при столкновении с новой ситуацией человек извлекает из своей памяти определенную

модель (фрейм), которую при необходимости изменяет, приводя в соответствие с реальностью. Таким образом, согласно М.Минскому, под *фреймом* понимается структура знаний о типизированном объекте или стереотипной ситуации (ср. фрейм *дома, стола, движения*) [Баранов, Добровольский 1997: 12; Панкрац 1992: 91; Герасимов, Петров 1988: 8; КСКТ: 187-189; Иссерс 1999: 88-92 и др.).

В концепции М.Минского фрейм формально представляется в виде сети узлов и отношений разных уровней: в «верхние уровни» включаются данные, всегда справедливые для подвергаемой анализу ситуации, а «нижние уровни» фрейма представляют собой пустые узлы («ячейки», или «терминальные узлы», или «слоты»), заполняемые конкретными данными из той или иной практической ситуации.

Фреймовый подход оказался полезным для анализа языковых структур. Фреймы в языке – это лексические ряды, которые удерживает вместе то, что они мотивируются, определяются и обустроиваются конструкциями знания или связанными между собой схематизациями опыта [Филлмор 1988: 54].

Как отмечают исследователи, фреймы не должны рассматриваться как произвольно выделяемые «кусочки» знаний. Так, Т.А. ван Дейк пишет: «Во-первых, они являются единицами, организованными «вокруг» некоторого концепта. В противоположность простому набору ассоциаций эти единицы содержат основную, типичную и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом. Кроме того, не исключено, что фреймы имеют более или менее конвенциональную природу и потому могут определять и описывать то, что в данном обществе является «характерным» или «типичным» [Дейк ван 1989: 16] (здесь вновь подчеркивается мысль о необходимости увязывать «фрейм» с понятиями «концепт», «категория», «прототип»). Ч.Дж. Филлмор считает, что семантическое описание фрейма возможно

только при условии предварительной детализации концептуальной схемы, положенной в его основу [Харитончик 1992: 118].

Процедурно же фрейм является декларативным способом представления знаний, формулируемых в терминах описаний (дескрипций) [Баранов, Добровольский 1997: 12];

– **сценарии** (или скрипты) отличаются от фреймов фактором временного измерения. Это когнитивная схема, представляющая последовательность действий или событий, с которыми индивид регулярно сталкивается в повседневной жизни (Сонин 2002). О сценарии можно говорить применительно к ситуациям, характеризующимся стереотипным набором действующих лиц и известной последовательностью событий (например, посещение врача, магазина, ресторана и т.п.) [Иссерс 1999: 89; Герасимов, Петров 1988: 8]. Сценарий – это процедурный способ представления стереотипного знания, который формируется в терминах алгоритма или инструкции [Баранов, Добровольский 1997: 12]. (Однако, как отмечают авторы, термины «фрейм» и «сценарий» омонимичны в том смысле, что они одновременно обозначают и реальную когнитивную структуру и способ представления этой структуры (там же)). Так, Н.Стиллингс и его коллеги стратифицируют информацию, заложенную в сценарии, на следующие основные этапы: 1) идентификацию наименования ситуации или темы; 2) типичные роли; 3) условия «ввода» типичной ситуации; 4) последовательность целенаправленных сцен и т.п. [Stillings, цит. по: Бабушкин 1996: 27]. Таким образом, знания, структурированные в сценарии, – это когнитивные модели, помогающие человеку ориентироваться в повседневных жизненных ситуациях, в которых роли закреплены определенным «сюжетом».

В заключение описания необходимо отметить общее свойство названных когнитивных структур. На него указывают, в частности, В.И. Герасимов и В.В. Петров: «Структуры знаний, именуемые фреймами,

схемами, сценариями, планами и др., представляют собой пакеты информации (хранимые в памяти или создаваемые в ней по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов), которые обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций» [Герасимов, Петров 1988: 8]. Под *когнитивной структурой* (КС) мы понимаем «конвенциональный способ кодирования и хранения информации, связанный с ментальными операциями получения знаний и языковыми механизмами их вербального представления в оптимальном виде» [Бутакова 2001: 35].

1.3.4. Концепт как вид ментальных репрезентаций знания

Одним из видов ментальных репрезентаций является **концепт**. Несмотря на то, что данный термин считается устоявшимся в лингвистике, он до сих пор не имеет однозначного толкования. Исследования концептов представляют собой широкий спектр проблематики: типы и виды концептов, методы истолкования и описания концептов, структура концептов, способы и формы функционирования в ментальном пространстве.

Многочисленные определения концепта свидетельствует о синкретичном характере исследований в области концептосферы. Лингвистическое понимание концепта синтезирует в себе позиции философии, психологии, семиотики, культурологии, логики и информатики.

В ходе анализа современных научных теорий исследователи выделяют следующие типы концептов, кладя в основание различные аспекты их рассмотрения:

– **концепты «культуры»**: концепт рассматривается с точки зрения его места в системе ценностей, функций в жизни человека, этимологии, истории, вызываемых им ассоциаций. Концепт предстает как посредник, осуществляющий взаимодействие между человеком и культурой.

Культурный концепт может быть по-разному расшифрован в зависимости от культурного уровня концептоносителя: «концепты по-разному реальны для людей данной культуры» [Степанов 1997: 45] (Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, Н.М. Мухина);

– **концепт с позиций психолингвистики** понимается как «некая информационная целостность, присутствующая в национальном коллективном сознании, осознаваемая языковой личностью как инвариантное значение семантического поля» [Сороченко 2001: 348]. При этом мышление, сознание и язык рассматриваются как ипостаси единого ментально-лингвального комплекса, т.е. «функционирующей на основе человеческого мозга самоорганизующейся информационной системы, которая обеспечивает восприятие, понимание, оценку, хранение, преобразование, порождение и передачу информации» [РЯЭ 1998: 664].

Базовой единицей ментально-лингвального комплекса является информема, представляющая собой информационную целостность, отличную от имеющихся аналогичных целостностей. Информема стремится к самообнаружению, для чего ей нужно пройти через семиоз (означивание) и стать двусторонней единицей. Когда информема впервые проходит через данный процесс, имеет место первичное означивание, состоящее в поиске подходящего означающего и в установлении ассоциативной связи по смежности. «Информема, прошедшая через первичный семиоз, – это именованная информема, или концепт» (там же) (А.А. Леонтьев, Ю.А. Сорокин, А.А. Залевская, А.П. Бабушкин);

– **концепт как обобщенный образ слова:** концепт понимается как «обобщенный образ» слова во всем многообразии языковых и внеязыковых связей, который складывается из гештальтов. Концепт определяется как «конструкт, репрезентирующий ассоциативное поле имени, но не сводимый к нему» [Чернейко 1995: 80] (Л.О. Чернейко, Е.В. Сергеева);

– **концепты мировоззрения:** за основу исследователи принимают определение концепта, данное А. Вежбицкой, которая понимает под концептом «объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире «Действительность» [Фрумкина 1992: 3]. Сама же действительность, по мнению Вежбицкой, дана нам в мышлении именно через язык, а не непосредственно. Если концепт – это объект идеальный, т.е. существующий в нашей психике, то одному и тому же имени (слову) в психике разных людей могут соответствовать разные ментальные образования. Именно с этих позиций Вежбицкой противопоставляется *концепт-максимум* и *концепт-минимум*: концепт-максимум – это полное владение смыслом слова, свойственное рядовому носителю языка; концепт-минимум – неполное владение смыслом, присущее рядовому носителю языка, для которого известна соответствующая реалия (физическая и мысленная), но является как бы периферийной для жизненной практики (подробный анализ концепции см. Фрумкина 1989; Рахилина 1989; Мостовая 1989) (авторы сборника «Логический анализ языка. Культурные концепты»);

– **эмоциональные концепты** примыкают к предыдущей группе, дифференциальным признаком которой является отражение эмоционально-оценочного восприятия мира человеком. В понимании концепта исследователи опираются на субъективные аспекты восприятия действительности, находящей отражение в системе языка. Про эмоциональные концепты говорят, что они не поддаются толкованию «классическим способом» и поэтому не могут быть истолкованы в принципе [см. Залевская 2000: 102]. А.Вежбицкая считает, что современная версия метаязыка позволяет построить такие толкования и эмоциональные концепты можно истолковать через универсальные «семантические примитивы» типа ‘делать’, ‘хотеть’, ‘чувствовать’, ‘знать’,

‘хороший’, ‘плохой’. Предложенные ею толкования «представляют своего рода прототипические модели поведения или сценарии, которые задают последовательность мыслей, желаний и чувств» [Вежбицкая 1997: 326; Фрумкина 2001: 50];

– **концепты текста** связаны с процессом чтения и понимания какого-либо отрывка текста или целого текста. Полученную из текста новую информацию человек должен соотнести с собственным фондом знаний и с внутренним представлением самого этого отрывка. Таким образом, понятию можно дать следующее определение: «С содержательной точки зрения под концептом понимается глубинный смысл, свернутая смысловая структура текста, являющаяся воплощением интенции (глубинной психолингвистической реакции на внешний раздражитель) – и через нее – мотива деятельности автора» [Красных 1998: 67].

Таким образом, концепт предстает как сложное многообразное явление, составляющее концептуальной системы, или концептуальной модели мира. Несмотря на разность трактовок этого понятия, большинство исследователей сходится в том, что концепт – смысл имени, основная единица ментальности в границах словесного знака и языка в целом. Перечисленные типы концептов позволяют говорить о динамике в исследовании «концептосферы» (термин Д.С. Лихачева).

Неоднозначность, сложность данного явления отражена в статье А.А. Залевской «Концепт как достояние индивида», в которой автор приходит к выводу, что «при научном описании концепты (в том числе – «культурные концепты») на самом деле представляют собой **конструкты**. Для строгости использования научной терминологии термин «концепт» вообще не следовало бы применять в подобных целях, закрепив его за случаями, когда речь идет о концепте как достоянии индивида» [Залевская 2005: 242]. Таким образом, исследователь опирается на индивидуальный концепт и рассматривает его как носитель языка через анализ

инвариантного концепта, а в результате получает конструкт, который может отразить всего лишь часть того, что содержится в названных выше видах концептов [Залевская 2005: 244].

С другой стороны, концептуальный анализ может затрагивать как отдельные лексемы, так и их совокупности. В частности, наименования родства и дружбы могут быть рассмотрены как самостоятельные концептуальные феномены, однако то же «родство» репрезентировано в сознании носителей языка как своеобразный «макроконцепт», включающий ряд номинаций (*мать, отец, брат, сестра* и т.п.), каждая из которых может быть рассмотрена как отдельный концепт. Данный факт, несомненно, представляет собой определенное противоречие. Поскольку цель данной работы заключается в выявлении семантической динамики и когнитивного потенциала традиционных наименований родства и дружбы, исследуемые лексемы рассматриваются нами в том числе и как номинативные знаки.

1. 4. Научные теории изучения вербального знака

1.4.1. Знак как объект семиотики

Большое влияние на формирование семиотических взглядов лингвистов оказала семиотика как наука о знаковых системах в природе и обществе, изучающая природу знаков и знаковые ситуации, виды знаков, операции над знаками.

Пути формирования семиотики как науки, ее основные проблемы представлены в работах Ю.С.Степанова (Степанов 1968, 1971).

В соответствии с кругом проблем, решаемых семиотикой, в ней, обычно выделяется три раздела: синтактика, изучающая отношения знаков друг к другу в пределах данной знаковой системы; семантика, которая занимается изучением отношения знаков к обозначаемым предметам и

явлениям; прагматика, исследующая отношение использующих знаки к самим знакам.

«Знаком в семиотике называют всякий преднамеренно воспроизводимый материальный факт, предназначенный служить средством передачи информации, находящейся вне этого факта» [Пищальникова 2001: 118].

Естественный язык семиотика тоже рассматривает как систему знаков. По отношению к объективной действительности язык выступает как средство идеализации ее, снятия предметности. По отношению к мыслительному содержанию каждого из коммуникантов – как средство объективации, опредмечивания индивидуального мыслительного содержания. Таким образом, в процессе знакообразования обнаруживается познавательно-репрезентативная функция языка: опосредованно, через мышление, через концептуальную систему индивида закреплять и хранить результаты социально-исторического опыта и познавательной деятельности людей, выражать различные коммуникативные задания. Также важной отличительной чертой языка является антропоцентрический принцип его устройства. В процессе применения языка говорящий присваивает его в виде значений (Пищальникова 2001).

Естественный язык является не только средством познания окружающего мира – материализуя мысль, он связан также с формированием и передачей мыслей, с выражением чувств, оценок и различных интенций, обслуживая тем самым сферы эмоциональной и коммуникативной деятельности человека. Будучи полифункциональным, язык дает наименования вещам, явлениям, способствует обобщению и дифференциации их свойств и отношений; храня и передавая общественно-исторический опыт, отраженный в значениях и наименованиях языковых единиц, язык удовлетворяет одновременно коммуникативным потребностям людей [Бодуэн де Куртенэ 1963: 77].

Лингвистическая разработка знаковой сущности естественного языка была начата Ф.де Соссюром, который первым в истории языковедения наиболее полно и последовательно представил попытку изложения целостной теории языка как системы знаков. Языковой знак, по Соссюру, характеризуется произвольностью, изменчивостью, и линейностью. Эти идеи нашли отражение в теории глоссемантики, разработанной в 30-50-х гг. XX в. Л.Ельмслевом и Х.Й.Улльдалем. Э. Бенвенист, развивая теорию Ф.де Соссюра, пишет: «Роль знака заключается в том, чтобы репрезентировать, замещать какую-либо вещь, выступая ее субститутом для сознания» [Бенвенист 1974: 76].

В современном языкознании нет единой знаковой теории языка. Существует несколько лингвистических школ, из них наиболее влиятельны феноменологическая, логико-психологическая, билатеральная.

1.4.2. Проблема значения номинативного знака

Для лингвистики важно соотношение плана выражения и плана содержания, связанных между собой, но одновременно предполагающих известную автономность, из-за асимметричности языкового знака (С.О. Карцевский).

Особенностью номинативного аспекта языка является, прежде всего, то, что знаки естественного языка, в отличие от всех прочих, имеют двойную референцию. Во-первых, в качестве номинативных знаков в языковой системе, в парадигматике, во-вторых, в качестве предикативных знаков в актуальной речи, в синтагматике.

В гносеолого-семиотическом аспекте номинация есть процесс обращения фактов внеязыковой действительности в достояние системы и структуры языка, в языковые значения, отражающие в сознании носителей языка их общественный опыт. Следовательно, номинативный компонент языка – это тот «участок» языка как системы представления реальной

действительности, который непосредственно связан с отражательной деятельностью человеческого сознания. Языковые единицы можно считать знаками постольку, поскольку они выполняют репрезентативную функцию в системе номинативных средств любого языка.

Выделение номинативного аспекта естественного языка и его разработка в истории лингвистической науки велись в различных исследовательских направлениях в разных аспектах и с разных теоретических позиций.

Изучение проблем языкового обозначения связывалось со словами в их отношении к предметам, явлениям реальной действительности. Однословные наименования, какими являются словесные знаки, изучались больше с точки зрения выполняемых ими функций.

Второй ракурс рассмотрения номинации, применительно к словам, нашел свое выражение в тенденции разграничивать в лексическом содержании обозначение и значение, предметную и понятийную соотнесенность слова (А.А. Потебня 1888, С.Д. Кацнельсон 1965, Ю.С. Степанов 1974, А.А. Уфимцева 1974 и др.).

Третий план изучения семантики слова в его номинативном аспекте заключался в выделении прямых и производных номинативных значений в смысловой структуре полнозначных лексем. Идея выделения в слове прямого как основного номинативного значения восходит в отечественном языкознании к исследованиям А.А. Потебни, М.М. Покровского, а понятие смысловой структуры слова с прямым номинативным значением в ее основе было систематизировано и сформулировано В.В. Виноградовым. Из числа зарубежных ученых, которые первыми в истории семасиологической науки выделили в слове основные значения как более устойчивые, следует прежде всего упомянуть Г.Пауля, К. Эрдмана, Г. Стерна.

Оригинальную лингвистическую интерпретацию словам в результате изучения смысла коммуникативных единиц дает Н.Д. Арутюнова, выделяя

в словесных знаках референтные (идентифицирующие) и предикативные имена.

Процесс обозначения языковыми знаками сопряжен с отражательной деятельностью человека, с обобщением и выделением необходимого и существенного, с образованием понятий и других мыслительных форм. Семиотический и гносеологический аспекты языковой номинации предполагают рассмотрение двух взаимосвязанных процессов: абстрактного обобщения предметов, их свойств, отношений и репрезентации результатов осмысления и отражения их человеком при помощи языковых знаков.

В языковой системе реальная действительность отражается в таких формах, которые соотносятся как с логическим, так и с чувственным познанием мира. Таким образом, и оценка, и эмоции, и воля, и чувства находят закономерное выражение в языковой системе как осознанные явления эмоциональных переживаний, оценок и т.п. – в такой же степени, как и прочие объекты, включенные в сферу психической жизни человека.

Проблема значения языкового знака (прежде всего слова) всегда была одной из самых сложных не только для лингвистики, но и для психологии и философии. С одной стороны, говорящий ориентируется на закрепленную в языке дефиницию, с другой стороны, индивид привносит в толкование той или иной лексемы субъективные ассоциации, смыслы. С этой точки зрения значение слова может быть описано не как социальное явление, а как достояние индивида, связанное со свободными (субъективными) референтными представлениями.

Прежде всего следует обратить внимание на проблему субъективного в языке, которая была поставлена в трудах лингвистов 19 – начала 20 веков – В. Фон Гумбольдта, Б.де Куртенэ, А.А. Потебни, К. Бюллера, Ш. Балли, Б. Рассела. В дальнейшем эти идеи развивались С.Д.

Кацнельсоном, Г.В. Колшанским, В.А. Михайловым, Ю.С. Степановым, Е.С. Кубряковой и др.

Проблема языковой субъективности, начавшись с трудов В. Фон Гумбольдта и Ф. де Соссюра, имеет в разных направлениях современной науки о языке различное преломление. Одним из главных достижений разных направлений семантики было помещение индивида «внутри» речевого явления.

Большие трудности возникли при подходе к проблеме описания значения слова с позиций психолингвистики. Многие дискуссионные вопросы возникают из-за того, что в одних случаях смешиваются, подменяются понятия из двух коррелирующих, но не равнозначных сфер – языка как системы и языка как достояния индивида [Залевская 2005: 215].

К числу ведущих направлений при выявлении и описании значения как достояния индивида можно отнести ассоциативный, параметрический, признаковый, прототипный и ситуативный подходы [Залевская 2005: 216].

1.4.3. Функции вербального знака

Прежде всего необходимо начать с выделения функций, которые выполняет слово в языке. В кругу двусторонних единиц слово занимает особое положение, являясь универсальным по характеру и уникальным по объему выполняемых им функций. Языковой знак (слово) охватывает фактически весь объем языковых функций: номинативную, сигнификативную, коммуникативную и прагматическую. (Ср.: Р. Якобсон выделяет шесть функций слова относительно речи – коммуникативную, экспрессивную, аппелятивную, поэтическую, фатическую, метаязыковую (Jakobson 1960.)).

В силу того, что вербальные знаки обслуживают два основных акта – речевой и познавательный, в понятии функции как назначении той или иной единицы языка следует различать два аспекта – потенциальный и результативный [Теория функциональной грамматики...1987: 17].

Функция в потенциальном аспекте присуща слову в языковой системе как способность к выполнению определенного назначения. Функция в результативном аспекте – результат использования данного вербального знака во взаимодействии со средой. (Ср.: «Функция языковых знаков понимается как свойственная им в языковой системе способность к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию в речи; вместе с тем функция – результат функционирования, т.е. реализованное назначение, достигнутая в речи цель» [ЛЭС 1990: 565]). Таким образом, могут быть выделены следующие функции вербального знака: 1. прагматическая функция, эксплицирующая интенции, мысли и чувства говорящего, сюда можно отнести и экспрессивную функцию, информирующую об отношении адресата к содержанию сообщения; 2. регулятивная функция; 3. коммуникативная функция; 4. апеллятивная функция; 5. фатическая функция; 6. метаязыковая функция; 7. психолингвистическая функция знака, осуществляющая отношение опознания слушающим реальной действительности в целях идентификации и понимания воспринимаемого им знака [Языковая номинация... 1977: 56]; 8. собственно семиологическая функция слова, опосредованно репрезентирующая реальную действительность и манифестирующая значение словесных знаков [Языковая номинация... 1977: 57]. Все выше названные функции относятся к системно-центрической модели языка как научного объекта, характерные для Языка 2 (по Залевской А.А.).

Комплекс функций, возможных для той или иной языковой единицы и определяющих ее поведение в речи, образует **потенциал функционирования** языковой единицы. «Потенциал функционирования данной единицы, как бы программирующий ряд существенных признаков ее поведения в разнообразных актах речи, концентрирует потенции,

закрепившиеся за данной единицей на основе узуса, и дает основу для новых реализаций» [Теория функциональной грамматики... 1987: 19].

Языковой знак порождает новые смыслы, являясь интегратором актуальных смыслов. Словесные знаки – психофизиологические сущности. Поэтому они могут не только включаться в процессы классификации, дифференциации и идентификации, но и выполнять **классифицирующую, дифференцирующую и идентифицирующую** функции в когнитивной деятельности человека. Естественно, одной из наиболее важных функций является намеренная, целенаправленная акцентуация «личности», «субъективности» смысла, **представление личностного смысла**. Таким образом, основную функцию знака, характерную для Языка 1, можно сформулировать следующим образом: «включать в речемыслительный процесс значение как стабильно-нестабильную когнитивную структуру. Стабильные компоненты позволяют значению сохранять самоидентичность, нестабильные, самоорганизуясь, структурируют ситуативно актуальные для продуцента речи смыслы» [Пищальникова 2001:136]. Важно отметить, что в современных психолингвистических и когнитивных исследованиях значение вербального знака рассматривается с позиций реализации актуальных для говорящего смыслов. В этом случае можно говорить, что значение предстает в ином качестве, как «достояние индивида» (Залевская 2005).

1.4.4. Особенности функционирования наименований родства и дружбы

В силу того что слово выполняет отражательную функцию, следует признать, что определенным когнитивным потенциалом обладает любой номинативный знак. Однако наибольшим когнитивным потенциалом обладают традиционные (частотные) номинативные знаки. Ни одна из словарных статей не может полностью охватить все смыслы слова, все представления о нем в сознании носителя языка. Многообразие речевого

употребления, включающее индивидуально-авторское, расширяет лексикографическое описание и каузирует в исследовательском процессе обращение к различным дискурсивным практикам и текстовым фрагментам, где актуализируются периферийные (личностные) смыслы, иногда трудно ассоциируемые с лексемой вне конкретного контекста. Именно поэтому с семантической структурой слова связывают представление о семантической динамике традиционных наименований, потенциальных возможностях семного и семантического варьирования слова с данным исходным значением.

Формой вербализации наименований *родства* и *дружбы* в сознании выступают воплощенные в речи представления об этих вербальных знаках. Являясь одной из форм чувственного отражения внешнего мира, представление имеет следующие специфичные черты: отсутствие непосредственной связи с отражаемым предметом, оторванность от наличной ситуации, некоторая обобщенность образа, связь с памятью и воображением (Алексеев П.В., Панин А.В.). Опираясь на понимание представления как ментального феномена (Рябцева Н.К., Орлова Н.В.), обозначим его сущность следующим образом: представление – это знание, отражающее непосредственный или опосредованный опыт общения субъекта с объектом, имеющее предметное и образное содержание.

Представление опирается на когнитивные структуры и прототипическую ситуацию. В зависимости от степени устойчивости, фиксированности в массовом и индивидуальном сознании представления могут быть разделены на **свободные** и **стереотипные**. Свободные представления индивидуальны, окказиональны, они являются отражением личного жизненного опыта и, как правило, не имеют частотной фиксации в массовом сознании. Стереотипные представления – это «суперустойчивые, суперфиксированные представления» (Прохоров Ю.Е.), формирующиеся на базе исторического общенародного опыта. Они максимально

стандартизованы набором устойчивых языковых средств (штампов) и ориентируют носителя языка на определенное восприятие предметов, признаков, событий, отношений (Дмитриева 1996).

Исходя из вышесказанного следует признать, что представления (прежде всего стереотипные) ориентируется на понятие **культурной обусловленности**, отражающее обобщенные знания, человеческие установки, сформировавшиеся у носителей одной культуры, в связи с чем они достаточно устойчивы. Однако, с другой стороны, общество постоянно эволюционирует, что приводит к переосмыслению социальных и культурных ценностей, а также окружающего мира. Таким образом, процессы концептуализации и категоризации действительности, материализуясь в языковых формах, обуславливают непрерывное развитие языка: возникновение новых реалий, а также переосмысление старых провоцирует появление новых лексем, устаревание существующих, способствует развитию языковой семантики, парадигматики, синтагматики, эпидигматики и т.п.

Безусловно, сфера вербальных знаков, обозначающих интерперсональные отношения, является одним из активных участков лексического запаса языка. Однако об устойчивости подобных лексем в словарном составе можно говорить с определенной долей относительности. Так, с одной стороны, заметная часть рассматриваемой лексики на сегодняшний день претерпела процесс архаизации. В частности, значения таких слов, как *уй*, *деверь*, *шурин*, *золовка* и т.п., с трудом идентифицируются большинством современных носителей русского языка. Это связано с произошедшими социальными изменениями: нарастающей урбанизацией, изменившимися представлениями о семье, в которую включаются прежде всего родители и их дети.

С другой стороны, следует признать, что в настоящее время спектр использования лексем, связанных с номинациями *родства* и *дружбы*, значительно расширился. Слова, обозначающие рассматриваемые интерперсональные отношения, эксплуатируются в различных контекстах, различных дискурсивных практиках, среди которых можно выделить как исторически устойчивые, так и возникшие относительно недавно. В связи с чем можно отметить, что когнитивно-семантический потенциал данной лексической группы достаточно широк и многогранен:

1. Обращения. Общеизвестно, что в российском речевом этикете (в отличие от многих других языковых культур, например европейских) частотными являются обращения, определяющие гендерную, а также возрастную характеристики человека (ср. *мужчина, женщина, молодой человек, девушка* и т.п.). Подобные формы обращений оцениваются в обществе далеко не однозначно. Как нам кажется, в том числе и этой особенностью российского речевого этикета объясняется факт существования в русской языковой культуре множества форм обращения, связанных с терминами *родства* и *дружбы*. Причем интересно отметить, что такие формы (*сын* – *дочка*, *внучок* – *внучка*, *мать* – *отец*, *бабушка* – *дедушка*, *братишка* – *сестренка*, *тетенька* – *дяденька*) охватывают не только все возрастные стадии развития человека, но и все стадии родственных, и не только родственных (ср. формы обращения *друг*, *дружище* и т.п.), отношений, в которые он включается в течение жизни. Выбор соответствующей номинации в данном случае также осуществляется исходя из двух факторов: половой принадлежности и возрастной категории. Поскольку обращение тесно переплетается с вербальной фатикой и связано установлением контакта, выбор подобных лексем способствует попытке сближения с собеседником, интимизации процесса общения.

С другой стороны, интересно отметить, что в русском языке существуют оценочные фамильярные формы обращений, использующие термины *родства*: *папаша, мамаша, бабка* и т.д.

2. С первой группой тесно связана еще одна дискурсивная практика, в которой используются термины *родства* – **номинация третьего лица**. Использование подобных номинаций широко распространено в детской речи (...*это мне одна тетя рассказала*), а также в речи взрослых. Поскольку использование лексем, обозначающих родство, в данных контекстах характерно для номинации людей малознакомых/незнакомых одному или всем участникам речевого акта, выбор соответствующих слов (*тетя, дядя, тетка, дядька*) вполне оправдан, так как в этих случаях употребляются слова, эксплицирующие не прямое, а боковое родство.

3. **Номинации человека, выполняющего определенные социальные функции.** К данной группе можно отнести такие репрезентации, как *молочная мать, крестный отец, медицинская сестра / медицинский брат, сестра-хозяйка (должностное лицо в больнице или санатории)* и т.п.

4. **Номинации некоего единства, объединения людей, сплоченных общими интересами.** Подобные репрезентации существовали в советском обществе и, как правило, использовались в высоких контекстах, например *дружная семья народов Советского Союза, семья трудящихся, братские народы, братья по классу, города-побратимы* и т.п. В силу понятных причин в настоящее время подобные контексты частично утрачены (ср.: *Пусть всем будет хорошо <...> И братьям–славянам, которых так угнетало существование старшего брата* (Лукьяненко «Сумеречный дозор»), однако необходимо отметить, что лексем, которые можно было бы отнести к данной группе, используются в других сферах общественной жизни.

Список выделенных нами групп, возможно, не является исчерпывающим, однако даже он позволяет продемонстрировать, какую важную роль в осознании человеком себя самого, а также собственной включенности в различные интерперсональные отношения в окружающем мире играют представления о *родстве* и *дружбе*. Более того, поскольку языковая картина мира, присущая человеку, отражает по сути антропоцентрическое восприятие действительности, определенные аналогии интерперсональных отношений он наблюдает и в окружающем мире (сфере, находящейся вне человека). Человек – это «все, что люди о себе и себе подобных знают, воображают и в принципе могут вообразить, ассоциируя себя не только с ближайшей действительностью, но и легко переносясь мыслью в иные, возможные и невозможные, миры, превращаясь мысленно в кого угодно и что угодно обращая в свое подобие» [Одинцова 1994: 73].

В связи с вышесказанным можно отметить, что лексемы, эксплицирующие интерперсональные отношения, используются человеком для обозначения реалий животного, растительного и - шире - материального мира в целом. Данный факт позволяет продолжить список выделенных нами групп:

5. Общность происхождения вне сферы человеческих отношений. К данной группе можно отнести репрезентации явлений животного и растительного мира. Так, в биологии в систематике животных, насекомых и растений в качестве номинации групп, состоящих из нескольких родов и близких по происхождению, общепринятыми и терминологическими являются лексемы *семейство*, *семья*, обозначающие группу животных, птиц, состоящую из самца, одной или нескольких самок и детенышей, а также группу растений одного вида, растущих рядом, часто имеющих общий корень, грибницу (ср. *семейство кошачьих*, *семейство сложноцветных*, *семья пчел* и т.п.). Подобные аналогии можно проследить

и в других сферах, например в том же языкознании при классификации генеалогического происхождения языков используется термин языковая семья (*индоевропейская языковая семья, тюркская языковая семья, финно-угорская языковая семья*, а также понятия *праязык, язык-предок* и др.)

6. Наименования технических средств (сфера терминологии)

Данную группу лексем можно выделить на основании функционального принципа. В частности, здесь необходимо отметить такую номинацию, как *материнская плата* – главный процессор персонального компьютера, выполняющий функцию координирования его основных действий. Сюда же можно отнести такие экономические (и одновременно юридические) понятия, как «*дочернее*» *предприятие*, «*материнское*» *общество*, «*внучатое*» *общество* и т.п., которые определяют существующие формы организации финансового капитала. Причем интересно отметить, что подобные наименования отражаются не только в литературном языке, но и в других формах существования языка, в частности в жаргоне. Общеизвестно, что та же материнская плата на жаргоне компьютерщиков называется *мать*. Здесь же можно привести и другие примеры: «*дочка*» Юкоса, ОНПЗ (Омский нефтеперерабатывающий завод) – «*дочка*» «Сибнефти».

Как уже было сказано, сущность представления составляет знание, отражающее непосредственный или опосредованный опыт общения субъекта с объектом, имеющее не только предметное, но и образное содержание. Подобное положение очень значимо для анализируемого нами материала, поскольку лексем, обозначающие *родство* и *дружбу*, прежде всего напрямую характеризуют человека и, следовательно, отражают антропоцентрическое восприятие окружающей действительности. В связи с чем осмысление человека и интерперсональных отношений реализуется в языке в том числе при помощи такого лексико-семантического процесса, как **вторичная**

номинация: готовые языковые единицы переосмысляются и употребляются в непрямом, образном значении. «Движение от более конкретного к более абстрактному, действительно, характеризует семантическое развитие многих слов, получающих вторичное значение в результате метафорического уподобления отвлеченных явлений конкретным, «зримым» предметам, признакам, действиям» [Шмелев 1973:218]. Применительно к словам, эксплицирующим межличностные отношения, наиболее характерными являются метафоры животного-растительного мира, в частности такие метафоры, как *человек – птица*, *человек – дерево/растение*. Такое представление отражается в следующих стереотипных репрезентациях: *родовое гнездо / семейное гнездо*, *генеалогическое древо* (ср. дом Романовых).

Важным свидетельством, подтверждающим стереотипичность данных метафор, является их использование в других формах существования языка, например в просторечии и жаргоне (ср. *кореш* – ‘близкий друг, приятель’, а также словообразовательное гнездо и производные этого слова: *корешок*, *корешить*, *корифан* и т.д., этимологически данные лексемы восходят к слову *корень* – ‘подземная часть растения, служащая для укрепления его в почве и всасывания воды и питательных веществ’ [Ожегов: 254]).

Также интересно отметить тот факт, что подобные метафорические репрезентации присущи и другим дискурсивным практикам, по сути использующим термины *родства* и *дружбы* как вторичные номинации (ср., например, метафору *дерева*, предложенную Я. Гриммом и впервые реализованную А. Шлейхером применительно к генеалогической классификации языков).

Таким образом, осмысление человеком интерперсональных отношений происходит в том числе при помощи категорий растительного и животного мира, что основывается на представлении о единстве

человека со всей живой природой. Лексемы, эксплицирующие в языке отношения *родства* и *дружбы*, являются важной частью общих концептуальных представлений о взаимосвязи, **изоморфизме** (в данном случае частичном совпадении) человека и окружающего мира. Причем обращает на себя внимание тот факт, что подобное метафорическое восприятие межличностных отношений при помощи реалий животного и растительного мира – это двунаправленный процесс. С одной стороны, если обратить внимание на сферу использования терминов *родства* и *дружбы*, выделенную в этом параграфе под номером 6 (**общность происхождения вне сферы человека**), можно сделать вывод о том, что обозначение интерперсональных отношений является основой для вторичных номинаций реалий растительного и животного мира (семейство кошачьих). С другой стороны, сами объекты флоры и фауны представляют собой референты, способствующие развитию метафорического восприятия отношений человек – человек (*семейное гнездо, родословное древо*).

1.4.5. Соотношение значения и смысла

В концепциях зарубежных и русских психологов и психолингвистов отрицается кодирование понятий словом и признается, что «языковое выражение дает только намеки для конструирования концептуальной структуры», причем эти «намекы» не отображают напрямую концептуальную структуру (Залевская). Подобные взгляды являются основанием для провозглашения слова инструментом доступа к существующей в сознании человека системе разносторонних знаний и разнообразного опыта, представителе когнитивных комплексов в речи и одновременно их компонентом [Бутакова 2003: 21].

В отечественной лингвистике лексическое значение рассматривается как многокомпонентное семантическое целое. В его структуре выделяют в качестве обязательных денотативный и сигнификативный компоненты значения, а в качестве факультативных – коннотативный, этнокультурный,

структурный компоненты (В.Г. Гак, И.М. Кобозева, Н.Г. Комлев, Э.В. Кузнецова, Л.А. Новиков). С точки зрения когнитивной лингвистики, лексическое значение – весь комплекс знаний, стоящих за обозначаемым. Значение слова рассматривается как достояние индивида.

Слово связывается не с единичным образом, а с целыми классами определенных явлений. Значение – некий когнитивный механизм обработки индивидуального опыта. В обыденной коммуникации люди оперируют не столько значениями, сколько признаками конкретных явлений и специфическими отношениями, не актуализируя всех компонентов структуры значения. В языке постоянна лишь его внешняя форма; «внутреннее содержание меняется в зависимости от того, на что обращено внимание, на какое направление умственной деятельности» [Сепир 1993: 36]. Речевая ситуация актуализирует лишь то, что ситуативно важно для индивида, – смысл.

Знак может иметь предметное, смысловое, экспрессивное значение. Предметное значение связывает знак с предметом или классом предметов; смысловое реализует личностный смысл (систему субъективных связей, стоящих за словом).

«В значении слова фиксируется некое конвенциональное знание, в то время как смысл, являясь интегративным образованием на базе значений, более индивидуален, ибо способы интеграции преимущественно индивидуальны» [Пищальникова 2001: 133].

Когнитивная модель соотношения значения и смысла представлена В.А. Пищальниковой. В этой модели значение представлено как устойчивая, но динамическая структура, «реализующая определенный способ познания действительности и дискретированная определенным звуковым образом, который поэтому и входит в значение и символизирует его», смысл – «структура актуального содержания в данном процессе речепорождения» [Пищальникова 2001: 119]. Таким образом, механизм

результатов человеческого познания в языке/речи может быть смоделирован только предположительно.

1.4.6. Когнитивно-семантический потенциал номинативных знаков

Суть когнитивного подхода заключается в постулировании того, что языковые средства являются в конечном итоге отражением, репрезентацией когнитивных структур. Когнитивный подход к исследованию семантики слова заключается в изучении значения слова как структуры, включающей весь комплекс объективируемых ею знаний об обозначаемом, при этом максимально учитываются все текстовые и экстралингвистические установки, определяющие семантико-прагматическое варьирование значения слова, его коннотативный, фоновый потенциал. Такой комплексный подход к изучению семантики и ее понятийных, коммуникативно-психологических, социально-культурных оснований позволяет реконструировать тот или иной концепт через его языковое выражение и речевую репрезентацию. Концептуальный анализ, разрабатываемый когнитивной лингвистикой, позволяет рассмотреть многие культурные ценности и сферы культурного мира.

В когнитивной теории принципиально важно выделение того, что человеческое сознание создает на основе предыдущего социального, ментального и эмоционального опыта обобщения структуры разного типа, объема и уровня абстракции. Поэтому акцентируется то, что каждый человек имеет какие-то когнитивные схемы, которые подготавливают его / ее к принятию каких-то определенных видов / единиц информации.

С точки зрения когнитивной и психологической лингвистики, можно утверждать, что языковой знак не просто выполняет неодинаковые функции, но осознается по-разному, а поэтому по-разному и функционирует. Это приводит к образованию разных личностных смыслов, актуализации разных когнитивных признаков.

Одни и те же «тела знаков» могут оказываться в составе разных концептов, структурно «объединяясь» с разными ассоциативными, эмоциональными и др. составляющими, что обусловлено спецификой «многообразного» словесного знака в языке и в тексте, а также спецификой индивидуального сознания. В центре художественной системы находятся доминантные смыслы, понимаемые психолингвистами как индивидуальные смысловые универсалии, инвариантные смыслы, повторяющиеся в различных художественных текстах неоднократно (соответственно – частотность, регулярность их появления в тексте – показатель принадлежности к доминантному концептуальному ядру или периферии).

Необходимо отметить, что методика анализа смысла, концепта, концептосистемы опирается на понимание художественного текста как воплощения личностных смыслов с помощью индивидуального набора конвенциональных языковых средств.

Представляется, что такая методика совместима с лингвистическими приемами семантического и смыслового анализа, характерными для логико-лингвистических, концептуально-языковых работ. Последние содержат четкие критерии обобщающей дифференциации смысловых компонентов на основе их вербальной выраженности. Вербальная эмотивно-оценочная организация контекста позволяет устанавливать критерии такой дифференциации. Эта организация самодостаточна, потому что и контекст, и «подтекст» информативны.

Информативность контекста означает наличие эксплицитных речевых информационно-смысловых (понятийных, предметных, эмотивных) маркеров. В «подтексте» присутствуют косвенные компоненты, указывающие на когнитивные признаки, когнитивные структуры или когнитивные пространства, являющиеся периферийными для когнитивной организации текста/микротекста. Это значит, что они

косвенным образом передают определенную информацию. И в первом, и во втором случае их квалификаторами являются широкая (общетекстовая) и узкая, лексико-семантическая, семантико-синтаксическая синтагматика, эпидигматика речевых единиц, выступающих одновременно в качестве компонентов нескольких когнитивных структур.

Когнитивный набор «подтекста» не случаен, он также предопределен когнитивно-концептуальным содержанием контекста, его *когнитивно-семантическим потенциалом* и потенциалом его вербальных знаков. Следовательно, для представления когнитивно-семантического потенциала вербальных знаков необходимо определить ядерные и периферийные средства репрезентации этих знаков, соотнеся их «концептуальное местонахождение» (пределы репрезентации когнитивной структуры, смыслового, когнитивного поля). Таким образом, под *когнитивно-семантическим потенциалом вербального знака* мы понимаем возможные репрезентации личностного смысла, находящиеся в пределах как конвенционального (ядерного, стереотипного), так и свободного (субъективного) представления, связанного с реализацией определенной функции (функций) тех или иных когнитивных структур разной степени сложности.

Выводы

В главе отражены теоретические аспекты описания семантической динамики и когнитивно-семантического потенциала традиционных номинативных знаков в рамках психологического, психолингвистического, лингво-когнитивного и лингвистического подходов.

В рамках философских и психолингвистических концепций сознание представлено в виде многоуровневого динамического образования, основанного на единстве продуктов сенсорного, когнитивного и аффективного уровней. Оно поддается разработке только в рамках специфического метаописания. Ученые делают акцент на неправомерности отождествления и приравнивания языковых и ментальных структур и знаний. Аксиологизируется изучение структур языка и структур сознания в их соотношении и взаимодействии.

Структуры сознания находятся в процессе постоянного движения, развития и взаимовлияния. Теории ментальных репрезентаций маркируются ими как эффективный способ изучения того, как мозг строит внутренние модели внешнего мира, при этом акцентируется внимание на том, что субъект не просто отражает, а конструирует модели мира в сознании. Но при всей индивидуальности репрезентации, она всегда есть ментальная конструкция, сформированная на основе внешнего и внутреннего контекстов. В момент восприятия в мышлении существует и объект актуального смыслопорождения, и то, что неосознаваемо участвует в процессах познания. Субъективный фактор при этом проявляется в постоянном присутствии устойчивой категориальной и оценочной шкалы в сознании, определяющей дифференциацию и оценку объекта.

В качестве компонентов структуры сознания обозначаются: образ мира, механизмы построения, механизмы осмысления, внутренний мир и рефлексия. Образ мира рассматривается психологами и психолингвистами

как фундаментальное понятие для описания психических и речемыслительных процессов в деятельности человека, особенностей его отношения с окружающим миром. Речевая деятельность представляется подчиненной целям и мотивам говорящего, обуславливающим иллокутивные силы осуществляемого акта речи – в связи с чем – текст и другие речевые произведения рассматриваются не только как материал для моделирования структур сознания, но и для реконструкции мотивов и интенций говорящего. Фиксируется единство субъективного, результативно-отражательного и конкретно-ситуативного компонентов при анализе смыслового наполнения образа сознания. Проблема восприятия и осмысления ставится в отношении соответствия или несоответствия нормам и установкам, принятым в данном обществе.

Значимым представляется разграничение языка как системы опор и ориентиров, языка индивида и языка-модели, создаваемого в ходе деятельности исследователя. Отсюда важным становится и различение сознания как достояния индивида и образа сознания как продукта научной деятельности.

Комплекс функций, возможных для той или иной языковой единицы и определяющих ее поведение в речи, образует потенциал функционирования языковой единицы.

Словесные знаки – психофизиологические сущности. Поэтому они могут выполнять классифицирующую, дифференцирующую и идентифицирующую функции в когнитивной деятельности человека. Основная функция вербального знака заключается в репрезентации личностного смысла. В этом случае значение необходимо рассматривать как «достояние индивида» (Залевская 2005). Речевая ситуация актуализирует лишь то, что ситуативно важно для индивида – смысл.

Когнитивный подход к исследованию семантики слова заключается в изучении значения слова как структуры, включающей весь комплекс

объективируемых ею знаний об обозначаемом, при этом максимально учитываются все текстовые и экстралингвистические установки, определяющие семантико-прагматическое варьирование значения слова, его коннотативный, фоновый потенциал.

С точки зрения когнитивной и психологической лингвистики можно утверждать, что языковой знак не просто выполняет неодинаковые функции, но осознается по-разному, а поэтому по-разному и функционирует. Это приводит к образованию разных личностных смыслов, актуализации разных когнитивных признаков.

Когнитивный набор «подтекста» предопределен когнитивно-семантическим потенциалом вербальных знаков. Возможные репрезентации личностного смысла, находящиеся в пределах как конвенционального (ядерного, стереотипного), так и свободного (субъективного) представления, связанного с реализацией определенной функции (функций) в пределах тех или иных когнитивных структур представляются когнитивно-семантическим потенциалом.

В этой связи представляется актуальным комплексный подход анализа языковых данных и стоящих за ними структур представления экстралингвистического знания:

1. Человек, познавая мир, соотносит новую информацию с уже имеющейся у него базой данных, хранящихся на уровне его сознания и подсознания.

2. Процесс познания мира непрерывен и динамичен, в связи с чем структура и содержание образов сознания находятся постоянно в процессе структурирования и переструктурирования. Не отмечаются константностью и оценочные суждения по поводу того или иного фрагмента действительности. Проследить динамику актуализации тех или иных когнитивных признаков можно только через законченное речевое

произведение, в том числе текст, представляющий собой вербальную модель фрагмента сознания.

3. Анализ речевого произведения позволяет получить информацию не только об особенностях протекания и осуществления процессов восприятия, осмысления и рефлексии, но и о моделирующих свойствах сознания.

4. Моделирование ментальной сферы предполагает, что говорящий находится внутри своей семиосферы – конгломерата объектов, оценок фактов и событий, детерминированного индивидуальной и национальной семиотическими картинами мира. Варьированию подвергается и соотношение сенсорного, когнитивного и аффективного компонентов в структуре сознания в зависимости от выбора формы реализации мотивационной установки.

5. В речевом произведении отражается не только модель внешнего мира, но и внутренняя рефлексия говорящего субъекта. Перед нами не просто образ мира, но образ «самого индивида в этом мире».

6. Формирование образа происходит при участии как сознательных процессов мышления, так подсознательных процессов переработки информации, в связи с чем языковое произведение оказывается ключом ко множеству далеко не всегда подвергающихся вербализации продуктов различных процессов переработки индивидом разностороннего опыта взаимодействия с окружающим миром и самим собой.

7. Вербальный знак обладает когнитивно-семантическим потенциалом, части которого постоянно реализуются в речевом произведении.

Глава II. Пространственно-временные репрезентации когнитивно-семантического потенциала наименований родства и дружбы в разных дискурсивных практиках

2.1. Пространственные репрезентации когнитивно-семантического потенциала номинаций родства и дружбы

2.1.1. Пространство. Виды пространств

Пространство выступает одним из основных представлений реальности, с которым сталкивается человек, когда начинает осознавать себя и познавать окружающий мир. Человек-наблюдатель находится в центре пространства, оно предметно и антропоцентрично. Это может быть привычный, понятный человеку предметный мир, в котором живут его близкие, родные люди; пространство может представляться так же, как место, не имеющее границ, Вселенная. В самом общем определении «пространство – это среда всего сущего, окружение, в котором все происходит и случается, некая заполненная объектами и людьми «пустота» [Кубрякова 1997: 26].

Говоря о пространстве, нельзя не выделить то, что ему противостоит, (хотя следует отметить условность подобного противопоставления) – объекты (в иной трактовке – предметы (Кравченко 1996а; Кравченко 1996б), вещи – в концепции М. Хайдеггера (Хайдеггер 1998); см. определение предмета в (КФЭ 1994)). «Предмет есть область пространства, вычленяемая из пространственного универсума по принципу конкретности (физической данности через восприятие), компактности (концентрации физических признаков, служащих основанием для противопоставления данной области пространства другим) и стабильности (способности сохранять свойство компактности во времени)» [Кравченко 1996а: 5].

При анализе пространства наряду с понятием объекта (предмета) используют понятие места, поскольку установлено, что в процессе восприятия и обработки зрительной информации в человеческом мозге

функционируют два модуля зрительной перцепции: один отвечает за восприятие предметов – так называемая ЧТО-система, другой обеспечивает восприятие мест – ГДЕ-система. Таким образом, **предмет** и **место** – это два вида реальности, которые «даны человеку в ощущениях, и на них строится все здание концептуальной картины мира, представленной в языке как знаковой (репрезентативной) системе» [там же: 4].

По мнению когнитологов, рассмотренные понятия прототипически связаны со зрительным восприятием. При этом в качестве объектов как перцептуальных «отдельностей» человеком мыслятся разные сущности: и реальные предметы, и «предметы мысли», которые, проявляясь в языке, формируют для всего класса объектов особую грамматическую категорию – имя существительное. Отметим, однако, что понятие пространства не связано напрямую ни с одной грамматической категорией, поскольку «пространственные значения и значения пространственных (локальных) отношений проходят фактически по всем знаменательным частям речи и формируют также разные классы ориентиров (предлогов, наречий и местоимений)» [Кубрякова 1997: 28]. В связи с последним добавим, М.В. Всеволодова и Е.Ю. Владимирский описывают лексико-синтаксическую категорию места как один из компонентов функционально-семантического поля пространства и вводят понятие докума как пространства или предмета, «относительно которого определяется местонахождение предмета (действия, признака) и характер их взаимоотношений (статический, динамический)» [Всеволодова, Владимирский 1982: 6].

Однако к описанию понятия пространства можно подойти с разных точек зрения. Ученые выделяют в качестве важнейших два варианта осмысления пространства: по Ньютону и по Лейбницу. «Ньютон говорит о геометрическом пространстве именно как о физическом, тогда как Лейбниц считает пространство феноменом познающего мир человека...

таким образом, здесь речь идет о разных типах пространств – одном физическом, а другом – ментальном, феноменальном» [Кубрякова 1997: 9].

Ссылаясь на известную работу В.Н. Топорова «Пространство и текст» (Топоров 1983), Е.С. Яковлева в своей монографии так интерпретирует два подхода к понятию: «<...> ньютоновское пространство является некоторой объективацией идеи пространства, принципиальным отвлечением от фактора восприятия пространства человеком; у Лейбница же пространство «одушевляется» человеческим присутствием, оно трактуется, прочитывается человеком. Ньютоновское пространство принадлежит физике и геометрии; лейбницевское же относится, скорее, к области человеческих представлений о мире, так сказать, «наивной философии» мира» [Яковлева 1994: 18-19]. Исследователь утверждает, что «пространство не является простымместилищем объектов, а скорее наоборот – конституируется ими, и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам. Поскольку часто пространство ощущается, воспринимается именно через «эманацию» вещей, его заполняющих, для описания пространственных отношений релевантны такие признаки, как «положение наблюдателя»; «характер и условия восприятия» и под.» [Яковлева 1994: 21].

Таким образом, членение опредмеченного пространства обуславливалось особенностями восприятия мира человеком. Воспринимающий и познающий реальность человек выступал точкой отсчёта, относительно которой формировалась модель мира в соответствии с чувственным, зрительным и слуховым опытом. Этот опыт становился основой для процесса категоризации в языковых формах (обобщенности идеи антропоцентричности языка см. Топоров 1983; Апресян 1995; Яковлева 1994 и др.). Из последнего следует вывод об относительности пространственных характеристик (подробное описание пространственных отношений при абсолютной и относительной

удалённости предметов от наблюдателя или одного предмета относительно другого, см. [Апресян 1995: 633-636 и далее]).

Что касается возможности соотнесения двух подходов к понятию пространства, то в лингвистических исследованиях оно чаще представляется синкретично: в нём совмещаются и черты физико-геометрического (ньютоновского) пространства, и черты «одушевлённого» (лейбницевского) пространства. Ср.: Л.Талми, разработавший топологический подход к описанию языкового пространства, приводит, к примеру, двадцать параметров, релевантных для анализа пространственных конфигураций, и называет базовые единицы, которыми выступают как геометрические объекты, так и субъекты [Talmy 1983, 277]; Д. Лич использует при описании пространства такие единицы, как «место», «протяженность», «близость», «вертикальность»/«горизонтальность», «север»/«юг», «запад»/«восток», «ориентация», «движение», «виды передвижения», «поза» (положение человека в пространстве) [Leech 1969:159-201]. А. Вежбицкая добавляет к этому списку «направление», «границы пространства», «сила притяжения» [Вежбицкая, цит. по: Яковлева 1994: 19]. Ср. также: в (Всеволодова, Владимирский 1982) есть раздел о субъективном определении расстояний между предметом и местом; А.Е. Кибрик, исследуя двигательные значения, группирует их в следующие оппозиции: «приближение vs. удаление», «контактность vs. неконтактность», «ограниченность vs. неограниченность», «отсутствие vs. наличие дополнительного ориентира», «приближение vs. удаление от говорящего», «движение вверх vs. вниз» [Кибрик 1970: 114]. (Этот момент получил освещение и в философской литературе. К примеру, М.Хайдеггер в параграфе «Пространственность мира» («Пролегомены к истории понятия времени») писал: «Эта структура, эта специфическая мировость окружающего мира, определена тремя феноменами, которые тесно сочленены друг с другом: отдаление,

местность и ориентация (направление, направленность) <...> под «отдалением» мы понимаем не расстояние между двумя точками, пусть даже в смысле вещей окружающего мира (например, отдаленность стула от окна), но близость или удалённость того же стула или окна по отношению ко мне. <...> Соотношение двух точек здесь нельзя назвать «отдаление», ибо в геометрическом смысле между двумя точками имеется не отдаление, а расстояние». И далее: «Первичная ориентация на «объективный мир» и его расстояния, допускающие по видимости абсолютно точное измерение, склоняет нас к тому, чтобы назвать упомянутые истолкования и оценки отдаления «субъективными» [Хайдеггер 1998: 236, 243].) Подобной трактовки пространства, при которой «современный человек не может отвлечься ни от чувственных элементов его восприятия, ни – одновременно – и от геометрической концептуализации пространства» [Кубрякова 2000: 90], сегодня придерживается большинство когнитологов.

Когнитивные концепции дополняются современными семантическими классификациями пространства, представленными в работах отечественных лингвистов.

Так, одна из последних классификаций принадлежит Е.С. Яковлевой, которая выделяет четыре вида (языковые модели) пространства, явившиеся «разными интерпретациями расположения объекта описания относительно говорящего» [Яковлева 1994:63].

На основе анализа контекстов, содержащих наречия с семантикой ‘далеко’/‘близко’, исследователь формулирует следующие модели пространства:

(1) относительная, динамическая модель: говорящий и описываемый объект – физические сущности, которые находятся в одном, физическом, пространстве; говорящий субъективно оценивает расстояние до объекта (ср.: Европа рядом);

(2) абсолютная, статическая модель: говорящий и описываемый объект – физические сущности, которые также находятся в одном, физическом, пространстве; однако оценка расстояния до объекта здесь абсолютная, неградуируемая (ср.: Вдали раздался крик);

(3) бытийное квазипространство: говорящий и объект описания – физические сущности; при этом объект может находиться как в пространстве говорящего, так и за его пределами; в первом случае принадлежность объекта пространству говорящего означает доступность и взаимодействие (ср.: Когда ты рядом, хочется жить);

(4) пространство инобытия: объект описания модели – ментальная сущность; говорящий совмещает ментальную и физическую сущности; ментальный объект существует и находится либо в области чувственного контакта с говорящим, либо за ее пределами (ср.: Чувствую, что ты опять далеко) [там же: 61-62].

Как следует из вышеизложенного, языковой интерпретации подверглись не только расстояния до конкретных физических объектов, но и описания объектов, «местоположение которых неизвестно, неопределенно или даже вовсе неопределимо» [там же: 43]. Актуальной в таком случае становится не оппозиция «абсолютные vs. относительные дистанционные оценки», но «пространство физическое (трехмерное, гомогенное, протяженное) vs. пространство умозрительное», поскольку неопределенность пространственной локализации может быть принципиальной для описания объекта [там же]. Речь идет о (3) и (4) моделях пространства, дистанционные показатели которых наполняются особым содержанием и отражают иные характеристики самого пространства. Квазипространство не обладает одной из фундаментальных характеристик физического, трехмерного пространства – протяженностью; оно не простирается, как конкретное пространство; «это уже готовые оценки, стереотипизировавшиеся как опосредованный способ описания

наличия/отсутствия объекта» [там же: 45]. Пространство инобытия же – это другая система координат, в которой физические объекты «(и только они) способны к «пространственной» реализации абстрактных представлений, духовных, психофизических и под. сущностей, т.е. объектов нефизических» [там же: 47-48]. «Объекты инобытия сосуществуют с реальными физическими объектами в непересекающихся, взаимонепроницаемых пространственных зонах» [там же: 50].

Главный критерий, лежащий в основе классификации языковых моделей пространства, – семантизация расстояния. Анализ употребления пространственных наречий позволяет исследователю утверждать, что именно этот критерий является характерной особенностью языкового отражения пространства (по сравнению с пространством геометрическим) [там же: 64].

Разнообразные попытки моделирования пространства, отраженного в языке, представлены в академическом издании «Логический анализ языка. Языки пространств» (2000). Пространство в работах понимается как соотношение физического и идеального пространства [Зализняк 2000: 30]; физического и этического [Лебедева 2000]; концептуального и перцептуального [Золкин 2000: 319]; реального, метафорического и виртуального (умозрительного) пространства [Филипенко 2000: 311]; характеризуются природное, социальное и духовное пространства [Тильман 2000]; физическое, ментальное и темпоральное пространства [Кодзасов 2000]; физическое и нефизические пространства (социальное, психологическое, ментальное) [Кустова 2000]; пространство деятеля (событийное пространство) и пространство наблюдателя [Болдырев 2000]; зрительно воспринимаемое, эмпирически постигаемое и умопостигаемое/умозрительное пространства [Панова 2000: 433].

Из сказанного следует, что терминологически единой типологии языкового пространства не существует. Однако все эти классификации

объединяет стремление отразить различные аспекты понимания пространства, которые касаются разных связей в картине мира. Таким образом, можно говорить о том, что в представленных исследованиях нашли выражение семантические пространственные отношения и были выделены и описаны типы семантических пространств.

2.1.2 Когнитивная категория близость как регулятор межличностных отношений

Проанализировав материал, мы пришли к выводу, что когнитивная структура отношений *родства* и *дружбы* непосредственно связана с категорией пространства. Вообще сам по себе феномен *отношения* непосредственно связан с пространством, так как предполагает позицию одного субъекта *относительно* другого. Пространство, наряду со временем, является основным атрибутом материи, основной формой бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Оно организуется вокруг индивида, ставящего себя в центр микро- и макрокосмоса, и оказывается в основе формирования многих номинаций, относящихся к другим, непространственным сферам. В нашем случае такой можно считать сферу межличностных отношений – отношений «человек – человек».

В родственных и дружеских отношениях пространство регулируется категорией *близости*. Эта категория является своего рода связующим звеном, определяющим характер межличностных отношений, а также диффузию представлений о *родстве* и *дружбе* в сознании носителей языка. Таким образом, *близость* выступает в качестве своеобразного координатора, позволяющего концептуально описать рассматриваемую составляющую сферы «человек – человек» при помощи пространственных характеристик. Именно формат *близости* репрезентирует вторжение пространства в отношения субъектов.

Пространство в рассматриваемых когнитивных структурах может быть представлено в двух ипостасях: внешней и внутренней. Используя внешние параметрические характеристики, человек определяет границы межличностных отношений.

2.1.3. Макросценарий доминирования внутреннего пространства при помощи категории близость

Данный когнитивный макросценарий реализуется в речевом произведении через развертывание определенных микросценариев:

- ***отождествление внешнего и внутреннего:***

Как правило, пространственные границы родственных отношений связываются в сознании носителей языка с общей территорией проживания:

Разумеется, есть семьи, где совместная жизнь родителей и взрослых детей, особенно когда появляются внуки, становится адом. В таком случае выход один: молодые должны уходить из семьи.<...> Им не нужна никакая другая квартира... Валерий не должен уходить из семьи... если уйдет – семьи не станет (Халфина «Одиночество»).

Как следует из данного высказывания, квартира равна семье и выход одного члена семьи за пределы этого пространства влечет за собой нарушение целостности семьи (маркером является глагольная лексема со значением движения, направленного во внешнее пространство (*уходить из семьи*), и глагол с отрицанием, имеющий в данном случае значение прекращения, разрушения внутреннего пространства (*семьи не станет*). Таким образом, нарушение близости общего пространства равнозначно разрушению внутреннего пространства семьи.

Довольно часто общее внешнее пространство *семьи, родства, близких отношений* репрезентируется метафорически и метонимически, причем пространственные метафоры и метонимии стереотипны: *дом*

(=семья), гнездо, лоно, стол, круг и др.). В этом случае реализуются следующие микросценарии:

- **взаимообусловленная изменчивость:**

Значимое место в этом ряду занимает лексема *дом*, в данном случае идентификация внешнего и внутреннего пространств репрезентируется через изменчивость внешнего пространства как ответ на изменчивость внутреннего:

Ко времени ее рождения дом потерял изначальную стройность, разросся пристройками, террасами и верандами, отвечая этим ростом на бурное увеличение семьи... (Улицкая «Медея и ее дети»).

Маркеры, при помощи которых разворачивается данный микросценарий, – лексемы с общим значением роста, изменения во внешнем пространстве: *разросся, увеличение*. В этом случае можно говорить о том, что внешнее пространство динамично (растяжимо), оно подстраивается под внутреннее пространство, изменяется вместе с ним.

- **аксиологическое разрастание или сужение:**

Дом не просто помещение (ср.:...муж *вселился обратно в свою семью...* (Петрушевская «Васеньки»), это семья (ср.: дом – *квартира, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство* [Ожегов: 149]). Таким образом, в понятии *дом* как бы совмещаются внешнее и внутреннее пространства семьи, внешнее пространство (например, квартира), а также внутреннее, наполненное духовным началом. *Дом* – это своеобразная аксиологическая доминанта, присущая многим культурам, в том числе и русской:

Дом – это как вера. К одним он приходит смолоду и сразу. А другие обретают дом мучительно, через сомнения, страдания и потери, уходят из него, как блудные дети, чтобы вернуться обратно. Обрести и оценить (Токарева «Лошади с крыльями»).

Ср.: *Это не дом, а стоянка, аэродром, где каждый ночует, чтобы с утра вылететь в другую жизнь, шумную и событийную. Настоящая жизнь проходит за стенами. Дом – гостиница. И вся жизнь – непрекращающаяся командировка* (Токарева «Инфузория-туфелька»).

В вышеприведенных высказываниях в качестве маркеров внутреннего пространства выступают лексемы со значением аксиологического постоянства (*вера*), внутреннее противопоставляется внешнему как *постоянное* *временному*. Маркеры внешнего пространства – лексемы, включающие смысл `временный, непостоянный`: *стоянка, аэродром, гостиница, командировка*. Обе КС (Дом - Не-дом) репрезентированы при помощи когнитивного признака *движение*. КС Дом – движение «центростремительное»: *приходит – уходят, чтобы вернуться*. КС Не-дом – движение «центробежное»: *вылететь, проходит за стенами*, пространство как бы вывернуто наружу.

- ***утверждение одного через отрицание другого:***

Важно отметить, что *дом* как внутреннее пространство может быть противопоставлен *квартире* (своей части) как внутреннее – внешнему:

Егоров вошел в свой дом, а правильнее сказать: квартиру. У него была квартира, а не дом. Дома у него не было (Токарева «Длинный день»).

Как видно из данного высказывания, человек не имеет внутренней связи, *близости* со своей семьей, с родными он только проживает на одной площади, в одной квартире, т.е. имеет общее внешнее пространство, но не внутреннее.

- ***«собрание» целого через утверждение его частей:***

Довольно часто *дом* ассоциируется в языковом сознании с метафорой *гнезда*, наполняясь внутренним содержанием, близостью

людей, живущих вместе, причем наличие кровного родства не является обязательным условием:

На окраине города у Анны Алексеевны была небольшая квартирка. Сама она занимала спальню, а проходную сдала Лидии Павловне. Вскоре они стали жить одной семьей.<...> А потом, когда пришел неизбежный срок, схоронила, оплакала, и родная могила еще крепче привязала ее к новому гнезду (Халфина «Сон без сновидений»).

Квартира из обычного вместилища (ср.: *квартира – отдельное жилое помещение в доме, с кухней, передней* [Ожегов:234]) через внутреннюю близость неродных людей превращается в *гнездо* для семьи.

В некоторых контекстах метафорический образ «дом – гнездо» становится более многоаспектным, поскольку реализуются все новые элементы структурирования исходной понятийной сферы:

Заберемся мы к папке под крыло и будем себе спать (Халфина «Мачеха»); Отсюда проводили в жизнь своих птенцов (Халфина «Мои соседи»); Пришла мать и зажгла свет, и Нора вновь обрела свои 20 лет и свое положение дочери, над которой стоит, раскинувши крылья, родная мать (Петрушевская «Свобода»); ...они лишились матери, то есть фундамента и подпорки, и стали неоперившимися родителями ... (Петрушевская «Я люблю тебя»).

Расширенная метафора «дом – гнездо» эксплицируется при помощи следующих маркеров: *под крыло, птенцы, раскинувши крылья, неоперившиеся родители.*

- ***ритуализация объектов внешнего пространства и связанных с ними действий:***

Нередко в качестве главных атрибутов внешнего пространства дома, сближающих членов семьи, выступают лексемы *стол (семейный стол)* или *общая комната* в квартире (*большая комната*).

Этот час драгоценного отдыха за семейным столом был наградой за длинный, утомительный день (Халфина «Сон без сновидений»).

И вечерние встречи за семейным столом утратили свою былую прелесть (Халфина «Сон без сновидений»).

Жена очнулась, быстро сделала ремонтик в материнской комнате и поселилась там с детьми, а большая комната снова стала местом встреч, бесед и малых праздников, и муж выходил к гостям как отец чудных детей и глава дома (Петрушевская «Я тебя люблю»).

Брак Маши и Алика совершался в беседах (Улицкая «Медея и ее дети»).

В вышеприведенных фрагментах смысловые наборы, связанные с лексемами *стол, комната, (место встреч, беседы, праздники, отдых)* носят ритуальный характер, поскольку, как правило, эти пространственные атрибуты соотносятся в сознании с определенными семейными традициями. Таким образом, являясь, по сути, характеристиками внешнего пространства, понятия *дом, стол, комната* выполняют функцию интегрирования внешнего и внутреннего пространства семьи, причем два последних из них (*стол и комната*) выполняют функцию ритуальных атрибутов внутреннего пространства.

- **персонификация:**

Интересно отметить, что довольно часто внешняя и внутренняя пространственная близость в сознании человека воспринимается персонифицированно. В качестве определенного стержня, организующего целостность семьи, родственных отношений, сложившегося уклада, выступает один из членов семьи. Микросценарий персонификация реализуется при помощи следующих смысловых стратегий:

- *человек как основа гармонии внешнего и внутреннего пространства*

Раньше дома, по вечерам, мамино возвращение с работы преображало все: утолялся голод, комната становилась уютной и чистой... И если мама задерживалась, Коляка и отец чувствовали себя какими-то удивительно неустроенными, словно сидели на вокзале в ожидании поезда, который опаздывал и неизвестно когда должен был прийти (Алексин «Коля пишет Оле, Оля пишет Коле»).

В данном высказывании именно с одним членом семьи (*мамино возвращение*) ассоциируется представление о доме (ср.: *комната становилась уютной – словно на вокзале*). КС 1 *мамино возвращение* связана с когнитивными признаками – преобразование, утоление голода, уют, чистота; КС 2 *мама задерживалась* – неустроенность, сидели на вокзале.

○ *человек как опора, фундамент или как причина разрушения внешнего и внутреннего пространства*

Я почувствовала, что не может быть нас троих... без нее, без четвертой...<...>без бабушки все погибнет, разрушится (Алексин «Раздел имущества»).

Дети еще покрикивали друг на друга и на мать, у них была своя неопределенность, они лишились матери, то есть фундамента и подпорки (Петрушевская «Я люблю тебя»).

Платон, единственный в доме мужчина, действительно подпирал весь дом. Он выдал замуж сестер, похоронил перед второй мировой войной тетку (Улицкая «Медея и ее дети»).

В приведенных высказываниях человек также является своеобразным метафорическим атрибутом *дома, гнезда, семьи*, причем, как уже было сказано, стержнеобразующим. Данный смысл эксплицируется при помощи семантического партитива лексемы *дом* – семы 'фундамент, опора'. Маркерами в данном случае являются лексемы *фундамент, подпорка, подпирал; разрушится*.

- **микросценарий замещения и диффузии:**

Еще одним важным компонентом рассматриваемой когнитивной структуры можно считать тот факт, что отношения пространственной близости, общности проживания в некоторых случаях могут даже замещать родственные отношения:

Когда-то они были подружками, еще бы, две одинокие женщины в двухкомнатной квартире, у них было много общего и даже гости бывали общие... большое счастье, что у нее такая соседка, как старшая сестра, которая никогда не бросит в тяжелую минуту (Петрушевская «Мечь»).

КС 1 *были подружками* представлена когнитивными признаками *одинокие женщины, в двухкомнатной квартире, много общего, гости общие*. КС 2 *соседка как старшая сестра – не бросит в тяжелую минуту*. КС1 → КС 2.

На окраине города у Анны Алексеевны была небольшая квартирка. Сама она занимала спальню, а проходную сдала Лидии Павловне. Вскоре они стали жить одной семьей... <...> Всем своим одиноким, истерзанным сердцем привязалась она к чужой доброй старухе, ходила за ней, как не каждая дочь ходит за больной матерью. А потом, когда пришел неизбежный срок, схоронила, оплакала, и родная могила еще крепче привязала ее к новому гнезду (Халфина «Сон без сновидений»).

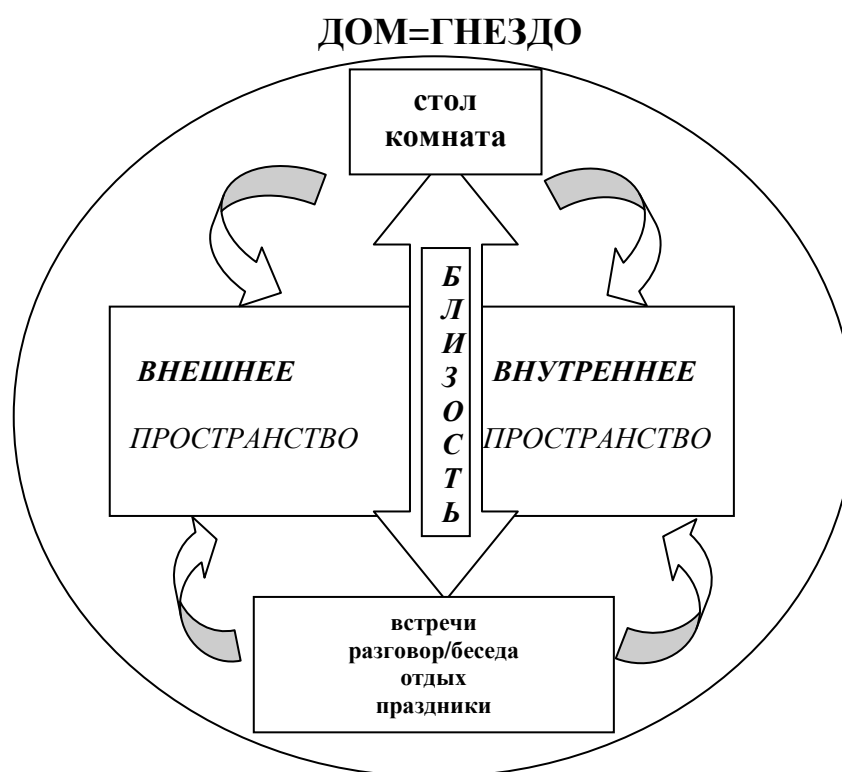
Дело в том, что в нашей квартире в Москве начался ремонт. Вообще, в нашей семье много народа. Во-первых, моя лучшая подруга Катя, ее сыновья Кирюша и Сережа, жена последнего Юля, Лизавета и я... Каким образом мы все оказались вместе, рассказывать не стану, но поверьте, дружба соединила нас крепче, чем иных людей родство (Донцова «Фиговый листочек от кутюр»).

В приведенных высказываниях наблюдается диффузия дружеских и родственных отношений: *были подружками → как старшая сестра*. Также

помимо стандартных сравнений и устойчивых сочетаний (жить одной семьей; как не каждая дочь ходит за больной матерью), на близкие отношения, фактически замещающие родственные, указывают и глагольные лексемы. В частности, глаголы *привязала, привязалась* в выше приведенном фрагменте семантизируют духовное родство, приобретенное через *близость* (ср.: *привязанность – чувство близости, основанное на преданности, симпатии к кому-чему-н.* [Ожегов: 509]).

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что применительно к межличностным отношениям (в нашем случае к родственным и дружеским) ощущение внешнего и внутреннего пространства ассимилируется в сознании говорящего, причем ощущение внутреннего пространства, внутренней близости в данном случае является доминирующим. Схематично это можно представить таким образом:

Схема 1.

2.1.4. Макросценарий смещения внешнего и внутреннего пространства как проявление их ментальной взаимосвязи

Микросценарий иллюзии или реального изменения внешнего пространства реализуется через определенные смысловые стратегии:

- **искусственное отделение или сближение во внешнем пространстве:**

О том, что внешнее и внутреннее пространства смешиваются, косвенно говорит и тот факт, что пространственные представления о *родстве* и *дружбе* в сознании человека могут иметь различные виды соотношений. Так, например, внешнее и внутреннее пространства могут совпадать в представлении индивидуума. Такое совпадение, в частности, может быть проиллюстрировано следующим примером:

*Теперь они снова смотрели прямо перед собой, молчали, и со стороны казалось, что еще одно мгновение – и они бросятся друг к другу, чтобы не походить на сидящих больных, однако они с каждой минутой все отдалялись и отдалялись, словно кровати разъезжались в **противоположные стороны** (Липатов «Игорь Саввович»).*

Внутреннее отчуждение между мужем и женой, их отдаление эксплицируется через кажущееся изменение внешнего пространства. Ср. также следующий пример:

Чтобы не мозолить ближним глаза, бабушка отсиживалась в своей «отдельной» комнатке... (Халфина «Сон без сновидений»).

*Бабушка, не имея внутренней связи с молодой семьей, находит место для «спасения» в замкнутом внешнем пространстве – «отдельной» комнатке (ср.: отсидеться – спастись, укрываясь где-н. от кого-чего-н., переживая что-н. [Ожегов: 412]). Отсутствие внутренней связи репрезентируется устойчивым сочетанием *мозолить глаза*. Происходит своеобразное «сворачивание» пространства до определенного локуса (в *комнатке*). Обособление члена семьи происходит не только на*

внутреннем, но и на внешнем уровне, это выражается лексемами «отдельная» комнатка, своя. Эту мысль иллюстрируют и следующее высказывание:

А сейчас они спят в разных комнатах и между ними стена – в прямом и переносном смысле. Наташа пожалела, что поехала в лес. Дома можно спрятаться ему – за газеты, ей – за кастрюли (Токарева «Лошади с крыльями»).

Отсутствие общего внешнего и внутреннего пространства между супругами репрезентируется лексемой *стена*, употребленной в прямом значении и метафорически. Даже в общем пространстве дома появляется необходимость отделять свое пространство искусственно (ср.: *ему – за газеты, ей – за кастрюли*).

Маркерами отделения во внешнем пространстве служат глагольные и адъективные лексемы со значением пространственного удаления, разделения: *отдалялись, разъезжались, отдельная*.

Так же через сближение во внешнем пространстве может быть выражена *близость* в пространстве внутреннем:

Слава – мой однокурсник, но в институте мы с ним никогда не дружили<...>Но недавно произошел случай, который нас очень сблизил<...> Я втиснулась к нему в закуток, и мы впервые поговорили с ним по-людски о многом и очень нужном (Халфина «Одиночество»).

Смешение пространств эксплицировано маркером со значением проникновения, движения внутрь *втиснулась* (ср.: *с трудом войти, проникнуть куда-н.; закуток – потаенное место, уголок [Ожегов: 93,181]*). Внутренний мир предстает как нечто потаенное, закрытое для чужих, как место, в которое трудно попасть **неблизкому** человеку.

- **смысловая стратегия исключения точек пересечения во внешнем и внутреннем пространстве:**

Данная стратегия реализуется в следующих высказываниях:

У Гали были все основания считать себя счастливой женщиной. Основания были, а счастья не было. Она заполучила Трофимова территориально, но не могла заполучить его душу и не знала, что для этого надо делать. Она имела его и не имела одновременно (Токарева «Не сотвори»).

Внешнее пространство маркировано лексемой *территориально*, внутреннее – лексемой *душа*.

Какое несчастье, какая боль жили в двух метрах от него! И так было изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц, а он спал, просыпался, ездил на работу, болел, обедал, и ужинал – существовал в таком мире, где боли и несчастьям жены не было места (Липатов «Игорь Саввович»).

Разделение внутреннего пространства как отделение во внешнем эксплицировано маркерами внешнего пространства *в двух метрах от него* и внутреннего пространства *в мире, где не было места*.

А здесь просто разросшаяся семья. Жан-Франсуа любит Вероник как женщину. Но он 25 лет прожил с Люси (бывшая жена – Е.С.), врос в нее и не может без нее (Токарева «Лиловый костюм»).

В вышеприведенных фрагментах также используется стратегия диффузии типов пространств через применение локальных атрибутов и пропозиции владения (через атрибуты места и предикацию владения (*заполучить*) и экзистенции (*существовать*)).

Из данных примеров следует, что совместное проживание еще не свидетельствует о существовании общего внутреннего пространства, с другой стороны – разрыв внешней связи может не нарушать целостности внутреннего пространства (ср.: *заполучила территориально, но не могла заполучить его душу; врос в нее и не может без нее*).

В приведенных выше высказываниях при помощи атрибутов внешнего пространства, атрибутов дома (*территориально, в двух метрах,*

отдельная комнатка, разные комнаты, стена, газеты, кастрюля) выражается степень *близости* в пространстве внутреннем.

Необходимо отметить и тот факт, что смешение внешнего и внутреннего пространства может быть эксплицировано при помощи сенсорных характеристик, в этом случае мы можем говорить об использовании семантической ***стратегии сенсорного включения и тактильного оперирования:***

Георгий и Маша размякли, родственно прислонились друг к другу (Улицкая «Медя и ее дети»).

Она подходит ко мне, обнимает. Замыкает пространство (Токарева «Звезда в тумане»).

Жена и сын спали в своей норке и даже во сне чувствовали свою защищенность: никто не придет и не сожрет, потому что их охраняет хозяин. Трофимова обдало теплой волной нежности и благодарности за то, что они есть (Токарева «Не сотвори»).

...Но родней человека, чем он, у меня не было никого <...> я грелась душой после долгого и трудного жизненного пути, сознавая, что завтра и даже сегодня меня оторвут от тепла и света и швырнут опять одну идти по глинистому пути, под дождем, и это и есть жизнь (Петрушевская «Через поле»).

Нора пришла домой, села на диван и долго глядела в окно, в то время как в комнате постепенно темнело. Пришла мать и зажгла свет, и Нора вновь обрела свои двадцать лет и свое положение дочери (Петрушевская «Свобода»).

Маркеры тактильных и сенсорных характеристик, зрительных ощущений, эксплицирующие диффузию типов пространств: *прислонились, обнимает, обдало волной нежности, грелась душой, темно – зажгла свет.*

2.1.5. Макросценарий автономного семантического бытования внутреннего пространства

С другой стороны, следует признать, что в сознании носителей языка, безусловно, существует представление о самостоятельном внутреннем пространстве когнитивной структуры межличностных отношений.

- **Микросценарий пересечения и наложения внутренних (духовных) пространств**

Прежде всего именно внутреннее, духовное пространство регулирует характер межличностных взаимоотношений. Через внутренние характеристики человеком определяется степень *близости* между людьми:

Никакой душевной близости там, понимания с полуслова у них (мужа и жены – Е.С.) не было. Вместе с тем они прекрасно проводили вместе время, окруженные друзьями (Петрушевская «Сережа»).

В данном примере характеристика внутреннего пространства определяется как синтагматически (при помощи атрибутива *душевная близость*), так и парадигматически (ср. душевная близость = понимание с полуслова). Внутреннее, духовное пространство эксплицируется при помощи коммуникативных характеристик (*понимание с полуслова, окруженные друзьями*). Причем важно отметить, что в приведенном выше высказывании четко разграничивается внешнее и внутреннее пространства (ср.: общее внешнее пространство: *прекрасно проводили вместе время*, но при этом отсутствие общего внутреннего пространства: *никакой душевной близости не было*). КС 1 душа – ограниченное внутреннее пространство.

Обращает на себя внимание тот факт, что в русском языковом сознании существует устойчивый семантический маркер, определяющий внутреннюю *близость* людей – это лексемы *душа, духовный, душевный, задушевный*:

Ее чувство к мужу увяло. Душа заросла сорняком (Токарева «Сентиментальное путешествие»). КС 2 душа – чувство, КС 1 душа – сад.

Бабка со своей любовью как бы уходит в архив жизни, но эта бабушкина любовь остается на дне души и греет всю жизнь (Токарева «Телохранитель»). КС 1 душа – архив, дно (МТФ).

...задушевная гимназическая подруга (Улицкая «Медя и ее дети»). КС 2 душа – чувство (дружба). КС 3 душа – подруга.

Где-то уже через час после знакомства стало ясно, что наши души идентичны, как однояйцевые близнецы. Или, вернее, у нас одна душа, разделенная на две части (Токарева «Звезда в тумане»).

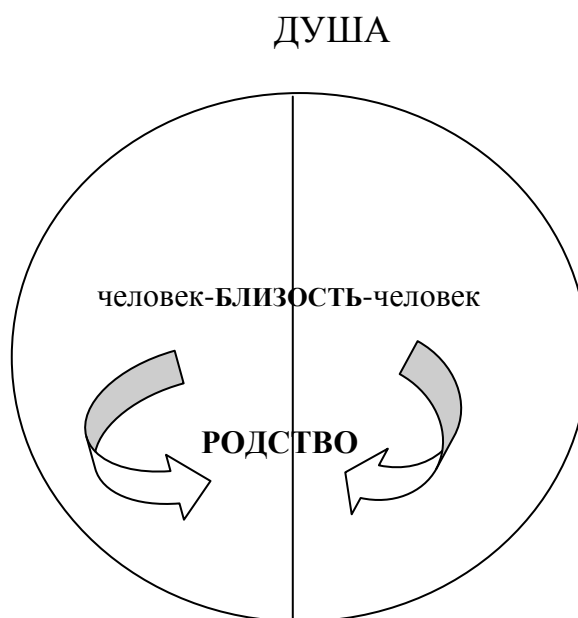
*Главное – Лия. Случайная настоящая Подруга. <...> Как можно выбрасываться в окно, когда на земле, **пусть на другом ее конце, живет человек с идентичной душой*** (Токарева «Звезда в тумане»).

КС 1 душа – внутреннее пространство с КП – идентичность. КС 4 душа – деление целого на две равные части. Как следствие этого, идентичность души при удалении во внешнем пространстве не позволяет прекратить жизнь.

В данных контекстах *душа* предстает в качестве пространственногоместилища. Внутренняя *близость* между людьми проявляется на уровне так называемой наивной анатомии: *наши души идентичны, как однояйцевые близнецы; у нас одна душа*. Как представляется, в данном случае можно говорить об особом типе *родства*, обнаруживающем себя, в том числе и в паремии (ср. *родственные души, родство душ, братья по духу, жить душа в душе*). В данном случае родство выступает как некая идентичность, единство. Духовность и душевность русского человека находит отражение в такой национальной особенности русского языка, как подробная разработка психической жизни, а также в наличии уникального концепта «душа» [Урысон, 1995; Белякова, 1999; Михеев, 1999; Тильман, 1999; Салалыкина, 2002; Шмелев, 2002]. Данный концепт

занимает важнейшее место в структуре модели мира, поскольку он имеет непосредственное отношение к антропоцентрическому аспекту мироздания. По наблюдениям В.И. Постоваловой, подобные базисные концепты могут оказаться долговечнее конкретной картины мира и остаться в языке даже в случае смены глобальных представлений [Постовалова 1994: 207]. Согласно исследованию М.Ю. Михеева, *душа* является типичным метафорическим концептом: будучи ненаблюдаемой сущностью, она не может концептуализироваться иначе, как посредством «вещных коннотаций», образных уподоблений, к числу которых в наивном русском языковом сознании относится и *душа как вместилище, сосуд* [Михеев 1999]. Именно этот факт, как нам кажется, во многом объясняет существующую в сознании говорящих диффузию *родства* и *дружбы* (см. Схему 1).

Схема 2.

2.1.6. Макросценарий внутреннего пространства, опирающийся на оппозиции движения, контакта, ограничения, объема

Как показал анализ исследуемого материала, как правило, внутренняя, субъективная *близость* репрезентируется при помощи довольно устойчивых семантических оппозиций, присущих пространственным характеристикам. Прежде всего таких, как «приближение – удаление», «ограниченность – неограниченность», «контактность – неконтактность» и т.п.

Макросценарий реализуется при помощи следующих микросценариев:

- **«приближение – удаление»**

Данная оппозиция напрямую указывает на степень *близости* между людьми, а также на динамику развития отношений между ними. Так, в качестве примера реализации этого пространственного микросценария можно привести следующие высказывания:

*С тревогой и недоумением присматривалась она к сыну <...> Почему с каждым днем он все **дальше уходит** от нее?* (Халфина «Игорь»).

Сын покидает некогда общее с матерью внутреннее пространство. Нарушение внутренней *близости* передается глагольной лексемой *уходит* (ср.: *уйти* – *идя, удалиться*; *покинув какое-н. место* [Ожегов: 719]). В качестве своеобразного интенсификатора этого действия выступает сравнительная степень наречия *дальше*, а динамика данного процесса подчеркивается при помощи местоимения *все* (ср. *все дальше уходит*).

Аналогичную картину мы наблюдаем и в следующем фрагменте:

*Теперь они снова смотрели прямо перед собой, молчали, и со стороны казалось, что еще одно мгновение – и они бросятся друг к другу, чтобы не походить на сидящих больных, однако они с каждой минутой все **отдалялись и отдалялись**, словно кровати **разъезжались** в противоположные стороны* (Липатов «Игорь Саввович»).

В качестве маркеров в вышеприведенных примерах выступают глаголы направленного движения (*уходит, отдалялись, разъезжались*).

В данном высказывании имеет место *смысловая стратегия качества близости людей и динамики ее изменения*. КС 1- движение от субъекта 1, КС 2 – выход за пределы пространства субъекта 1, КС 3 – интенсивность, нарастание движения субъекта 1 и субъекта 2 друг от друга. В этом случае представлена «отрицательная динамика».

Актуализация противоположного полюса данной смысловой стратегии эксплицируется в следующих контекстах:

Они вместе учились в школе<...>. Они засыпали, обнимаясь, и вместе росли во сне, и их кости принимали удобные друг для друга изгибы и впадины. Они слились друг в друге. А потом в сыне (Токарева «Инфузория-туфелька»).

Процесс сближения представляется также как постепенное действие и передается глагольными формами, обозначающими действия человека, направленные на сближение: *обнимаясь, слились*. Вместе с тем, интенсивность действия репрезентируется при помощи градации: *вместе учились, засыпали, обнимаясь, слились*. Внешнее пространство сужается и это происходит параллельно с полным сближением во внутреннем пространстве *кости принимали удобные друг для друга впадины, слились друг в друге*. Наконец муж и жена как одно целое претворяются *в общем сыне*. КС 1 – совместная деятельность, КС 2 – приобретение общей внешней формы, КС 3 – полное слияние. В этом случае представлена «положительная динамика» движения субъектов навстречу друг другу.

Маркерами движения «отрицательной динамики» являются глагольные лексемы со значением удаления, движения во вне, «положительную динамику» характеризуют глаголы со значением совместности, сближения.

- **«ограниченность – неограниченность»**

При реализации данного микросценария также непосредственно характеризуется наличие *близости* между людьми:

*Он не выносит, когда кто бы то ни было пытается влезать в его внутренний мир. <...> Так и живут они под одной крышей: он – свободный и независимый, со своим **неприкосновенным** «внутренним миром», и она – притихшая, **опустошенная**, очень постаревшая, **тоже со своим внутренним миром**, до которого ее сыну нет никакого дела (Халфина «Игорь»).*

Общее внешнее пространство (*под одной крышей*), отнюдь не мешает матери и сыну иметь собственный, закрытый, ограниченный внутренний мир (ср. *неприкосновенный* внутренний мир; *свой* внутренний мир; *не выносит, когда кто бы то ни было пытается влезать в его внутренний мир*). Сын замыкается в своем внутреннем мире и, покидая пространство матери, не позволяет ей проникать *в его внутренний мир*. «Неполноценность» внутреннего мира матери определяется лексемой *опустошенная*. КС1 – субъект1 имеет внутреннее пространство 1, КС 2 субъект 1 не позволяет проникать в пространство 1 субъекту 2, КС 3 – субъект 1 имеет неприкосновенное пространство 1, субъект 2 имеет пустое пространство 2. Маркерами в данном случае являются глаголы проникновения во внутрь и нахождения внутри (*влезать*).

Ограниченность, замкнутость внутреннего мира человека эксплицирована и в следующем высказывании:

*Однако все-таки раньше она была спрятана и загорожена, несмотря на то, что все о ней знали, что ее муж, известный человек, ею пренебрегает и ведет **свое собственное, ничем не близкое ей существование** (Петрушевская «Две души»).*

В частности, замкнутость внутреннего мира жены репрезентируется маркерами, в качестве которых выступают глагольные лексемы, обозначающие возведение границ вокруг чего-либо: *спрятана*,

загорожена. В свою очередь, ограниченность внутреннего мира мужа определяется как *свое собственное, ничем не близкое ей существование*. КС субъект 1 имеет внутреннее пространство 1, КС 2 субъект 2 имеет собственное пространство 2 «неблизкое» для пространства субъекта 1.

Маркерами являются лексемы со значением внешнего обособления (*спрятана, загорожена*) и лексемы с отрицанием (*ничем не близкое*).

- **«контактность – неконтактность»:**

*Я от нее совсем **отдалился** последний год. Совсем **не любил**, только дочку. **Не было** такого контакта* (Петрушевская «Медея»).

Отдаление мужа и жены происходит как следствие отсутствия любви (*совсем не любил*) и *контакта* (*не было такого контакта*). Отсутствие близости эксплицируется при помощи глагола со значением перемещения (*отдалился*).

С родней я не сообщаюсь. Можно сказать, что я сирота (Улицкая «Медея и ее дети»).

В данном примере неконтактность репрезентируется при помощи отрицательной предикации, выраженной глагольной лексемой со значением коммуникации, *не сообщаюсь*. Подобное отсутствие контакта воспринимается героем как сиротство. В данном случае можно говорить о том, что лексема *сирота* служит своеобразным интенсификатором этого состояния.

КС 1 субъект 1 отдаляется, не общается с субъектом 2, КС 2 субъект 1 не имеет контакта, сирота.

- **«плоскость – объем»**

Интересно отметить тот факт, что внутреннему пространству в межличностных отношениях присущ такой важный параметр, как **объем** (ср. *проникать/влезать во внутренний мир; слились друг в друга; опустошенный внутренний мир*). Данный параметр более значим для внутреннего пространства, нежели для внешнего, так как именно

объемность эксплицирует степень *близости* прежде всего при помощи *семантической стратегии определения глубины отношений*. В качестве примера, в котором эксплицирована данная стратегия, можно привести следующие высказывания:

Мы расстались с тобой на каком-то внешнем, поверхностном уровне. А внутренняя связь не прервалась, в глубине мы неразделимы (Токарева «Система собак»).

КС1 – субъект 1 расстается с субъектом 2 на внешнем уровне, КС2 – субъект 1 связан с субъектом 2 внутренней связью, КС3 - субъект 1 и субъект 2 неразделимы.

У нас с тобой общий ребенок, общее имущество и общая испорченная жизнь. Мы с тобой глубокие родственники, а родственников не бросают и не меняют (Токарева «Глубокие родственники»).

КС 1 – субъект 1 и субъект 2 имеют нечто общее, КС 2 - субъект 1 и субъект 2 родственники, КС3 – субъект 1 и субъект 2 неразделимы.

Юрка был нервный мальчик, почти псих. Дружба с ним бесполезна Сереже. <...> Но дружили они глубоко и искренне (Токарева «Телохранилитель»).

КС 1 – субъект 1 обладает отрицательными качествами, КС 2 - субъекту 2 вредно дружить с субъектом 1, КС 3 – дружба субъекта 1 и субъекта 2 глубокая, КС 4 – дружба субъекта 1 и субъекта 2 может принести пользу.

Бабка со своей любовью как бы уходит в архив жизни, но эта бабушкина любовь остается на дне души и греет всю жизнь (Токарева «Телохранилитель»).

КС 1 - субъект 1 уходит из жизни субъекта 2, КС2 - любовь субъекта 1 к субъекту 2 останется глубоко и, как следствие, надолго.

Маркерами являются лексемы со значением *глубины*: глубина, глубокие, глубоко, дно.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что в сознании человека модель представлений о *родстве* и *дружбе* формируется на основе внутреннего пространства. Представления о межличностных отношениях и, в частности об отношениях *родства* и *дружбы*, формируются в сознании говорящих при помощи категории *близости*, которая, являясь, по сути, также пространственной характеристикой, выступает в качестве своеобразного регулятора рассматриваемых понятий, позволяющего человеку определить характер отношений с другими людьми.

Безусловно, нами были рассмотрены только некоторые оппозиции, характеризующие внутренний мир отношений *родства* и *дружбы*, по-видимому, их гораздо больше. Однако даже рассмотренные оппозиции позволяют сделать вывод о том, что они очень тесно переплетаются на семантическом уровне и свидетельствуют прежде всего о степени *близости* между людьми.

2.2. Временные параметры выявления когнитивно-семантического потенциала наименований родства и дружбы

2.2.1. Время как онтологическая категория

Время, как и пространство, является одной из основных онтологических категорий, являющихся ориентирами в понимании закономерностей существования и взаимосвязи человека, общества, природы, Вселенной. «Пространство человек наделяет своими внешними, физическими свойствами, а время, являющееся для него не просто хронологической и хронометрической единицей измерения событий и явлений, а духовным параметром жизни, – акциональными свойствами, тем самым превращая его в ценностный компонент картины мира» [Геляева 2002: 53]. Время, в отличие от пространства, нематериально и не доступно ни одному из пяти

чувств. Человек осознает течение времени не само по себе, а опосредованно – через восприятие изменений, происходящих в пространстве. Представление о времени, изменяющееся в ходе исторического развития, обрастающее образами и символами, – неотъемлемый компонент представления человека о мире в целом. Существующая в картине мира определенного народа модель времени призвана выразить единый, присущий данной культуре тип восприятия [Михеева, 2004; Гуревич, 1984; Гайденко, 1969].

В сознании человека существуют два традиционных представления о времени – циклическое, при котором время представляет собой последовательную повторяемость однотипных событий, и линейное, отражающее идею эволюции, начала и конца. Циклическое понимание, первичное по происхождению, основано на простых наблюдениях за сменой дня и ночи, составляющих малый цикл – сутки, за чередованием времен года, образующих большой цикл – год, за сменой лунных фаз. «Из-за простоты и очевидности первый известный людям счет времени, употребляющийся до сих пор, – это счет циклический» [Гумилев 2005: 12]. Циклическое время – это время, которое присуще отчасти и мифологическому сознанию. Кроме того, этимология самого русского слова «время» (*vertmen), однокоренного со словами «вертеть» и «веретено», указывает на связь с представлением о цикличности.

Появление линейного измерения времени знаменует формирование исторического сознания, при котором отсчет ведется от определенного момента в историческом прошлом. Для древних римлян эта условная дата – основание Рима, для эллинов – год первой Олимпиады. Мусульмане считают годы от хиджры – бегства пророка Мухаммеда из Мекки в Медину. Христианское летосчисление ведет счет от Рождества Христова. Зародившись в христианстве, идея направленности времени изначально относилась лишь к сфере духа, а затем, с возникновением в эпоху

Возрождения опытной науки, она распространяется на природу. Это нашло выражение в космогонических гипотезах, теориях эволюции. Между тем одной из основных черт архаического миропонимания был циклизм. Время, в котором жило архаичное общество, характеризуется извечной повторяемостью, определённой последовательностью годовых циклов. Временные ориентиры, значимые в этой системе, заданы сменой времен года: только в определенные моменты устраивались праздники. Если обратиться к христианскому церковному календарю, можно увидеть абсолютно те же тенденции. И христианское, историческое, линейное представление о времени не лишено цикличности (в данном случае архаичных элементов). Причём эта идея цикличности, повторяемости имеет особое значение именно для православной культуры. Как известно, самым почитаемым для православной церкви является праздник Пасхи, с идеей возрождения Христа (кстати говоря, с заимствованным из язычества обрядом крашения яиц), тогда как в католической вере в качестве такого праздника выступает Рождество.

Поступательность и однонаправленность движения вводит идею апокалипсиса, ожидания исхода, окончания времени бытия. В отличие от циклического измерения времени, линейное подчеркивает необратимость времени, невозможность повторения пройденных этапов.

Линейное и циклическое время, противопоставляемые в материалистической философской традиции как «естественнонаучное» и «наивное» (Трубников Н.Н.), в рамках языковой (наивной) картины мира дополняют друг друга, позволяя вписывать индивидуальный, конкретный путь развития в общий, типизированный процесс. «Мифология времени включает идею начала мира (космогония, антропогенез, этнология), память о смене поколений (культ предков), сознание линейности (пути) человеческой жизни от рождения до смерти. Цикличность же мифологического времени не просто следование

природным солнечным, лунным, вегетативным циклам (времена года, фазы луны, суточное время), но и преобразование линейного (исторического и жизненного) времени в циклическое, вовлечение его в круговорот «вечного возвращения» [Толстая 1991:62]. Н.Д. Арутюнова утверждает, что «в терминах цикла говорят о физической жизни человека, каждый период земного существования которого имеет особое наименование», но, в отличие от природных объектов, эти периоды являются беспрецедентными, не повторяющимися соответствующие этапы в жизни отцов. «Каждый следующий период жизни, и когда он связан с возрастными переменами, может быть обозначен как новый. Речь идет не столько о закономерной смене возрастных фаз, сколько о смене фаз внутреннего развития». Как в жизни людей возможно разное количество «новых жизней», новых ее образов, так и в жизни государств и наций может быть разное число «новых эр, эпох, периодов» [Арутюнова 1999:705]. Циклическое время воспринимается как универсальное, потому что имеет внеязыковые, внепсихологические, внечеловеческие основания – оно связано с природой, с деятельностью солнца и ее отражением на земле. В сознании современного человека циклизм до сих пор имеет место, поскольку чувство времени у него порождается восприятием изменений в мире, основным источником которых является космическое время (суточное, сезонное и т.п.). Историческое время понимается как последовательно отражающее деятельность человека. «Можно говорить о сосуществовании, диалектическом взаимодействии линейного и циклического времени: внутри природного цикла присутствует линейность, а линия человеческой жизни, истории состоит из циклов, что отражает целостный характер восприятия действительности и времени. Это находит отражение и подтверждение в языке» [Михеева 2004:71].

Как пишет в монографии Е.С. Яковлева, «в «культурной парадигме» носителей языка с понятием циклического времени связываются идеи

природных циклов, бесконечных возвратов и повторов одних и тех же событий, общности человеческих судеб на всех кругах бытия; с понятием же линейного времени ассоциируются такие характеристики, как «неповторимость», «уникальность», «единичность» событий, необратимость самого жизненного процесса» [Яковлева 1994: 100-101].

Время жизни человека – это не абстрактное необратимое течение часов, дней, месяцев, лет, а, в первую очередь, время «переживаемое и проживаемое» [Яковлева 1994: 85], осознание которого происходит по событиям, его заполняющим.

Соотнося понятия «время» и «вечность», Е.С. Яковлева называет время мерой земного бытия. Вечность же не поддается измерению, это духовный мир, находящийся вне круговой мены скользящего времени [Яковлева 1994: 88].

Как замечает Н.Д. Арутюнова, «у человека нет органа, специализирующегося на восприятии времени, но у него есть чувство времени, оно порождено восприятием изменений в мире» [Арутюнова 1999: 687], время может быть отделено от человека, но человек неотделим от времени.

2.2.2. Макросценарий репрезентации линейного и циклического времени в межличностных отношениях

В интерперсональных отношениях находит свое отражение представление и о линейном, и о циклическом времени.

Линейное время воспринимается как движение вперед, как смена жизненных этапов, связанных с прошлым, настоящим и будущим:

- ***Микросценарий непрерывного движения, постепенного преобразования:***

Потекут дни, в которых они будут заняты каждый своим делом... Долгие вечера, в которых они сплетут свои души, потом ночи, в которых они сплетут тела. И так пройдут двадцать, тридцать и сорок

лет. Они останутся в детях и внуках и не прервутся никогда (Токарева «Паша и Павлуша»).

Маркерами являются глагольные лексемы со значением стабильного, постоянного действия: *потекут, останутся, не прервутся*.

Полное слияние о внутреннем пространстве, потом во внешнем, претворение в детях.

Циклическое восприятие времени осознается человеком через повторяющиеся события, этапы в жизни, такое восприятие репрезентируется при помощи определенных временных маркеров: маркеры сезонного типа, маркеры большого и малого циклов. Подобное ощущение времени основано на восприятии природных циклов, в некоторых случаях межличностные отношения могут быть связаны с сезонами года напрямую.

- *Микросценарий повторяемости событий, больших и малых циклов*

Мы каждый год вместе отдыхаем семьями у моря и дружим захлеб все двадцать шесть дней отпуска. В Москве мы не общаемся. Это как сезонная обувь. В одно время года носишь не снимая, а в другое время закидываешь на антресоли (Токарева «Звезда в тумане»).

Повторяемость, цикличность, периодичность отношений эксплицируется при помощи маркера сезонного типа, через сравнение (как *сезонная обувь*). Краткосрочность такой дружбы выражена синтагматически наречной лексемой *захлёб* (ср.: торопливо, как бы захлебываясь [Ожегов: 68]), в данном контексте эту лексему можно рассматривать в качестве интенсификатора действия.

Все это кончилось тем, что через три месяца после отпуска Кларисса переехала к своему новому мужу, Валерию Петровичу, в его трехкомнатную квартиру, и началась новая полоса в жизни нашей

*героини<...>все стабилизировалось и поплыло к естественной, здоровой зрелости, к **череде зим и отпусков...***(Петрушевская «История Клариссы»).

В вышеприведенном высказывании новый этап обозначен адъективным маркером *новый* (муж), *новая* (полоса), цикличность, как и в предыдущем примере, выражена метафорическим маркером *сезона (чередa зим и отпусков)*.

Также повторяемость жизненных этапов, событий может быть связана не только с большими циклами, например год, но и с микроциклами: сутки, неделя:

*...Над нашим мирным **пятничным гнездом** пролетели многие годы...* (Петрушевская «Свой круг»).

Друзья встречаются каждую пятницу. Внутри «своего круга» они меняются мужьями и женами, женятся и разводятся: *присутствовала на бракосочетании моего мужа Коли с женой Сержа Маришей* (Петрушевская «Свой круг»).

Как правило, данные микроциклы связаны с ритуальным пространством, рассмотренным в предыдущем параграфе (*гнездо, стол, комната*).

И вечерние встречи за семейным столом утратили свою былую прелесть (Халфина «Сон без сновидений»).

...А большая комната снова стала местом встреч, бесед и малых праздников, и муж выходил к гостям как отец чудных детей и глава дома... (Петрушевская «Я люблю тебя»).

Повторяемость циклов выражена маркерами: *вечерние, снова стала*.

Важно отметить, что циклическое ощущение времени довольно часто воспринимается метафорически, так, среди наиболее часто встречающихся метафор можно выделить метафоры *круга, поля, колеса*.

- ***Микросценарий непрерывного движения в замкнутом пространстве:***

Татьяна посмотрела на мужа: он, конечно, козел. Но это ЕЕ козел. Она так много в него вложила. Он помог ей перетанцевать Мишу Полянского, и они продолжают вместе кружить по жизни, как по ледяному полю. У них общее поле (Токарева «Перелом»).

...Они прекрасно проводили вместе время, окруженные друзьями (Петрушевская «Сережа»).

Бывали слова о любви. Высокие слова. Бывали жаркие клятвы, она каждый раз верила. А потом он ничего не помнил. В общем, ситуация колеса. Тамара – белка (Токарева «Пять фигур на постаменте»).

2.2.3. Стратегии оценки при восприятии линейного и циклического времени

Важнейшей категорией, связанной с восприятием и линейного, и циклического времени, является категория *оценки*. В нашей работе мы имеем дело с прагматическим (оценочным) когнитивным компонентом семантики слова, словосочетания, фрагмента текста. Однако здесь необходимо заметить, что, хотя модальная рамка оценки относится к прагматическому аспекту высказывания, она тесно связана и с семантикой оценочной структуры, слова и высказывания в целом, образуя с ними, как пишет Е.М. Вольф, «амальгамированные конструкции», где прагматический и семантический факторы не всегда легко разделить. Так, если субъект оценки еще можно с уверенностью отнести к модальной рамке, то объект оценки всегда входит в семантическую (дескриптивную) структуру высказывания.

Заметим, что современные теоретики семантики и структуры оценки [Арутюнова 1988, Вольф 1985, Ивин 1970 и др.] трактуют оценку как один из видов модальностей, накладывающихся на дескриптивное содержание языкового выражения, как своеобразную модальную рамку. Структуру оценки можно представить по-разному. Так, например, А.А. Ивин предлагает оценочную структуру, элементы которой соответствуют компонентам оценки в логическом понимании (Ивин 1970). В языке оценочная структура обязательно включает в себя в качестве главного компонента объект оценки, для этой структуры наиболее важными являются два компонента: субъект и объект оценки. «Субъект и объект оценки составляют два основных элемента оценочной и, шире, квалификативной структуры» [Вольф 1985: 67]. Н.Д. Арутюнова предлагает следующую классификацию частнооценочных значений при взаимодействии субъекта оценки с ее объектом: 1) сенсорные оценки; 2) сублимированные оценки; 3) рационалистические оценки (Вольф).

Линейное время традиционно делится человеком на три основных этапа: на прошлое, настоящее и будущее. Человек воспринимает прошлое время как нечто пережитое: накопленный опыт, допущенные ошибки, жизненные победы и т.п. На будущее время человек возлагает ожидания, надежды, реализацию каких-либо планов. Специфика же времени настоящего, в котором человек, по сути, реально существует, заключается в том, что оно не осознается как историческое, человек его как будто не замечает, ср.: *они (члены семьи) теряются в перспективе бывшего, не бывшего и будущего* (Улицкая «Медея и ее дети»); *...надеялась на будущее...и только к настоящему относилась невнимательно. Настоящее – как поход в булочную за хлебом: дойти, купить хлеб и вернуться. А сама дорога – ни при чем* (Токарева «Лошади с крыльями»). В вышеприведенных контекстах оценка «незначительности» настоящего времени эксплицируется посредством стратегии замещения ожидаемого

элемента (*бывшего, не бывшего, будущего*) и стратегии сравнения с обыкновенным, привычным действием, не заслуживающим внимания (*как поход в булочную*). КС 1 *обыденность* – КС 2 *дорога* – КС 3 *движение*. Реализуется схема: *«Источник – Путь – Цель»*. «Каждый раз, когда мы передвигаемся куда-либо, существует место, откуда мы начинаем двигаться, где мы оказываемся в конце движения, последовательность смежных положений, соединяющих начальный и конечный пункты, и направление. <...> Чем дальше вы продвинулись по пути, тем больше времени прошло с того момента, как вы начали движение» [Лакофф 2004: 358]. Оценить собственное место в мире и свое окружение можно только ориентируясь на прожитые годы, на прожитое время. Именно эта возможность оценки позволяет как-то скорректировать свою дальнейшую жизнь, свое будущее. Исходя из этого человек в той или иной степени способен осознавать то, что он уже сделал, и то, что еще может сделать. В свою очередь настоящее время воспринимается в сопоставлении с прошлым и потенциальным будущим. Таким образом, представление о времени прямо соотносится с *оценкой*. Подобная специфика восприятия времени ярко проявляется в интерперсональных отношениях, поскольку человек – существо социальное, и его жизнь неразрывно связана с жизнями многих других людей, прежде всего с родными и друзьями.

Может быть, завтра, или через год, или через пять лет я буду вот так же сидеть над моей мамой и никак разумом своим не смогу понять, что это уже не она, что ее нет, навсегда нет <...> Неужто лишь такой страшной ценой способны мы понять, как дорог каждый уходящий день, пока матери еще с нами? (Халфина «Одиночество»).

В данном примере через потенциальное, конструируемое будущее (*завтра, через год, через пять лет, не смогу понять*) происходит оценка «неосознаваемого» настоящего (*страшной ценой понять, как дорог каждый уходящий день*). Маркером сенсорной оценки настоящего

является психофизическая категория (*страшной ценой*). КС 1 *ментальная неповторимость явления*, КС 2 *движение времени*.

С другой стороны, настоящее может мыслиться с позиции сопоставления с прошедшим временем.

*Все стало известно еще тринадцатого января. <...> То, что моя Подруга увела моего Мужа и я осталась без Мужа и без Подруги. Без дружбы, без любви и без семьи <...> Я понимала, что у меня **забрали прошлое**. Обрубили у моего дерева корни, а правильнее – ошпарили эти корни кипятком. У меня **опозоренное настоящее**. Мое настоящее выброшено на обозрение, как взорванная могила, когда на поверхность взлетает то, что должно быть сокрыто на три метра под землей. У меня **отобрали будущее** (Токарева «Звезда в тумане»).*

КС 1 *изъятие объекта*, КС 2 *изъятие прошлого периода жизни*, КС 3 *изъятие родных, друзей*, КС 4 *изъятие будущего*. В этой иллюстрации непосредственная зависимость будущего от прошлого выражена при помощи глагольных форм. При описании прошлого и будущего использованы однокоренные глаголы в форме прошедшего времени с семантикой физического воздействия на объект (*забрали прошлое, отобрали будущее*). Настоящее время репрезентируется при помощи составного именного сказуемого без связки (*настоящее выброшено на обозрение*) и только в одном случае употреблена глагольная лексема в форме настоящего времени (*взлетает*). Именной предикат передает негативный результат предыдущих действий, названных глагольным предикатом. В данном контексте сенсорная негативная оценка эксплицируется через описание физической агрессии.

Таким образом, настоящее время, являясь, по сути, действительной характеристикой реальной жизни человека, в сознании таковой не является. Восприятие линейного времени тесно связано с категорией *развития*, и поэтому для человека важна не столько процессуальность,

изменчивость как таковая, сколько результативность, законченность определенного жизненного этапа. И в восприятии будущего времени эта законченность тоже существует, но она потенциальна. Прошлое воспринимается в сознании говорящих как сакральная часть жизни человека (сравнение с могилой – ср. сакральность обряда погребения). Нарушение подобной интимности (*на поверхность взлетает то, что должно быть **сокрыто на три метра под землей***), лишение чего-то такого, на чем основывается настоящее (*обрубили, ошпарили **корни** дерева*) оценивается как гибель не только настоящего, но и будущего.

Следует обратить внимание на то, что прошлое служит основой, фундаментом для настоящего и будущего (*забрали прошлое → опозоренное настоящее → отобрали будущее*). Эта особенность часто проявляется в представлении о близких, в большей мере родственников, отношениях, репрезентирующихся посредством метафоры дерева/растения: *корни* дерева, семья представлена *ветвями*, родня – *привитая веточка*.

*Семья Синопли была **представлена** всеми своими **ветвями**...* (Улицкая «Медея и ее дети»).

*Нина и Тимур были приемными, так что вся тбилисская **родня была привитой веточкой*** (Улицкая «Медея и ее дети»).

Метафорический микросценарий реализуется при помощи следующих когнитивных структур: КС1 *дерево – его части*, КС 2 *семья – ее части*, КС 3 *время*. В этом развернутом метафорическом образе прошлое ассоциируется с *корнями* (*забрали **прошлое** – обрубили **корни***), это лишний раз подчеркивает, что в языковом сознании существует устойчивое представление о прошлом как о ценностно значимом компоненте, на основе которого строится настоящее и будущее. Все выше сказанное можно подтвердить образной схемой «*Центр – Периферия*». «Центр рассматривается как более важная часть, чем периферия, в двух

отношениях. Повреждения центральных частей являются более серьезными (то есть непоправимыми и часто угрожающими жизни), чем повреждение периферийных частей. Дерево, потерявшее листья, останется все тем же деревом» [Лакофф 2004: 357].

2.2.4. Макросценарий временных циклов в межличностных отношениях

Прошлое также имеет большое значение в восприятии циклического времени. Следует отметить, что в интерперсональных отношениях особую роль играет идея возможного возвращения к исходной точке, к некоему началу, истоку, что позволяет повторить определенный жизненный этап, но не допуская прошлых ошибок, возможность прожить жизнь заново, по-другому.

- ***Микросценарий возможного возвращения к истоку.***

Не навек расстаемся. Поживем с Шуркой одни, научимся своим умом жить и опять в одну семью соберемся (Халфина «Мачеха»).

Галина. Мы здесь заживем дружно, верно?

Зилов. Конечно.

Галина. Как в самом начале (Вампилов «Утиная охота»).

Маркером возвращения является глагольная лексема *заживем* (ср.: начать вести какую-нибудь жизнь [Ожегов: 177]). Идея возвращения к прошлому эксплицирована сравнительным оборотом *как в начале*. Важно отметить, что подобное возвращение к началу кажется героям возможным в новом доме, в новом внешнем пространстве. В отличие от линейного времени, где прошедшее время выступает в качестве основы, фундамента для настоящего и будущего, в циклическом – прошедшее ассоциируется с некой отправной точкой, которая в силу различных субъективных причин может оцениваться человеком положительно или отрицательно. Если прошлое имеет положительную оценку, то человек видит возможность возвращения к началу, изменяя, таким образом, настоящее и будущее.

Если же прошлое оценивается отрицательно, то точка отсчета для нового этапа жизни мыслится отдельно от прошлого. В этом случае реализуется **микросценарий поиска нового, иного источника:**

Человек как бы отсекает от себя прошлое вместе с атрибутами, относящимися к нему:

*Снежана вышла замуж за хорошего парня, зовут Олегом. Но самое интересное – Снежана не спрашивала: как Аля, как ее здоровье, на что они живут? Снежана **отрезала от себя прошлую жизнь вместе с Алей**, поскольку Аля – **тоже часть ее прошлой жизни** (Токарева «Своя правда»).*

В данном высказывании героиня, начав новый этап жизни, который оценивается положительно (*вышла замуж за хорошего парня*), отделяет от себя не только свое прошлое, но и все с ним связанное – в данном случае ребенка (*отрезала прошлую жизнь вместе с Алей*). Причем глагольная лексема *отрезать*, эксплицирующая смену циклов, обозначает действие сознательное, лишенное импульсивности (ср.: *оторвать*).

- **Микросценарий наложения циклов в отношениях:**

Специфика циклического восприятия времени в межличностных отношениях заключается в частой соотнесенности нового жизненного витка со старым, прошлым. Подобная соотнесенность нередко является персонифицированной, в качестве посредующего звена между старым и новым выступает человек.

- *Смысловая стратегия персонификации и ее разновидность – наследование:*

Следующая за ними пара – бабушка и внучка. <...> Старуха рассказала, что первая жена ее сына Валька родила эту девочку после развода <...> Бывшая невестка принесла ребенка бывшей свекрови (Токарева «Паша и Павлуша»).

Свекровь и невестка находятся на новом жизненном витке, на что указывает атрибут *бывший*, однако ребенок (внучка и дочь) является связующим звеном с прошлым.

Потом женщины расхотелись с одними мужьями, выходили за других. Новые мужья воспитывали старых детей, рожали новых, сводные дети ходили друг к другу в гости, а потом бывшие мужья приезжали сюда с новыми женами и новыми детьми, чтобы вместе со старшими провести отпуск (Улицкая «Медея и ее дети»).

В связи с вышесказанным интересно отметить, что для циклического восприятия времени наряду с идеей возвращения характерно представление о наследовании:

Это моя свекровь, мне в наследство досталась от мужа. Мой муж – ее сын. Он умер, она как с нами жила, так и живет по старой памяти (Петрушевская «Три девушки в голубом»).

Принадлежность свекрови к законченному, завершеному этапу эксплицируется идиомой *по старой памяти*.

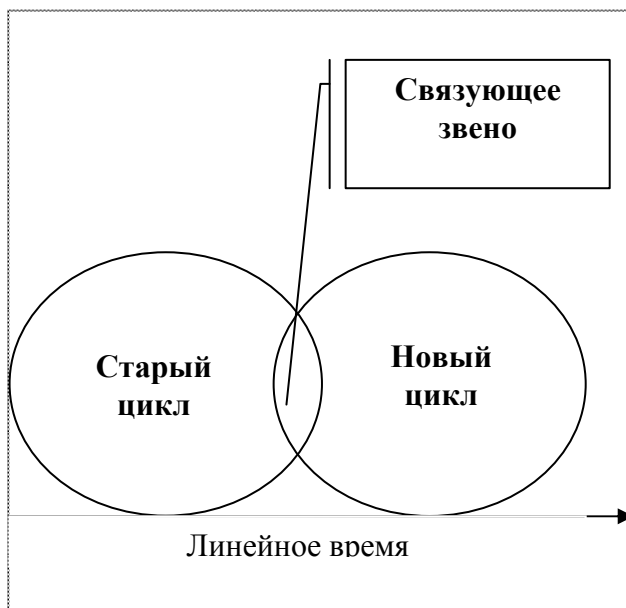
Медея прожила свою жизнь женой одного мужа и продолжала жить его вдовой (Улицкая «Медея и ее дети»).

В данном высказывании связующим звеном двух жизненных этапов является воспоминание о муже (*продолжала жить его вдовой*).

Подобное представление о наследовании присуще не только родственным отношениям, но и дружеским:

Мама звонит своей мудрой старшей подруге...мать студентки...прилетела к ней учиться уму-разуму, как к бывшей подруге еще своей, в свою очередь, матери... (Петрушевская «Мильгром»).

Схематически это можно представить следующим образом:

2.2.5. Оценка как регулятор развития межличностных отношений

Оценка определяет/регулирует сценарий развития межличностных отношений. Несомненно, что развитие подобных отношений воспринимается как естественное течение времени. В сознании существует устойчивое, стереотипное представление о последовательной смене жизненных этапов: например, после знакомства девушки и юноши следует этап супружества, который сменяется материнством/отцовством и т.д.

Они вместе учились в школе<...>. Они засыпали, обнимаясь, и вместе росли во сне <...> Они слились друг в друга. А потом в сыне (Токарева «Инфузория-туфелька»).

Интересно отметить, что именно подобное восприятие исторического времени связано с многоролевой сущностью родственных отношений человека (человек одновременно может иметь несколько родственных статусов: дочь/сын, отец/мать, муж/жена, брат/сестра и т.д.).

Таким образом, в том или ином социуме существует не просто стереотипное, а скорее даже нормативное представление о включении человека в те или иные родственные ипостаси (роли, статусы). Контексты, в которых встречается отклонение то «нормы», также могут служить подтверждением существования подобного стандарта.

– *В позднем браке есть свои преимущества: не хватит сил и времени на развод!*

Мама отговаривала ее (бабушку) от "неверного шага".

– *Это противозестественно!* – восклицала она. – *Природой для всего установлены свои сроки* (Алексин «Раздел имущества»).

Поздний брак пожилой женщины воспринимается как нарушение естественного хода вещей, как отклонение от естественного природного онтогенеза (*природой для всего установлены свои сроки*). Отрицательная рационалистическая нормативная оценка репрезентируется лексическим темпоральным маркером *поздний* и лексемой *противозестественно* (ср.: противоречащий естественному, обычному [Ожегов: 541]).

Вышесказанное может быть проиллюстрировано и следующим высказыванием:

Свекровь, женив сына, решила, что выполнила свой материнский долг, и, вместо того чтобы нормально перейти в статус бабушки, взяла да и вышла замуж, перешла в статус молодухи (Токарева «Длинный день»).

В данном случае нелогичное (ненормативное) следование жизненных этапов также имеет негативную оценку. Отклонение от стандарта эксплицировано использованием предлога с замещающим значением (*вместо того чтобы*), разговорно-просторечной формы осложненного глагольного сказуемого (*взяла да и вышла*), усиливающей значение неожиданности, произвольности действия, употреблением

просторечного существительного *молодуха* со значением ‘молодая замужняя женщина’.

В связи с этим несомненным кажется и то, что каждый жизненный этап ограничен временными рамками, выход за которые тоже является нарушением стандарта. Таким образом, важным критерием *оценки* является **возраст** (Литвиненко 2006). Представление о возрасте обязательно включает нормативный аспект, поскольку в высказываниях со смысловым компонентом «возраст» обычно соотносятся характеристики некоего объекта с закрепленными в русской ментальности нормативными представлениями о способностях, функциях, присущих человеку на определенной жизненной стадии, что и позволяет высказывать оценочное суждение. Именно этим представлением могут быть объяснены следующие контексты:

Ее выдали замуж поздно и по сватовству (Токарева «Телохранитель»).

Я – поздний ребенок. Мои родители сразу хотели иметь мальчишку, а заимели Людмилу... Это моя сестра. Все втроем, вместе с Людмилой, они мечтали, чтоб я родился. И вот через шестнадцать лет мечта их сбылась! Поздновато, конечно (Алексин «Поздний ребенок»).

Маша была ранней внучкой, а Ника – поздней дочерью сестры Александры (Улицкая «Медея и ее дети»).

...В возрасте, в котором они были, уже поздно было находить себе новых подруг... (Петрушевская «Цикл»).

Во всех иллюстрациях нарушение течения жизненных этапов эксплицируется при помощи лексем с общей семой ‘несвоевременности’ (*поздно, поздновато, поздний, ранний* и т.п.).

Некоторые его приятели уже успели жениться. Представляете? Поторопились! (Алексин «Мой брат играет на кларнете»).

В данном примере отклонение от общепринятого стандарта выражено глагольной лексемой *поторопились*.

Тебе, Валентина Федоровна, замуж пора (Вампилов «Прошлым летом в Чулимске»).

Ограниченность каждого жизненного этапа определенным временем в этой иллюстрации эксплицируется лексемой *пора* в функции предиката (ср.: настал срок для чего-нибудь [Ожегов: 487]).

Таким образом, *возраст*, выступая в качестве объекта *оценки* межличностных отношений, соотносится в сознании носителей языка со следующими поведенческими семантическими моделями:

1. X достиг определенного возраста, чтобы Y (стать мужем/женой, стать отцом/матерью, стать дедушкой/бабушкой и т.п.). Основным лексическим экспликатором данной модели является маркер *пора* (ср. *пора замуж, пора рожать* и т.п.).

2. X не достиг определенного возраста, чтобы Y (стать мужем/женой, стать отцом/матерью, стать дедушкой/бабушкой и т.п.). В данной модели маркером являются лексемы *рано, ранний* (ср. *ранний брак, рано родила, рано стала бабушкой* и т.п.).

3. X уже вышел из определенного возраста, чтобы Y (стать мужем/женой, стать отцом/матерью, стать дедушкой/бабушкой, становиться другом и т.п.). В этой модели в качестве лексических маркеров выступают слова *поздно, поздний* (ср.: *поздний брак, поздно вышла замуж, поздний ребенок, поздно заводить друзей*).

Вторая и третья модель соотносятся в сознании в большей степени с отрицательной нормативной *оценкой*, воспринимаются как отклонение от стандартного, стереотипного поведения. В свою очередь, первая модель, в отличие от второй и третьей, является нормативной.

Следует отметить, что определение нормы, стандарта, и не нормы, аномалии, в данном случае всегда будет зависеть от множества

субъективных факторов (личностного восприятия, национальной, религиозной принадлежности и т.п.). Поэтому в этой ситуации говорить о каком-либо стандарте можно только условно, с учетом обозначенных факторов, но тем не менее это не отрицает его существования.

Обращает на себя внимание и тот факт, что смена этапов в межличностных отношениях, которая может происходить по-разному, также непосредственно связана с категорией *оценки*. С одной стороны, возможно плавное, гармоничное изменение. Здесь можно привести уже упомянутый выше пример:

Они вместе учились в школе<...>. Они засыпали, обнимаясь, и вместе росли во сне <...> Они слились друг в друга. А потом в сыне (Токарева «Инфузория-туфелька»).

Использование глаголов несовершенного вида (*учились, засыпали, росли*) подчеркивает гармоничную постепенность жизненных периодов.

Интересно отметить, что сближение во времени, имеющее положительную *оценку*, может быть связано со сближением во внутреннем пространстве людей:

*Близость их была столь редкой и полной, выявлялась она и в общности вкусов, и в строе речи, и в тональности юмора. С годами у них даже мимика сделалась похожей, и они обещали к старости стать супругами-попугайчиками <...> Для особого их родства Маша нашла особое немецкое слово ...*Geschwister*... оно обозначало «брат и сестра», но в немецкой соединенности таилась какой-то дополнительный смысл* (Улицкая «Медея и ее дети»).

В данном высказывании постепенное сближение, переходящее в *особое родство* между мужем и женой, в своеобразное уподобление, эксплицируется при помощи смысла *глубина* (см. предыдущий параграф), выраженного в полной близости, полном внутреннем взаимопроникновении. Подобная близость возникает в течение

длительных отношений (*с годами, к старости*). Интересно отметить, что супруга не может подобрать адекватное наименование подобным близким отношениям в родном языке и использует инкорпорирующие возможности немецкого языка (*не совсем брат и сестра - Geschwister*), для того чтобы отразить идею особого родства, плавного слияния, полного гармоничного взаимопроникновения.

С другой стороны, межличностные отношения часто претерпевают резкие, неожиданные изменения.

Он любил ее долго, лет пятнадцать, а разлюбил в один день. Во вторник еще любил, в среду проснулся свободным от нее. Может, это произошло не в один день. Был длительный период накопления, а щелчок произошел внезапно (Токарева «Длинный день»).

Внезапность произошедшего подчеркивается развернутой антитезой (*любил – разлюбил, во вторник еще любил – в среду проснулся свободным, длительный период – щелчок*). Темпоральные маркеры (*долго – в один день, вторник – среда, период – внезапно*) также служат средством воплощения этого контекстуального противопоставления. Как правило, неожиданным изменениям в межличностных отношениях предшествует скрытый, имплицитный период накопления. В данном примере эта особенность эксплицируется довольно четко. Подобная внезапность, неожиданность развития отношений связана, как правило, с отрицательной оценкой.

2.2.6. Макросценарий линейного исторического времени, опирающийся на оппозицию «стабильность – динамика»

В свете вышесказанного следует отметить, что линейное, историческое время применительно к межличностным отношениям соотносится в сознании носителей языка с антиномией «стабильность – динамика». С одной стороны, человек воспринимает длительные отношения с близкими людьми как фактор постоянства, стабильности в

изменяющемся окружающем мире. С другой – он (человек) осознает динамичность, развитие, смену определенных стадий в межличностных отношениях.

- ***Микросценарий длительных, стабильных отношений***

«Стабильное» линейное время может выступать своеобразным определителем, мерилom прочности родственных, дружеских отношений. Подтверждением этому служат следующие иллюстрации:

Это был единственный человек, который звонил просто так. Они дружили еще со школы, в общей сложности – страшно сказать – сорок лет (Токарева «Длинный день»).

В данном примере положительная оценка эксплицируется следующим набором смыслов, связанных с понятием друг: давняя связь (дружили еще со школы), бескорыстный (единственный человек – звонил просто так).

- ***Микросценарий диффузии длительных отношений:***

С Карцевым он жил так давно, что Светлана не помнила, когда в доме появился Иван Иванович-старший, который теперь считался членом семьи, то есть говорил незнакомым, что он старший брат Карцева, а Карцев тоже представлял остяка как брата (Липатов «Игорь Саввович»).

В этом высказывании длительность отношений между людьми позволяет даже перевести их из дружеских в родственные, так как они прошли «проверку временем» (жил так давно; не помнила, когда появился). Эта продолжительность отношений позволяет в настоящее время считать героя родным человеком (теперь считался членом семьи, старший брат, представлял как брата).

Это происходило у нас в квартире, поскольку за годы моей болезни все светила стали, как говорится, друзьями дома <...> Как раз в ту самую пору папе почему-то пришла в голову запоздалая мысль устроить

ужин для всех светил, которые в течение многих лет были друзьями нашего дома (Алексин «Раздел имущества»).

Длительные отношения позволяют чужим людям перейти в статус друзей (*стали друзьями дома*). Сближение, кроме длительности отношений, также связано с пространственным восприятием: общим внешним пространством (*у нас в квартире, друзья нашего дома*), внутреннее пространство в данном случае персонифицировано (*за годы моей болезни*).

Важно отметить, что стабильные длительные отношения, как правило, связаны в сознании с положительной оценкой, даже когда между людьми, на первый взгляд, нет близких отношений:

Мать не любила зятя, но зять был свой, часть жизни, как хроническая болезнь (Токарева «Пять фигур на постаменте»).

Негативная оценка отношений тещи и зятя выражена при помощи глагола с отрицанием (*не любила*), стабильность данных отношений эксплицирована метафорически – сравнением с хронической болезнью (ср.: *болезнь, длящаяся много времени, постоянная* [Ожегов: 755]). Но в данном случае нельзя говорить об однозначно отрицательной оценке: с одной стороны – *не любила*, с другой – *часть жизни, свой* (родной или связанный близкими отношениями [Ожегов: 612]).

– *Да, ты меня ненавидишь, – согласился один. – Но ты все равно меня любишь. Мы прожили с тобой двенадцать лет, от молодости до зрелости. У нас с тобой общий ребенок, общее имущество и общая испорченная жизнь. Мы с тобой глубокие родственники, а родственников не бросают и не меняют* (Токарева «Глубокие родственники»).

В данном примере стабильность отношений связана с тем, что за время совместного длительного проживания у людей появилось

множество объединяющих факторов (*общий ребенок, общее имущество и общая испорченная жизнь*). Интересно отметить, что в этой иллюстрации отношения между людьми представляют собой нечто большее, чем просто отношения между мужем и женой. Это отношения, достигшие той степени внутренней близости, которая граничит с нерасторжимостью (*родственников не бросают и не меняют*). Такой характер отношений эксплицируется при помощи смысла *глубина* (*глубокие родственники*), выражающего предельно близкую внутреннюю связь.

Татьяна посмотрела на мужа: он, конечно, козел. Но это ЕЕ козел. Она так много в него вложила <...> они продолжают вместе кружить по жизни, как по ледяному полю. У них общее поле (Токарева «Перелом»).

Таким образом, любые длительные отношения, как правило, оцениваются в сознании носителей языка скорее положительно, нежели отрицательно. Положительная (точнее не отрицательная) оценка репрезентируется следующим смысловым набором: *свой, часть жизни, общая жизнь, общее поле, глубокие родственники*. Схематически это можно отразить в следующей модели:

X негативно оценивает (не любит, ненавидит, козел) Y, но существует общий фактор Z (*общая жизнь/часть жизни*), который позволяет Y получить иную (скорее положительную) оценку.

Как правило, основными оценочными определителями отношений во времени выступают атрибуты *старый, бывший, предыдущий, новый*. Данные темпоральные атрибуты являются маркерами жизненных этапов человека в межличностных отношениях. Каждый из них имеет определенные семантические и коннотативные ограничения. Так, прилагательное *бывший* не вступает в синтагматические отношения с лексемами, обозначающими кровных родственников, а сочетается только с лексемами, обозначающими друзей и юридических родственников, (ср.:

контексты типа *бывшая дочь, бывшая мать* возможны только в качестве особого стилистического приема):

...*Мои бывшие подруги* вдруг *рассосались, ушли в семьи...* (Петрушевская «Время ночь»).

Бывшая невестка *принесла ребенка бывшей свекрови* (Токарева «Паша и Павлуша»).

Адъектив *старый* может выступать в качестве синонима лексемы *бывший* (*старый муж, старая жена*), в аналогичном значении может употребляться и прилагательное *предыдущий* (...*стихи, написанные предыдущему товарищу жизни...* (Петрушевская «Али-Баба»)), однако семантика прилагательного *старый* более широкая. Например, данная лексема может являться маркером, указывающим на прошедший в жизни период:

Потом женщины расходились с одними мужьями, выходили за других. Новые мужья воспитывали старых детей, рожали новых, сводные дети ходили друг к другу в гости, а потом бывшие мужья приезжали сюда с новыми женами и новыми детьми, чтобы вместе со старшими провести отпуск (Улицкая «Медея и ее дети»).

В данном контексте *старый* не равен *бывшему*. Эта лексема, наряду с лексемой *новый*, служит разграничителем этапов жизни. *Старые дети* являются принадлежностью завершенного этапа, но в то же время и составной частью этапа нового (*новые мужья воспитывали старых детей, рожали новых*).

Применительно к сфере дружеских отношений атрибутив *старый* обладает иной семантической наполненностью. Он является особым оценочным определителем, причем в данном случае оценка однозначно положительная: подобные «старые» отношения воспринимаются не только как длительные, но и как проверенные и надежные (Ср.: *Старый друг*

лучше новых двух). Относительно дружеских отношений атрибутив *бывший* выражает отрицательную оценку:

Говорят, что самые опасные враги – это бывшие друзья...
(Алексин «Безумная Евдокия»).

В свою очередь, темпоральный определитель *новый* существенно отличается от всех рассмотренных ранее прежде всего своей семантической неограниченностью и нейтральной оценочностью. С одной стороны, он выступает разграничителем жизненных этапов:

...не все родственники, знакомые ее нового мужа ее признали...
(Петрушевская «Поэзия в жизни»).

Да, у новой жены отца характер был совсем другой, чем у мамы. И другой характер стал у всего их дома (Алексин «Коля пишет Оле, Оля пишет Коле»).

Нередко даже малознакомые люди доброжелательно спрашивали его о новой дочке (Халфина «Мачеха»).

...он и так зверенышем смотрел на новую сестру (Петрушевская «Время ночь»).

С другой стороны, нейтральная оценочность проявляется в том, что, как правило, нечто новое, в отличие от чего-либо старого, уже известного, нам изначально незнакомо и, соответственно, судить о нем мы можем, скорее, нейтрально. Старое, в свою очередь, может иметь как положительную, так и отрицательную оценку.

Особое место среди рассмотренных темпоральных определителей занимает атрибутив *настоящий*. Этимологически эта лексема является временной характеристикой, однако применительно к родственно-дружеским отношениям семантизирует значение некоего образца, идеала, эксплицируется оценка с интенсификацией (*настоящий друг, настоящий отец, ср.: настоящий – действительно такой, какой должен быть, представляющий собой лучший образец, идеал чего-нибудь* [Ожегов: 336]).

Главное – Лиля ... Настоящая Подруга (Токарева «Звезда в тумане»).

Ну, спасибо тебе, старичок, за все спасибо. Настоящий ты оказался друг... (Вампилов «Старший сын»).

В последнем фрагменте при помощи инверсии эксплицирована отрицательная оценка – несоответствие идеалу образу, *ненастоящий*.

+	0	-
настоящий старый (друг)	новый (друг, муж, жена)	старый (муж, жена)

Обобщая все вышесказанное, следует отметить, что время является фактором, позволяющим оценить прожитое, прошлый жизненный этап применительно к интерперсональным отношениям. И здесь главную роль играет прошедшее время, выступающее в качестве основы межличностных отношений, а также определенной отправной точки, исходя из которой человек оценивает свое настоящее и потенциальное будущее. Представления об этапах развития, динамике межличностных отношений в языке формируются под воздействием контаминации линейного и циклического времени, причем циклическое время как бы растворяется в линейном (см. схему 3).

2.3. Особенности проявления когнитивно-семантического потенциала в политическом дискурсе

2.3.1. Функциональные особенности политических текстов

Политическая лингвистика тесно связана с другими лингвистическими направлениями – с социолингвистикой, занимающейся проблемами взаимодействия языка и общества, с функциональной стилистикой и особенно с исследованиями публицистического стиля, с классической и современной риторикой, с когнитивной лингвистикой и лингвистикой текста. Для политической лингвистики в полной мере

характерны черты, которые выделены Е. С. Кубряковой (1995) в качестве основных для современного языкознания: антропоцентризм (человек, языковая личность становится точкой отсчета для исследования языковых явлений), экспансионизм (тенденция к расширению области лингвистических изысканий), функционализм (изучение языка в действии, в дискурсе, при реализации им своих функций) и экспланаторность (стремление не просто описать факты, но и дать им объяснение).

Предмет исследования политической лингвистики – политическая коммуникация, то есть речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе.

В политическом дискурсе обнаруживается «преобладание воздействия и оценки над информированием, эмоционального над рациональным» [Шейгал 2000: 46].

Соответственно, **политическая речь** может быть определена как использование общенародного языка в процессе создания политического текста. Специфика политической речи заключается в особенности ее содержания и проблематики (распределение власти), функциями (эмоциональное воздействие на адресата, склонение адресата к тем или иным действиям), использованием характерных для этого вида деятельности коммуникативных стратегий и тактик.

Необходимо подчеркнуть, что в политической речевой деятельности очень важно учитывать участие не только адресанта, но и адресата. В данном случае речь идет не просто об интерпретации текста, а об однозначной, правильной, ожидаемой интерпретации.

Наиболее яркие примеры политических текстов – это предвыборная агитация, парламентские дебаты, политическая коммуникация, осуществляемая журналистами и при посредстве журналистов, рассчитанные на массовую аудиторию (интервью, аналитическая статья в газете, написанная журналистом, политологом или политиком).

В политической коммуникации стратегия ориентирована на изменение политических взглядов адресата, на преобразование его отношения к тем или иным теориям, событиям, людям (Амиров 2002; Ван Дейк 1989; Иссерс 1999; Караулов, Петров 1989; Чудинов 2001, 2003; Миронова 2003 и др.).

Стратегию выбирают в зависимости от поставленной цели и существующей ситуации. Например, цель предвыборной кампании для любого кандидата – добиться поддержки избирателей. Обычно для этого используется либо стратегия восхваления деловых и моральных качеств "своего" кандидата, преимуществ его идеологии, либо стратегия дискредитации в глазах избирателей других кандидатов и выдвинувших их партий. Стратегический план может быть ориентирован на преимущественно рациональное воздействие, на обращение к чувствам избирателей или на гармоничное сочетание рациональных и эмоциональных аргументов.

2.3.2. Когнитивно-семантический потенциал вербальных знаков в текстах предвыборной агитации

Традиционные наименования *родства и дружбы* как в прямом смысле, так и в метафорическом переосмыслении в политическом дискурсе широко использовались раньше и не менее популярны в настоящее время. Прежде всего *государство – это семья*. И отношения между гражданами этой страны и её лидером, между регионами и другими субъектами политической деятельности воспринимаются как отношения в семье (...*народы братских социалистических стран, все кто боролся и*

борется за мир; ...свято беречь традиции дружбы и братства между нашими странами...).

Метафора родства широко использовалась в политической речи Российской империи (*царь – батюшка, императрица – матушка, Россия – мать, славяне – братья, православные народы – тоже братья*).

С подачи средств массовой информации (*ельцинская семья*) лексема *семья* получает отрицательную коннотацию и ассоциируется в сознании говорящих с политическими махинациями, с экономическим воровством, с коррупцией.

...сам глава современного российского монархо-олигархического семейства Ельцин, его ставленник и бывший руководитель аппарата Президента РФ Волошин, черный кардинал семейства – «друг» чеченского народа...

Интересно отметить, что использование терминов родства и дружбы в политическом дискурсе практически всегда сопровождается оценкой, в данном случае оценка составляет цель самого высказывания. Стереотипные представления о человеке как родственнике и друге в текстах, например предвыборной агитации, используются в качестве одного из инструментов предвыборных технологий. Очень часто портретный образ политика, основные черты его личности конструируются через его родственные и дружеские отношения. В конечном итоге – это одна из важнейших составляющих имиджа кандидата.

Нужно отметить, что при помощи воздействия на установки и стереотипы, осуществляется определенная коррекция ценностей у объекта речевого воздействия. Наиболее распространенными в политической пропаганде являются манипуляции с базовыми оценочными категориями: «добро–зло», «польза–вред» и др. Как нам представляется, подобными

оценочными оппозициями можно считать дихотомию «норма – не норма», «стандарт – не стандарт».

В текстах политического дискурса актуализируются когнитивные структуры, представленные конвенциональными когнитивными признаками или однозначно интерпретируемыми фоновыми знаниями.

Женат, жена Анжелика Дмитриевна – консультант Омского областного суда, сын Сергей – майор милиции. Отец Николай Александрович участник Великой отечественной войны, награжден Орденом Боевого Красного Знамени и многими медалями. После победы работал в родном селе трактористом. Мама Антонина Владимировна – рабочая совхоза.

В данном примере выстраивается образ идеальной семьи, который определяется уже сложившимися в сознании носителя языка установками и стереотипами. Например, благополучная семья, где муж и жена работают в одной области, дети являются продолжателями дела родителей, рабоче-крестьянское происхождение и т.п. Положительная оценка эксплицируется как при помощи «позитивной» лексики, так и при помощи слов-символов. Все это имеет целью подчеркнуть позитивные или негативные (в обратном случае) стороны кандидата, эмоционально окрасить те или иные представления, сделать основным фактором мотивации избирателей их бессознательные реакции на созданные текстом образы.

И откуда в нем столько злости, жадности, жестокости? Скорее всего с детства. У него деда-бандеровца расстреляли, а бабушку сослали в Сибирь. Мать его рассказывала <...> что у них все в родне были патологически ревнивые и жадные. Бабушка на этой почве и свихнулась, а мать потом спилась... Да у него и друзей-то никогда не было! ...Плохо было, что детей без отца оставляю. Хотя, какой он отец?

В языковом сознании, безусловно, существует стереотип «наследования» (ср.: человек из хорошей семьи, плохая наследственность

и т.д. см. также §2). Данный контекст формирует отрицательное отношение к политику при помощи использования данного стереотипа, причем обращает на себя внимание его абсолютизация (*деда-бандеровца расстреляли, все патологически ревнивые и жадные, бабка свихнулась, мать спилась*). Еще один момент, характеризующий кандидата с отрицательной стороны, – отсутствие друзей (*и друзей-то никогда не было*). «Русскому языковому сознанию присуща своеобразная человеко-другоцентричность. Русский нуждается в другом, в человеке-друге и готов воспринимать этого другого как хорошего, близкого себе» [Уфимцева 2003]. И отсюда следует, что «не иметь друзей – значит быть лишенным чего-то жизненно необходимого для полноценного развития человека» [Вежбицкая 1999: 236]. Подобный прием используется и в следующем высказывании:

Поэтому своему другу Маевскому Кравец завидовал белой (простите, конечно же, красной) завистью... Но, несмотря на эту красную зависть, были Александр Алексеевич и Леонид Станиславович еще недавно друзьями, да такими, что ни водой, ни водкой, ни даже красным французским вином не разольешь... И решил Леонид Станиславович с Александром Алексеевичем деньгами поделиться. Так поступают настоящие друзья. Не зря говорят в народе: не имей сто друзей, а имей одного со ста тысячами баксов... и все бы хорошо, но пошла меж неразлучными друзьями трещина.

Языковая игра с паремией (*завидовал красной завистью, ни водой, ни водкой, ни вином не разольешь, не имей сто рублей, а имей одного со ста тысячами баксов*) выступает в качестве средства негативной оценки кандидата как друга, и, как следствие, ставит под сомнения его общечеловеческие качества.

Как видно из приведенных примеров, термины родства и дружбы могут служить также средством подрыва авторитета политика.

Таким образом, при использовании стереотипов, связанных с представлениями о родстве и дружбе, на первый план выходит прагматический аспект употребления слов, входящих в эти группы. Если политик характеризуется с положительной стороны, то его образ как бы встраивается в идеал. При негативной оценке политика происходит своеобразное «отстраивание». Тот же стереотип, только с противоположным знаком. «Плохая наследственность» (*деда-бандеровца расстреляли, бабка с ума сошла, мать спилась*), непонимание в семье (*...проснулся, как говорила его бабка, «гонор пановий» – он начинал издеваться над всеми* и т.п.).

Важно отметить, что модель, по которой выстраивается образ политика в политическом дискурсе, типизированная, стандартизованная, разница, по сути, наблюдается только в оценке, в знаке, которым определяется портретный образ того или иного политика (положительный/отрицательный). Как уже говорилось, в языковом сознании говорящего существует довольно устойчивый стереотип представления о родстве и дружбе, благодаря чему это часто становится предметом манипуляций в предвыборных кампаниях. За счет актуализации таких социальных стереотипов образ кандидата может быть приближен к потенциальному электорату либо отдален от него.

Например, своеобразный человек из народа, такой же, как все, свой:

*Я обращаюсь к тебе как **твой дед**, ведь у меня уже растут внуки. Обращаюсь к тебе как **муж**, у меня есть жена, русская Женщина. Обращаюсь к тебе как **сын**, моя мать - простая русская женщина, да будет земля ей пухом. Обращаюсь к тебе как **дядя**, у которого много племянников. Обращаюсь к тебе как **брат**, у которого есть братья, старшие меня и младше.*

В данном примере кандидат предстает как человек, полноценно вписанный в систему родственных отношений (он – дед, отец, муж, сын,

дядя, брат и т.д.). Подобная «полноценность» не только характеризует образ политика с положительной стороны (сохранение родственных отношений, поддержание семейных традиций), но и дает возможность обращаться к максимально широкому кругу потенциальных избирателей.

С другой стороны, по той же самой схеме происходит «отстройка» образа политика от «нормального» представления о родственных и дружеских отношениях. Здесь можно привести вышеупомянутый пример:

У него деда-бандеровца расстреляли, а бабушку сослали в Сибирь. Бабушка на этой почве и свихнулась, а мать потом спилась... Да у него и друзей-то никогда не было! ...Плохо было, что детей без отца оставляю. Хотя, какой он отец?

Интересно отметить, что «отстраивание» кандидата от положительной модели происходит точно так же, как и «встраивание» в нее: он тоже внук, сын, отец, муж и т.д. Но «неполноценность» кандидата переходит «по наследству» от «неполноценных» родственников (*дед-бандеровец, бабушка свихнулась, мать спилась*). Неполноценность старшего поколения семьи, родственников как бы накладывает отпечаток, навешивает своеобразный ярлык на образ кандидата (*...детей без отца оставляю. Хотя, какой он отец?*).

Безусловно, в сознании (в том числе языковом) каждого человека существует модель идеальной семьи. Эти модели имеют определенные индивидуальные отличия, но в целом они достаточно схожи, что позволяет говорить об их стереотипизации. Родство и дружба, как главные ценностные системы межличностных отношений, определяют социальный облик человека, его человеческие качества. С этой точки зрения человек оценивается окружающими как элемент либо стереотипной системы, со знаком плюс, либо антистереотипной, со знаком минус.

В данном случае возникает прототипический эффект, который может быть отнесен к «классической категории»: если А имеет все признаки

пучка свойств, характеризующего классическую категорию **В**, то **А** является лучшим примером **В** [Лакофф 2004: 375]. Если **В** – идеал, образец, обладающий определенным набором признаков и качеств, то **А** – политик, в нашем случае, имеющий все эти признаки, качества и т. д., сам является лучшим образцом, идеалом. Данная схема относительно политического дискурса является полярной: если **В** не идеал, не образец имеет определенные качества, и **А** обладает всеми этими качествами, то **А** является антиидеалом, антиобразцом. В данном дискурсе не может использоваться градуальность шкалы оценки. **А** не может обладать только частью качеств или признаков, потому что в этом случае однозначная интерпретация становится невозможной.

В силу этого когнитивно-семантический потенциал традиционных номинативных знаков, связанных с родством и дружбой, в политическом дискурсе реализует ядерные, конвенциональные смыслы, что обусловлено целями данных текстов. Важно отметить, что представления о родстве и дружбе клишированы, лишены каких-либо индивидуальных черт и используются в качестве одного из основных инструментов создания портретного образа политика, причем как положительного, так и отрицательного.

Выводы

Процесс восприятия и познания мира заключается в упорядочении неразрывно связанных между собой пространственной и временной когнитивных структур, порождаемых чувственным опытом.

Пространство выступает одним из основных представлений реальности, с которым сталкивается человек, когда начинает осознавать себя и познавать окружающий мир. Оно предметно и антропоцентрично. Человек выступает точкой отсчёта, центром от которого формируется пространственная модель мира. Когнитивные структуры, репрезентирующие межличностные отношения, непосредственно связаны с категорией пространства.

В рассматриваемых когнитивных структурах пространство представлено в двух ипостасях: внешней и внутренней. Применительно к межличностным отношениям (родственным и дружеским) ощущение внешнего и внутреннего пространства ассимилируется в сознании говорящего, причем ощущение внутреннего пространства, внутренней близости является доминирующим.

Речевое развертывание ментальных репрезентаций сферы межличностных отношений формируется когнитивной категорией *близость*. В сознании (в том числе языковом) реализация данных ментальных репрезентаций происходит по определенным макросценариям, включающим, в свою очередь, микросценарии и смысловые стратегии.

Время, в отличие от пространства, нематериально и в силу этого не доступно ни одному из пяти чувств. Человек осознает течение времени опосредованно – через восприятие изменений, происходящих в пространстве, в том числе и в межличностных отношениях.

Линейное время воспринимается как движение вперед, как смена жизненных этапов, связанных с прошлым, настоящим и будущим.

Сценарий развития межличностных отношений во времени регулируется *оценкой*.

Важным критерием оценки межличностных отношений является возраст. Представление о возрасте обязательно включает нормативный аспект, поскольку в высказываниях со смысловым компонентом «возраст» обычно соотносятся характеристики некоего объекта с закрепленными в русской ментальности нормативными представлениями.

Возраст, выступая в качестве объекта оценки межличностных отношений, соотносится в сознании со следующими поведенческими семантическими моделями:

1. X достиг определенного возраста, чтобы Y. Основным лексическим экспликатором данной модели является маркер *пора*.

2. X не достиг определенного возраста, чтобы Y. В данной модели маркером являются лексемы *рано, ранний* (ср. ранний брак, рано родила, рано стала бабушкой и т.п.).

3. X уже вышел из определенного возраста, чтобы Y. В качестве лексических маркеров выступают слова *поздно, поздний* (ср.: поздний брак, поздно вышла замуж, поздний ребенок, поздно заводить друзей).

Линейное, историческое время применительно к межличностным отношениям соотносится в сознании носителей языка с антиномией «стабильность – динамика».

В художественном дискурсе реализуются как конвенциональные, так и личностные смыслы.

Оценка межличностных отношений в темпоральном аспекте эксплицирована развертыванием в речи когнитивных макро- и микросценариев, прототипических схем.

В политической речевой деятельности очень важно учитывать участие не столько адресанта, сколько адресата. В данном случае речь идет не просто об интерпретации текста, а об однозначной, правильной,

ожидаемой интерпретации. В силу этого когнитивно-семантический потенциал номинативных знаков, связанных с родством и дружбой, в политическом дискурсе реализует ядерные, конвенциальные смыслы, что обусловлено целями данных текстов.

Глава III. Когнитивно-семантический потенциал номинативных знаков родства и дружбы в языковом сознании носителя русского языка

3.1. Экспериментальные методы в лингвистике как инструмент изучения языкового сознания

Решение многих актуальных проблем когнитивной лингвистики предполагает обращение к такому материалу, как данные, полученные в результате ассоциативных экспериментов. Экспериментальные методы в лингвистике позволяют изучать факты языка в условиях, управляемых и контролируемых исследователем. Моделируя ситуации, исследователь может изучать гораздо более тонкие речевые механизмы, чем при анализе готовых текстов. Кроме того, экспериментатор получает более или менее однородный материал в большом количестве и быстрее, чем при традиционном наблюдении за языком [Сахарный 1989: 88].

Можно говорить о двух способах «реконструкции лексикона человека»: об ассоциативном эксперименте и об анализе лексики текстов, созданных личностью, ее дискурса [Караулов 1987: 107]. И тот, и другой способ позволяет исследователю вскрыть почти одни и те же лексико-семантические связи, обнаружить одни и те же лексические объединения, существующие в сознании человека.

В естественном речевом общении текст рассчитан на коммуникацию. Он создается не ради самого себя, а в каких-либо целях общения. Такой текст выполняет регулятивную и прагматическую функции. Ассоциативный эксперимент по самой своей сути есть эксперимент лабораторного типа [Залевская 1983: 73–74], это такой анализ, который требует в дальнейшем всесторонней проверки в исследованиях реальных текстов. По мнению А.А. Леонтьева, именно ассоциативный эксперимент «позволяет вскрыть «культурную» специфику словарных единиц, вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения

семантические связи, которые имеет данное слово, его семантические «обертоны»...»[Словарь....., 1977: 14-15].

Ассоциация – это связь между некими объектами или явлениями, основанная на нашем личном опыте. Но, являясь субъективным, этот опыт будет совпадать в некоторой мере с опытом культуры, к которой мы принадлежим. Хотя ассоциативный эксперимент разрабатывался и проводился первоначально в психиатрических целях, сегодня его главной целью может быть выявление принципов организации внутреннего лексикона, т.е. того, как устроен словарь в голове человека, как слова «на самом деле» связаны между собой. Ассоциативный эксперимент позволяет выяснить, каким образом устроены фрагменты языкового сознания у носителей языка.

Таким образом, не отрицая того, что в эксперименте, в том числе и ассоциативном, в первую очередь исследуется индивидуальная речевая система, можно утверждать, что через нее мы исследуем и систему языковую.

История применения ассоциативного эксперимента в отечественном языкознании насчитывает не одно десятилетие. Вопрос о необходимости эксперимента для лингвистики впервые поставил в 1938 г. Л.В. Щерба в статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании».

Ассоциативный эксперимент является наиболее разработанной техникой психолингвистического анализа семантики. Рассмотрение психологической природы процессов, лежащих в основе ассоциаций, представлено в работах А.А.Леонтьева. История развития свободных ассоциаций представлена в монографии Е.И.Горошко (Горошко, 2001).

Ассоциативный эксперимент — это прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте. Существует несколько разновидностей ассоциативного

эксперимента [Словарь... 1977: 5-6]: свободный, направленный (контролируемый) и цепочечный. В классическом варианте свободного ассоциативного эксперимента от испытуемого требуется в ответ на предъявляемое слово (стимул) как можно быстрее проговорить первые пришедшие на ум слова (реакции). В психолингвистической традиции в основном используется письменная форма фиксации ответов испытуемых. Слова-стимулы даются на специальных карточках (в анкетах) или предъявляются на слух. Испытуемому предлагается реагировать на слово-стимул первым «пришедшим в голову» словом, ничем не ограничивая ни формальные, ни семантические особенности этого слова-реакции.

В направленном ассоциативном эксперименте экспериментатор накладывает те или иные ограничения на выбор слова-реакции, например давать ассоциации определенного грамматического или семантического класса (отвечать только прилагательными; синонимами; антонимами и т.д.) Направленный ассоциативный эксперимент в терминологии А.А.Леонтьева – контролируемый, что, безусловно, соответствует характеру этой ассоциативной техники [Леонтьев 1977: 6]. Разновидности направленного ассоциативного эксперимента многочисленны, а отнесение той или иной экспериментальной методики (например, семантического дифференциала Дж. Осгуда) к данному типу эксперимента часто достаточно условно и спорно. Одной из разновидностей направленного ассоциативного эксперимента традиционно считается методика неоконченных предложений [Горошко 2001: 17]. К модификациям этого вида ассоциативного эксперимента относят и развертывание предложения или текста на базе заданных слов, и методику дополнения, или завершения, суть которой состоит в восстановлении «поврежденного» текста путем заполнения пропусков (Белянин 1988). Однако нельзя не согласиться с Е.И. Горошко в том, что сама «направленность» эксперимента и наложение некоторых рамок на процесс ассоциирования

могут серьезно уменьшать валидность результатов, полученных в этих экспериментах, и определенным образом искажать реальную картину собственно протекания ассоциативного процесса [Горошко 2001: 17].

В **цепочечном** ассоциативном эксперименте испытуемому предлагается реагировать на стимул несколькими ассоциациями (любым возможным количеством слов) за ограниченный временной отрезок. Этот вид эксперимента рассматривается как разновидность свободного ассоциативного эксперимента с регистрацией цепи ответов [Леонтьев 1977: 5]. Под цепной ассоциативной реакцией понимают неуправляемое, спонтанное, протекание процесса воспроизведения содержания сознания и подсознания субъекта. В цепном ассоциативном эксперименте измеряется общий объем продуцируемых ассоциаций за единицу времени (чаще всего за 1 мин), опуская при этом длительность латентного (скрытого) периода формирования ассоциаций [Горошко 2001: 17]. Недостатком этого эксперимента, по мнению многих исследователей, является связь между последовательно наступающими реакциями.

Самый распространенный тип ассоциативного эксперимента – свободный ассоциативный эксперимент с регистрацией только первого ответа (реакции) испытуемых. Совокупность реакций (ответов, ассоциатов) на слово-стимул называется ассоциативным полем, которое, как и другие лингвистические модели полевого типа, имеет ядро и периферию, т.е. наиболее частотные, стереотипные реакции (ядро) и низкочастотные, а также единичные (периферия). Ядро (частотная часть) поля устойчиво во времени, содержит реакции, обладающие узуральными связями со словом-стимулом.

На вопрос, что овнешняет ассоциативное поле, по мнению Е.Ф.Тарасова, нет однозначных ответов, однако можно полагать, что ассоциативное поле овнешняет знания, ассоциированные со словом-

стимулом в данной конкретной национальной культуре. Результаты экспериментов, проводимых сначала психологами, а потом лингвистами, позволили последним прийти к выводу о том, что признанным способом субъективного существования лексики является ассоциативно-вербальная сеть. Это важнейшее обстоятельство отражено и в специальных работах, посвященных внутреннему лексикону. Так, Е.С. Кубрякова определяет его как «совокупность вербальных сетей» [ЧФЯ 1991: 91]. Если же идет речь об АТСРЯ, то можно утверждать, что слова-реакции есть те слова, которые, вероятно, непосредственно связаны в ассоциативно-вербальной сети, охватывающей с определенной полнотой весь лексикон современного среднестатистического носителя русского языка, другие слова этой сети связаны со словом-стимулом уже опосредованно [Тарасов 2000: 31].

Ассоциативное поле, по определению авторов «Русского ассоциативного словаря», – это «не только фрагмент вербальной памяти (знаний) человека, фрагмент системы семантических и грамматических отношений, но и фрагмент образов сознания, мотивов и оценок русских» [РАС 1996: 6]. Именно в результате массового свободного ассоциативного эксперимента определяются ассоциативные нормы. Под ассоциативной нормой понимается совокупность реакций, собранная от группы информантов размером в 1000 человек, но иногда этот объем в исследовательских целях «сужается» и до 500-700 человек [Горошко 2001: 193]. Ассоциативные нормы дают в очень удобной форме специфический для данного языка и данной культуры «ассоциативный профиль» лексических единиц (А.А. Леонтьев).

К числу общеизвестных словарей ассоциативных норм относится словарь Дж. Диза (J. Deese. *The Structure of associations in language and Thought*, 1965). На русском языке первым словарем такого рода был «Словарь ассоциативных норм русского языка» (САНРЯ, 1977).

Необходимо отметить «Словарь детских ассоциаций: Ассоциации детей от шести до десяти лет» (Береснева, Дубровская, Овчинникова, 1995); «Ассоциативный словарь подростка» (Гуц, 2004). Наиболее полным словарем на русском языке в настоящее время считается «Русский ассоциативный словарь» (Караулов, Сорокин, Тарасов, Уфимцева, Черкасова, 1994-2002).

Эксперимент проводился в письменной форме 2004 – 2006 годах в г. Омске. Общее число испытуемых составило 500 человек, в том числе школьники среднего и старшего звена 12-16 лет (200 человек) и студенты высших учебных заведений города 17-30 лет (300 человек). Возрастные границы респондентов были расширены по сравнению с участниками эксперимента, по результатам которого был составлен «Русский ассоциативный словарь» (РАС).

Несмотря на то что все исследуемые лексемы представлены в РАС, проведение самостоятельного эксперимента было необходимым, так как число реакций на некоторые стимулы в Русском ассоциативном словаре показалось нам недостаточным для построения когнитивной модели родства и дружбы. В частности, данные, представленные в РАС, как нам видится, не позволяют сделать вывод о диффузности *родства* и *дружбы* в сознании носителей языка.

Цель эксперимента: выявить, какими смысловыми наборами, когнитивными структурами в языковом сознании «овнешнены» представления о номинативных знаках, обозначающих отношения родства и дружбы.

Для достижения поставленной цели предусматривалось решение следующей задачи: полученные реакции представить в виде моделей, отражающих возможности исследуемых знаков актуализировать личностные и конвенциональные смыслы.

В качестве экспериментальной методики использовался свободный ассоциативный эксперимент с письменной фиксацией ответов. Список из 50 стимулов формировался на основе слов различных семантических полей: *добрый, лето, свобода, грусть, квартира, учитель, цветы, день, сила, боль, русский, цветы, машина, отдых, собака, тишина, кровь, жизнь, земля, парта, смерть, зима, тело, радость, давить, братья, серебристый, поцелуй, голос, ужас, взгляд, гладить, тяжелый, холодный, любить, дом, тетка, родной, родина, золовка* – к списку были добавлены были добавлены лексемы со значением родства и дружбы: *мама, папа, брат, сестра, бабушка, дед, друг, подруга, муж, жена*. Испытуемым было предложено отвечать на данные стимулы первым пришедшим в голову словом, при этом не ограничивая формальные и семантические особенности слова-реакции. «Ассоциативная реакция-ответ должна следовать немедленно – испытуемый не должен размышлять над тем, что бы ему такое сказать и как отреагировать. Само понятие ассоциативного процесса исключает идею отбора ответов. Если есть отбор – нет ассоциативного процесса в общепринятом в истории психологии смысле» [Фрумкина 2001: 191].

3.2. Сопоставительная характеристика данных эксперимента с данными «Русского ассоциативного словаря»

Предъявляя реципиентам стимулы, относящиеся к терминам родства и дружбы, мы ставили перед собой цель выявить стереотипные ассоциации в сознании испытуемых, что позволило бы сопоставить результаты эксперимента с выводами, сделанными во второй главе исследования. Поскольку в следующем параграфе мы описываем различные ассоциативные модели когнитивной структуры *родства и дружбы*, нас интересовали, не только частотные реакции, отражающие стереотипные представления, но и единичные. В свободных представлениях мы постарались выявить черты, присущие стереотипным реакциям,

выраженные при помощи таких категорий, как **оценка, возраст, пространство** и т.д.

Для анализа нами были выбраны не только лексемы, являющиеся непосредственно терминами родства (*мама, папа, дед, бабушка, брат, сестра, муж, жена, родной*), но и слова, связанные в сознании с родственными отношениями (*семья, дом*) и отражающие представления о внешнем и внутреннем пространстве подобных отношений. Также мы посчитали обязательным включить в эксперимент лексемы *друг, подруга*, вступающие в диффузийные отношения с номинациями *родства*.

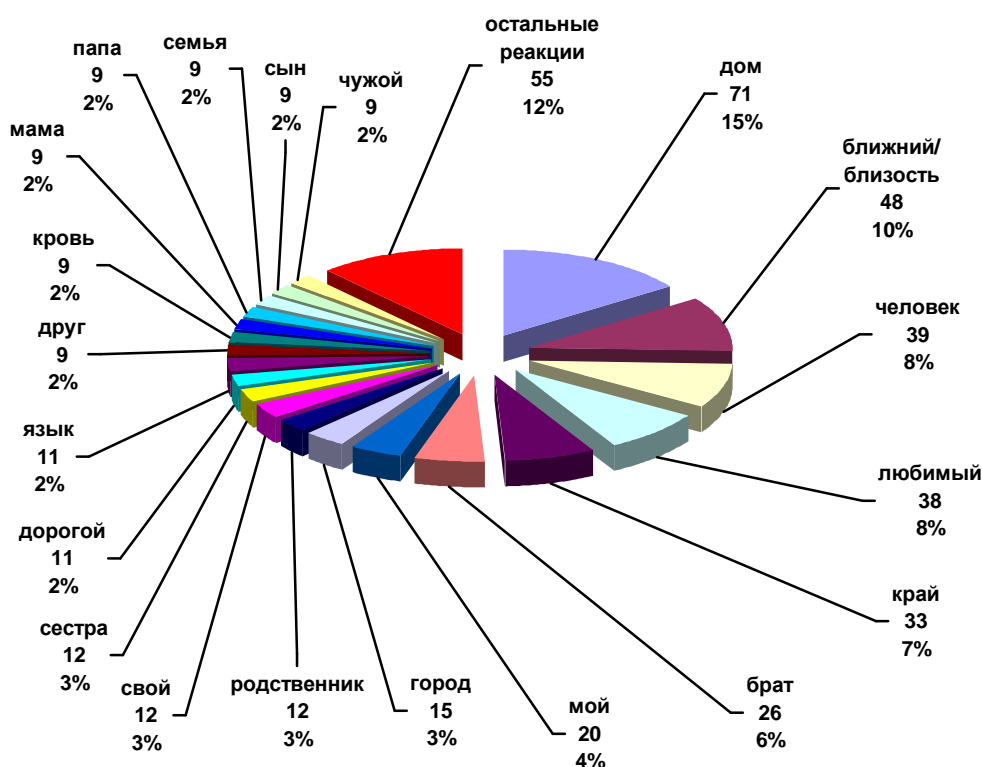
Перед тем как представить ассоциативные модели когнитивной структуры *родства* и *дружбы*, нам бы хотелось сопоставить результаты эксперимента с данными «Русского ассоциативного словаря» под ред. Ю.Н. Караулова [2002]. Подобное сопоставление показалось необходимым, поскольку при сравнении полученных нами результатов с данными РАС в некоторых случаях были обнаружены определенные расхождения, которые, на наш взгляд, носят принципиальный характер. Сравнение с данными РАС производится по мере описания собственных результатов.

В таблицах (Приложение) отражены все реакции, полученные на выше перечисленные стимулы, и количество реакций в порядке убывания. В диаграммах представлены наиболее частотные реакции (учитывались только те реакции, которые составляли не менее 2% от общего количества). При объединении реакций в определенную группу мы ориентировались в первую очередь на смысловую, содержательную сторону ответа, поэтому посчитали возможным объединить в одну группу такие реакции, как например *близкий/ близость, тепло/теплый, уют/уютный* и т.д. Периферийные реакции, составляющие менее 2%, объединены в одну группу.

Предъявление стимула *родной* вызвало у информантов актуализацию разнообразных реакций, общее количество которых составило 466, не дали ответ 34 человека из 500 (6,8%), количество единичных реакций 36 (7,7%).

В приведенной ниже диаграмме в процентном и количественном соотношении представлены реакции на стимул *родной*.

Диаграмма 1.

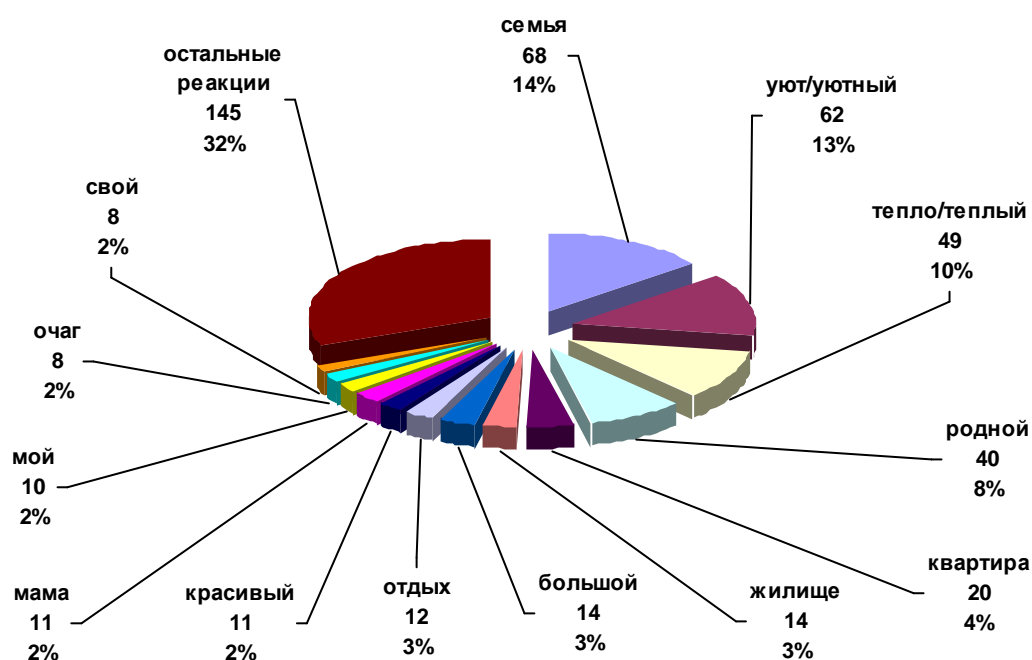

В «Русском ассоциативном словаре» (РАС) словарная статья на стимул *родной* [2002: 559] включает 752 слова-реакции, из которых небольшое количество единичных (73 – 9,7%). Наиболее частотными реакциями на данный стимул являются *язык* (226 – 30%), *человек* (95 – 12,6%), *дом* (86 – 11,4%), *близкий* (39 – 5,1%), *брат*, *город*, *мой* (33 – 4,3%), *край* (29 – 3,8%). Реакция *друг*, указывающая на диффузию *родство-дружба*, зарегистрирована 4 раза (0,5%). В большинстве своем все ядерные реакции на данный стимул, приведенные в РАС, и реакции,

полученные в результате нашего эксперимента, за незначительным расхождением совпадают в своем процентном соотношении (ср.: *дом* 15% – 11,4%; *близкий* 10% – 5,1%; *человек* 12,6% – 8%; *край* 7% – 3,8%; *брат* 6% – 4,3%; *мой* 4% – 4,3; *город* 3% – 4,3%, где первая цифра приводит данные эксперимента, а вторая – РАС). Подобное совпадение результатов и небольшое количество единичных реакций (36 – 7,7% и 73 – 9,7%) говорит о высокой степени стереотипизации представлений о данном стимуле в языковом сознании. Интересно отметить, что реакция *язык*, которая в РАС является самой частотной, в результатах эксперимента зафиксирована всего лишь в 11 ответах и составляет 2% от общего количества реакций.

На слово-стимул *дом* было получено 466 реакций при 34 отказах (7,2%), единичных ответов было зафиксировано 22 (4,7%).

Диаграмма 2.

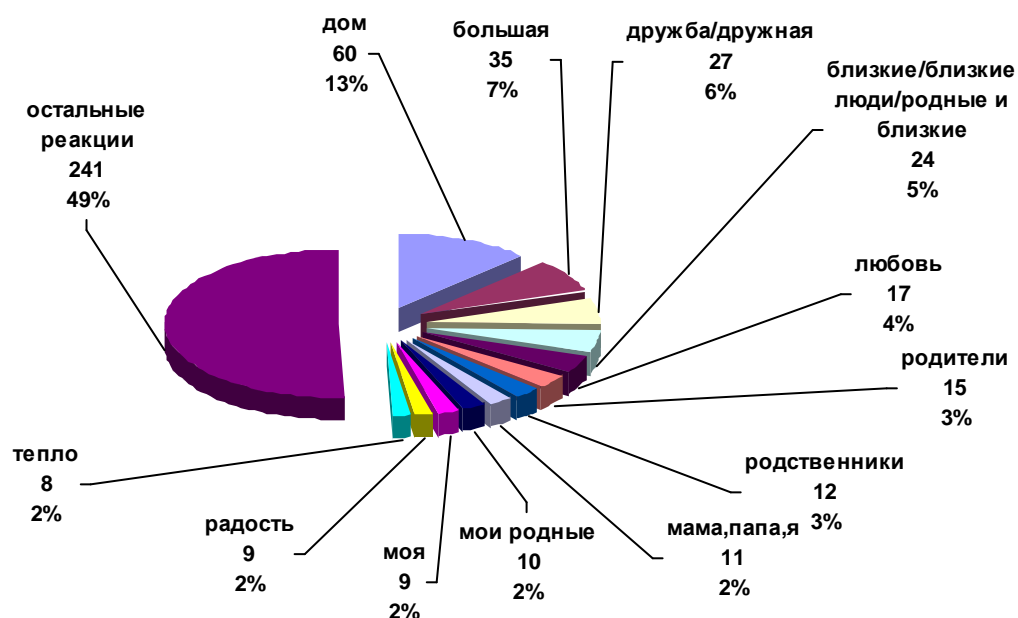

В РАС словарная статья на данный стимул [2002: 175] включает 104 слова-реакции, из которых половина представлена единичными реакциями (52 – 50%). Наиболее частотной реакцией на стимул *дом* является лексема *родной* (12 – 11,5%). Все остальные реакции по сути

периферийные (*большой, мой* 4 – 3,8%; *крыша, семья* 3 – 2,8% и т.д.). Сопоставляя данные, представленные в РАС, с результатами эксперимента, отметим некоторые довольно заметные расхождения: реакция *семья*, которая в эксперименте является ядерной, в РАС представлена незначительным количеством ответов (ср.: 68 – 14% и 3 – 2,8%), также реакции *тепло* и *уют* являются периферийными, в то время как по результатам эксперимента они занимают второе и третье место по частотности (13% и 10%). Исходя из того, что дом традиционно считается одной из доминантных ценностей, существующих в разных культурах, и российская культура не является исключением, реакции *семья, тепло, уют*, как представляется, должны быть ядерными в сознании, что в частности отразил проведенный нами эксперимент (см. Диаграмму 2.).

На предъявленное слово-стимул *семья* было получено 478 реакций, из них единичных – 79 (16,5%), также было зафиксировано 22 отказа (4,6%).

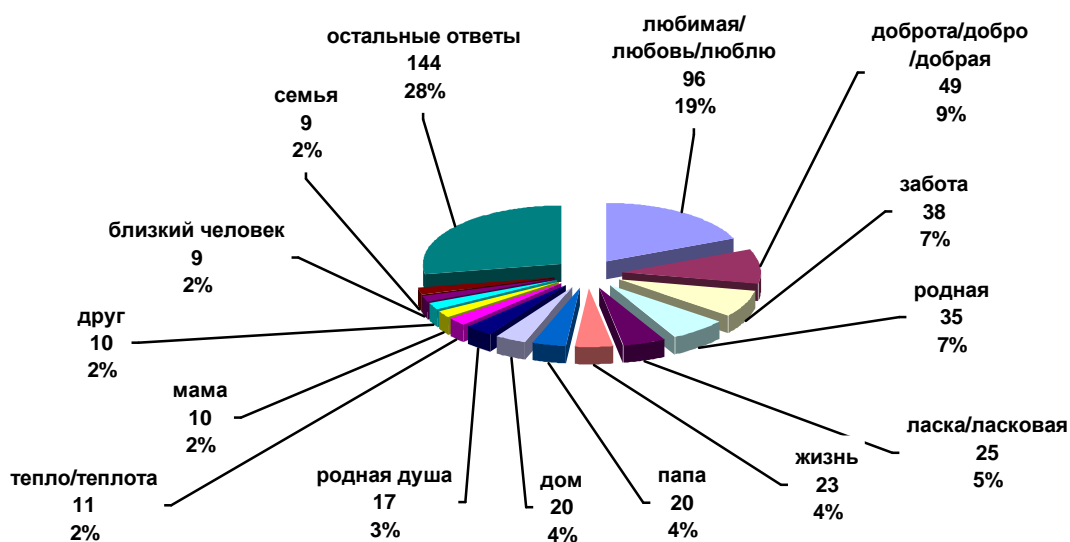
Диаграмма 3.

В РАС словарная статья на стимул *семья* [2002: 581] включает 631 слово-реакцию, из которых 138 единичных (21,8%). Наиболее частотными реакциями на этот стимул являются *большая* (82 – 13%), *дружная* (63 – 10%), *дети* (37 – 5,8%), *дом, моя* (27 – 4,2%), *и школа* (23 – 3,6%), *школа* (2,5%), *мама* (14 – 2,2%). Отличие данных в том, что по результатам эксперимента реакция *дом* является самой частотной (ср.: в РАС 27 – 4,2%), Реакции, указывающие на диффузию *родство-дружба* (*дружная, дружба, дружный, дружно*) в совокупности составляют 11,4%, по результатам эксперимента только 6%. По данным эксперимента реакции с пространственной характеристикой *близость* (*близкие, близкие люди, родные и близкие*) были получены в 24 ответах (5%), в РАС подобные реакции на стимул *семья* отсутствуют.

В результате эксперимента были выявлены реакции, составившие ассоциативное поле слова-стимула *мама*. На данный стимул было получено 516 реакций, отказов зафиксировано не было, единичных реакций 67 (12,9%).

Диаграмма 4.

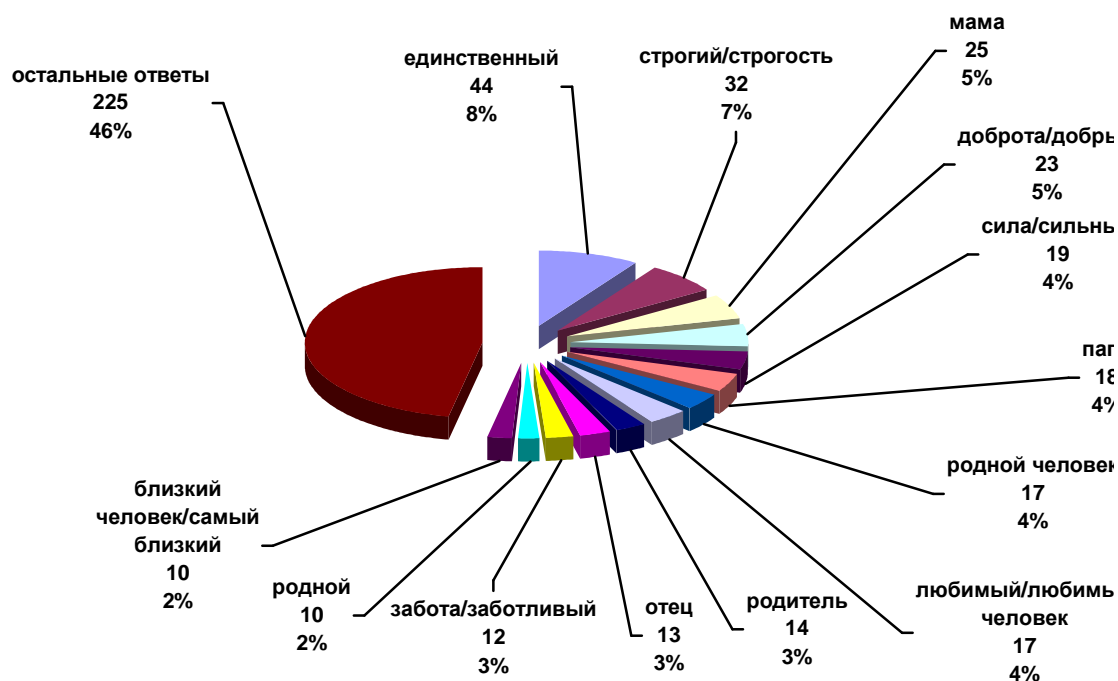

В РАС словарная статья на стимул *мама* [2002: 307 – 308] включает 508 слов-реакций, из которых 108 единичных (21,2%). Наиболее

частотными реакциями являются *папа* (77 – 15%), *моя* (45 – 8,8%), *родная* (44 – 8,6%), *любимая* (39 – 7,6%), *милая* (29 – 5,7%), *добрая* (24 – 4,7%), *дорогая* (14 – 2,7%), *дом* (10 – 1,9%). Реакция, указывающая на диффузию *родство-дружба*, *друг* встречается 3 раза и составляет 0,5% (ср.: в эксперименте 10 ответов – 2%). Реакции с пространственной характеристикой «близость» (*близкий человек* и *близкое*) среди **единичных** и в процентном соотношении составляют 0,5% (ср.: в эксперименте 9 реакций – 2%). Реакции, отражающие персонифицированное представление о семье, *мама – семья* (*семья*, *дружная семья*) составляют 0,3%, также меньше, чем по результатам эксперимента (9 ответов – 2%).

На слово-стимул *папа* было получено 479 реакций при 21 отказе (4,3%), единичных реакций 102 (21,2%).

Диаграмма 5.

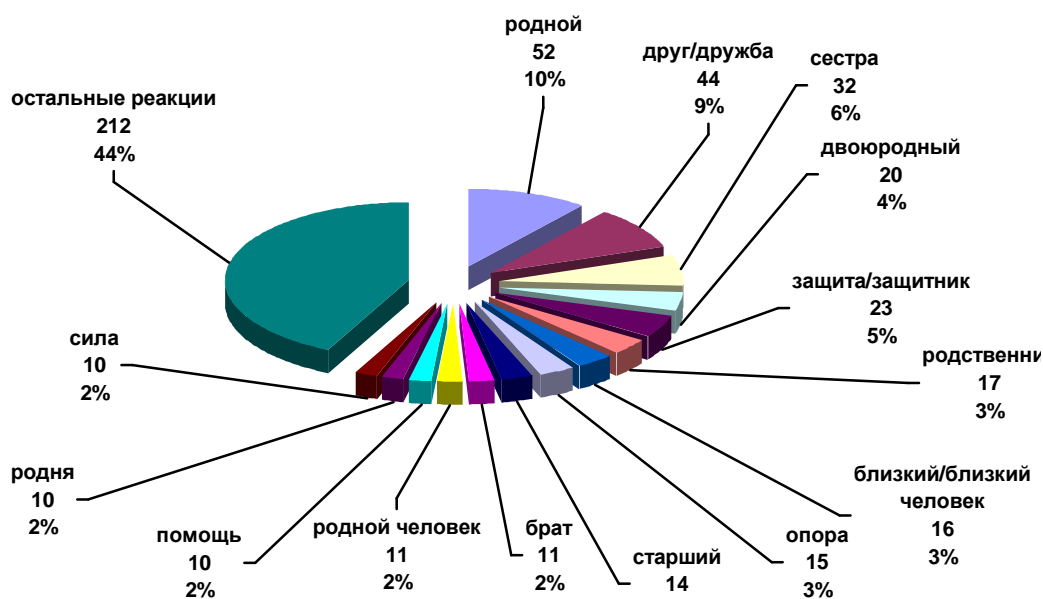

В РАС словарная статья на данный стимул [2002: 433] включает 526 слов-реакций, из которых 141 единичная реакция (26,8%). Наиболее частотными реакциями на стимул *папа* являются *мама* (109 – 20,8%), *мой* (42 – 7,9%), *добрый* (19 – 3,6%), *любимый* (18 – 3,4%), *отец* (17 – 3,2%),

хороший (15 – 2,8%), *родной* (13 – 2,4%), *Римский* (11 – 2,1%). Реакции, указывающие на диффузию *родство-дружба*, и реакции с пространственной характеристикой «близость» находятся на периферии: *друг* (2 – 0,3%) *близкий человек* (1 – 0,1%) (ср.: в эксперименте *друг* – 7 – 1,5%, *близкий человек, самый близкий* – 10 – 2%). Персонифицированная реакция *папа – семья* также является единичной. Реакция *строгий*, которая в РАС является периферийной (7 – 1,3%), по результатам нашего эксперимента занимает по частотности второе место (32 – 7%). Также интересно отметить, что изменились «культурные» ассоциации, основанные на фоновых знаниях, реакции на стимул *папа – Римский, Рим, Римский-поляк* в данных нашего эксперимента отсутствуют. В то же время ответы, отражающие негативную оценку реакции на стимул, и в РАС, и по результатам эксперимента относятся к одной области (ср.: *стакан портвейна, пьяный, пьяница – алкоголик, водка*).

На слово-стимул *брат* респонденты дали 495 реакций, не ответили всего лишь 5 человек (1%), единичных реакций 96 (19,3%).

Диаграмма 6.

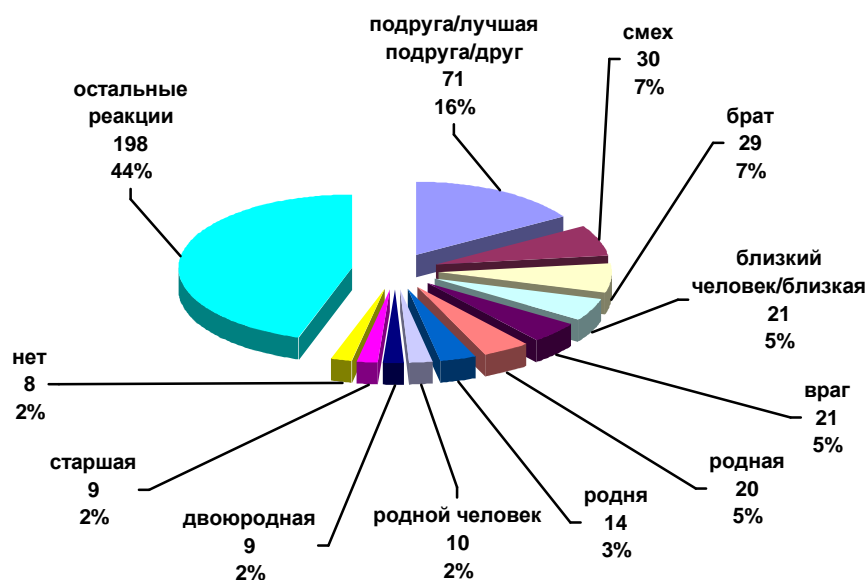

В РАС словарная статья на данный стимул [2002: 66] включает 541 слово-реакцию, из которых небольшой процент единичных реакций (115 –

21%). Наиболее частотными реакциями на стимул *брат* являются *сестра* (104 – 19%), *родной* (67 – 12%), *мой* (50 – 9%), *друг* (14 – 2,5%). Необходимо отметить, что, с одной стороны, ядерные реакции в РАС соответствуют результатам, полученным в ходе эксперимента, несколько отличается лишь количество ответов (ср.: *сестра* 19% – 6%, *родной* 12% – 10%, *друг* 2,5% – 6,5%), с другой стороны, в число наиболее частотных ответов в нашем эксперименте входят реакции, которые отмечены в РАС как единичные (*защита/защитник* 23 – 5% в нашем эксперименте). В результате проведенного эксперимента мы отметили, что негативная оценка в большинстве своем представлена инвективной лексикой (*балбес, кабан, лох, спиногрыз, дебил, дурак* и т.д.). Также важно отметить, что реакции с пространственной характеристикой «близость» (*близкий, ближний*) составляют 0,7% в РАС, по данным нашего эксперимента – 3% .

На слово-стимул *сестра* было получено 440 реакций при 60 (13,6%) отказах, единичных ответов 97 (22%).

Диаграмма 7.

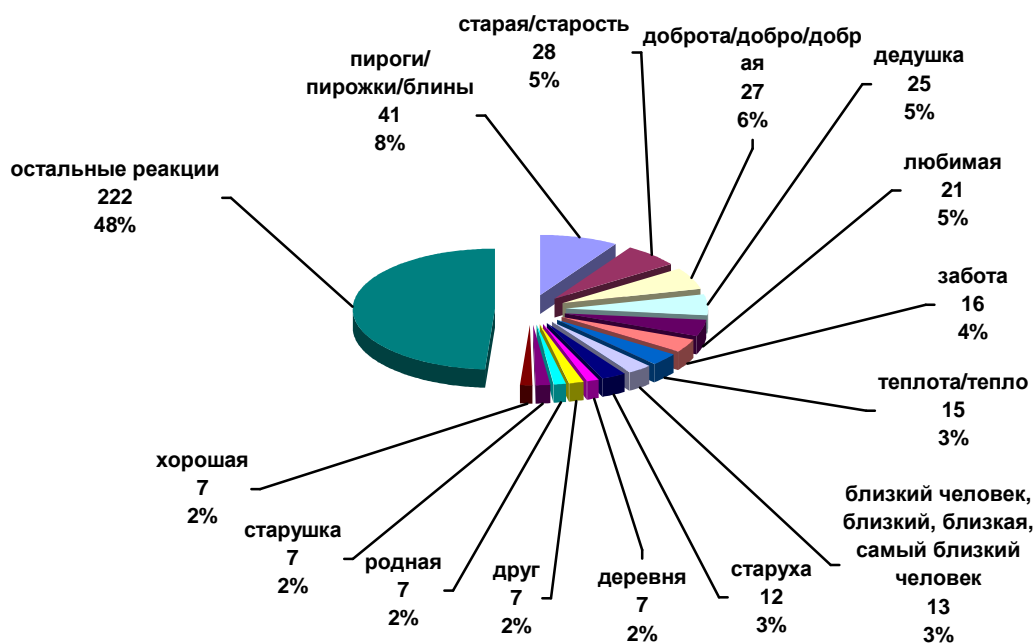
РАС словарная статья на данный стимул [2002: 584] включает 527 слов-реакций, из которых 89 единичных (16,8%). Наиболее частотными реакциями на стимул *сестра* являются *брат* (97 – 18,4%), *милосердия* (68

– 12,9%), *родная* (52 – 9,8%), *моя* (33 – 6,2%), *старшая* (22 – 4,1%). Интересно отметить, что реакции *милосердия*, *милосердие* составляют 14,8% всех реакций, в ходе эксперимента, проведенного нами, были получены иные результаты, в которых на данный стимул не было ни одной подобной реакции. С другой стороны, наши результаты показали, что лексемы *подруга*, *лучшая подруга*, *друг* в совокупности являются наиболее частыми реакциями на стимул *сестра*, тогда как в РАС реакции *друг*, *подруга* составляют только 2%. Реакции с лексемами, обозначающими пространственную характеристику (*близкая*, *очень близкая*) единичные (0,3%), по результатам нашего эксперимента реакции *близкий человек*, *близкая* в совокупности составляют 5%.

Слово-стимул *бабушка* актуализировало у реципиентов следующие реакции в общем количестве 456 из них единичных – 87 (19%). Отказов от ответа зафиксировано 44 (9,6%) (см. Таблицу 8).

Диаграмма 8.

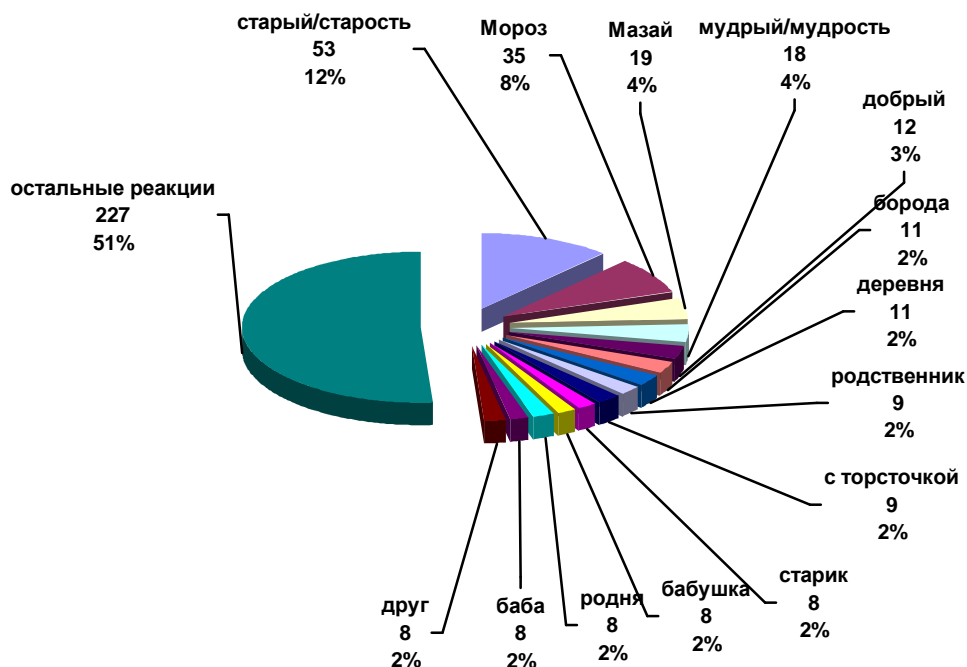

В РАС словарная статья на стимул *бабушка* [2002: 41-42] включает 508 слов-реакций, из которых небольшой процент единичных реакций (110

– 22%). Наиболее частотными реакциями на данный стимул являются *дедушка* (75 – 14,7%), *старушка* (43 – 8,5%), *моя, старая* (31 – 7,6%), *добрая* (31 – 6%), *любимая* (23 – 4,5%), *старенькая* (19 – 3,7%). Представляется важным отметить, что почти все частотные реакции, отмеченные в эксперименте, совпадают с данными РАС, однако такие реакции, как *друг*, по нашим данным составляющая 2%, в РАС является единичной (0,1%), реакции с пространственной характеристикой «близость» (*близкий человек, близкая* и т.д.) в данных РАС отсутствуют, в нашем эксперименте – 3%. Также наиболее частотными ответами по данным нашего эксперимента являются «гастрономические» реакции (*блины, пироги, пирожки*), они составляют 8% от всех реакций на данный стимул, в РАС подобные ответы зарегистрированы как единичные (0,1%).

Общее количество полученных реакций на слово-стимул *ded* – 444, единичных реакций – 89 (20%). Отказов было зафиксировано 56 (12,6%).

Диаграмма 9.

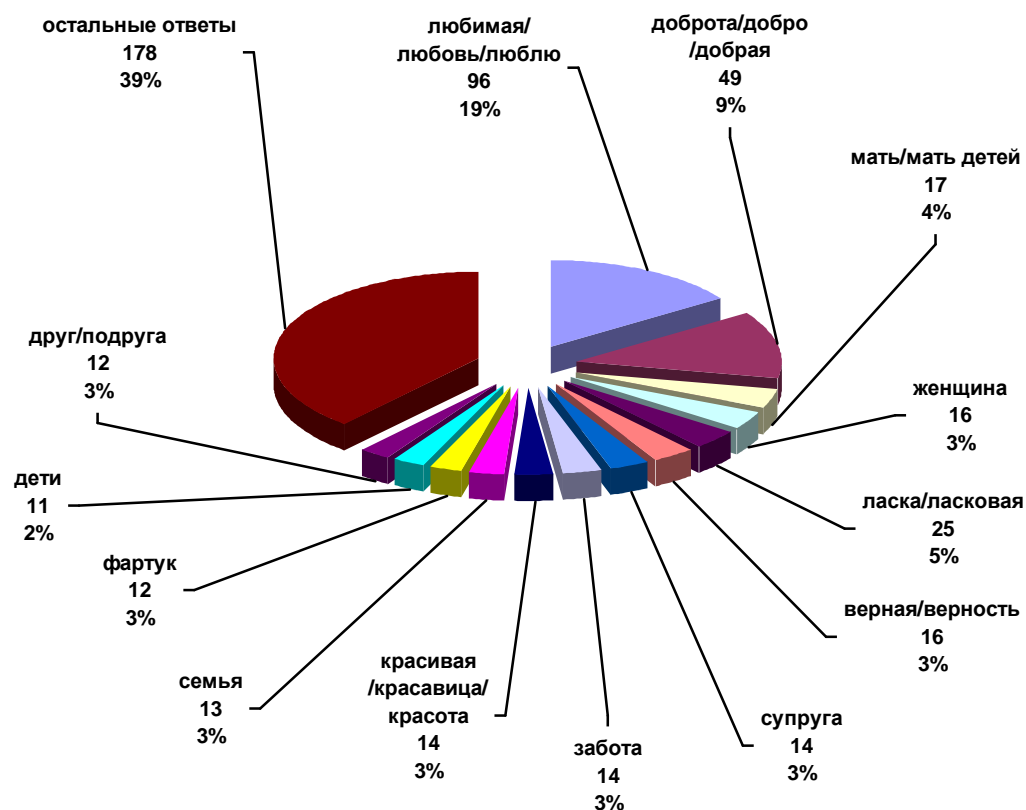

В РАС словарная статья на данный стимул [2002: 158] включает 107 слов-реакций, из которых 52 единичных реакции (48,5%). Наиболее

частотными реакциями на стимул *дед* являются *старый* (22 – 20,5%), *Мороз* (15 – 14%). Необходимо отметить, что количество реакций на данный стимул (107), представленных в РАС, не позволяет делать какие-либо конкретные выводы о составе ассоциативного поля слова-стимула *дед*, к тому же 48,5% реакции единичные, но важно то, что наиболее частотные реакции в РАС, являются ядерными и в наших данных (*старый/старость* – 22, 20,5% – 53, 12%; *Мороз* – 15, 14% – 35, 8%). В остальном результаты, представленные в РАС, и данные нашего эксперимента заметно отличаются. Отсутствуют реакции, указывающие на диффузию *родство-дружба* (ср.: в эксперименте реакция *друг* составляет 2%), и реакции с пространственной характеристикой «близость» (ср.: в совокупности реакции *близкий человек, близкий родственник, близко* – 1,3%). Представляется важным и то, что отсутствуют в данных РАС ассоциации, связанные с положительной оценкой стимула *дед*, кроме единичной реакции *мудрость*. Отрицательная оценка выражена более ярко также в единичных реакциях, представленных разговорными и инвективными лексемами (*ворчливый, дурак, жадина, маразматик, сварливый*). По результатам эксперимента положительная оценка представлена ядерными реакциями *мудрый/мудрость* 4%, *добрый* 3%. Отрицательная оценка более выражена в единичных реакциях (*пердун, тупой, тухлый* и т.д.). Нужно отметить также, что среди реакций в РАС присутствуют «исторические» и «культурные» ассоциации: *большевик, буденновец, ВС СССР, Советской армии, Щукарь*, среди реакций на данный стимул, полученных в ходе нашего эксперимента, к подобным можно отнести только реакцию *Мазай* (19 – 4%).

В результате эксперимента были выявлены реакции, составившие ассоциативное поле слова-стимула *жена*. На данный стимул было получено 462 реакции, отказов зафиксировано 38 (8,2%).

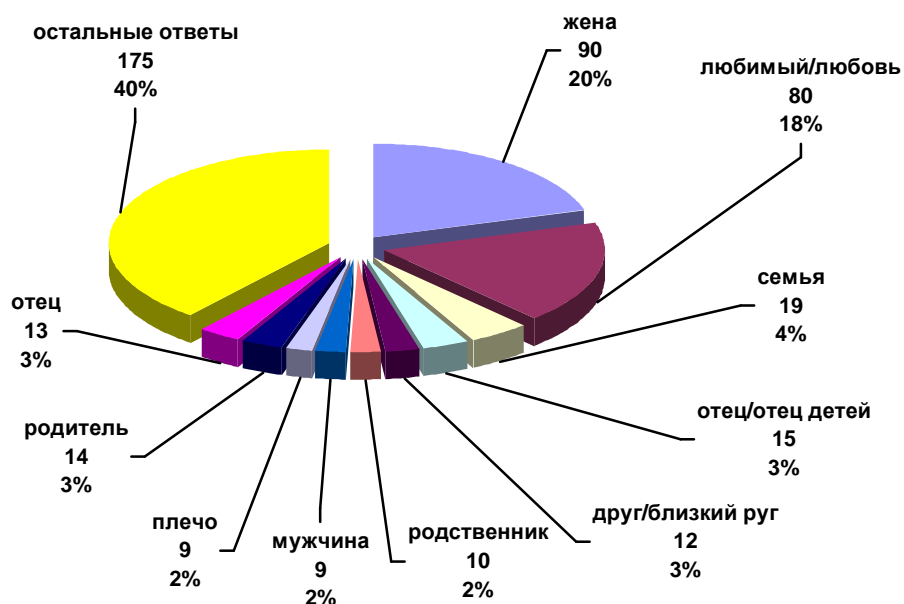
Диаграмма 10.

В РАС словарная статья на стимул *жена* включает 532 слова-реакции, из которых 147 единичных (27,6%). Наиболее частотными реакциями являются *муж* (81 – 15,2%), *верная* (33 – 6,2%), *любимая* (26 – 4,8%), *ушла* (22 – 4,1%), *моя* (16 – 3%), *хорошая* (12 – 2,2%), *друга*, *чужая* (11 – 2%). Реакции, указывающие на диффузию *родство-дружба*, *друг*, *подруга* составляют 2,2% (ср.: в эксперименте 12 ответов – 2,5%). Реакции с пространственной характеристикой «близость» (*близкая*, *близко*, *близость*), также, как в данных эксперимента среди единичных и в процентном соотношении составляют 0,5% (ср.: в эксперименте 1 реакция – *близкая женщина* 0,2%).

На слово-стимул *муж* было получено 419 реакций при 71 отказе (16,9%), единичных реакций 58 (13,8%).

Диаграмма 11.

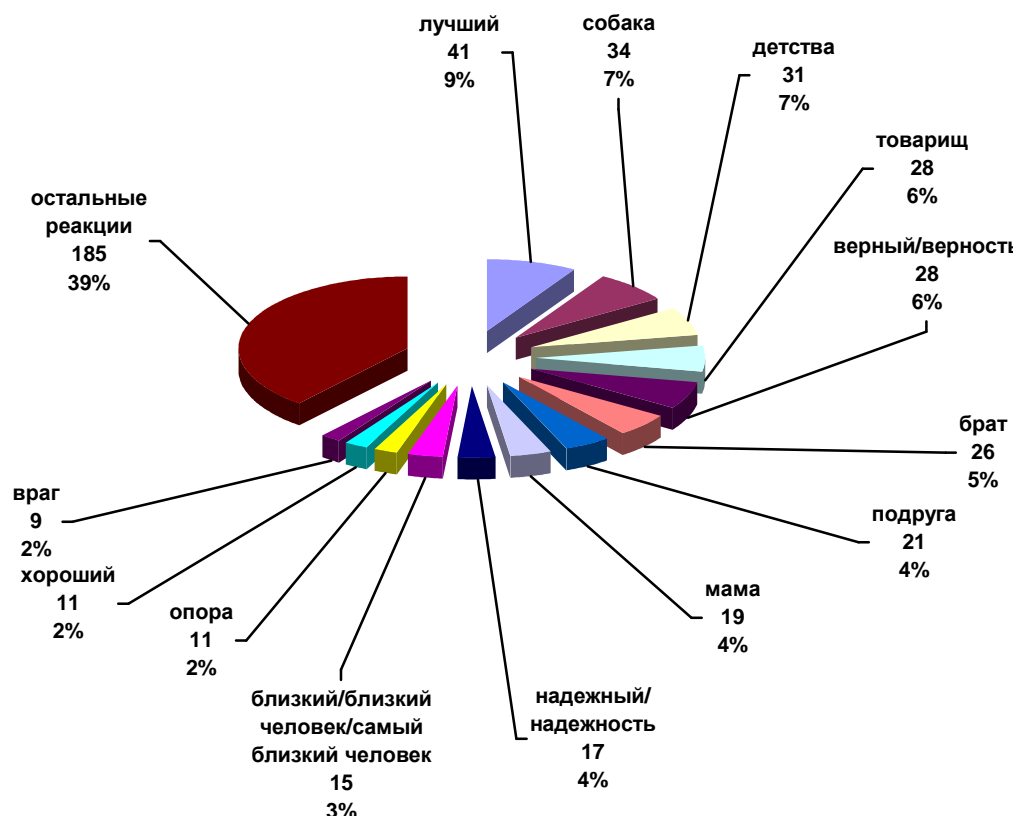

РАС словарная статья на стимул *муж* [2002: 334] включает 537 слов-реакций, из которых единичных 137 – 25,5%. Наиболее частотными реакциями на данный стимул являются *жена* (106 – 19,7%), *верный* (29 – 5,4%), *любимый* (27 – 5%), *хороший* (20 – 3,7%), *любящий* (14 – 2,6%), *мужчина* (13 – 2,4%), *мой* (11 – 2%), *чужой* (10 – 1,8%), *объелся груш* (7 – 1,3%). Ядерные реакции на данный стимул, приведенные в РАС, и реакции, полученные в результате нашего эксперимента, за незначительным расхождением совпадают в своем процентном соотношении (ср.: *жена* 21,4% – 19,7%, *любимый* 11,9% – 5%, где первая цифра приводит данные эксперимента, а вторая – РАС). Одно из главных отличий результатов эксперимента от данных РАС заключается в том, что в РАС содержится большое количество реакций, представленных лексемами с отрицательной коннотацией: *дурак*, *козел*, *пьяница*, *рогатый*, *тупой*, *алкоголик*, *дубина*, *идиот*, *изверг*, *рогоносец* и т.д. – 3,7%, (ср.: по

результатам эксперимента подобных реакций 0,7% – зло, кобель, козел). Также следует отметить, что реакции друг, любимый друг, указывающие на диффузию родство-дружба, зарегистрированы в РАС 3 раза (0,5%) (ср.: в эксперименте друг (10), близкий друг(2) – 2,8%). Реакции, связанные с внешним и внутренним пространством дружеских и родственных отношений, семья и дом в РАС являются периферийными (0,7% и 0,1%), по данным эксперимента эти реакции более частотны (4,5% и 1,6%).

На предъявленное слово-стимул *друг* нами было получено 476 реакций, в том числе единичных – 80 (16,8%). Зафиксировано отказов 24 (5%).

Диаграмма 12.

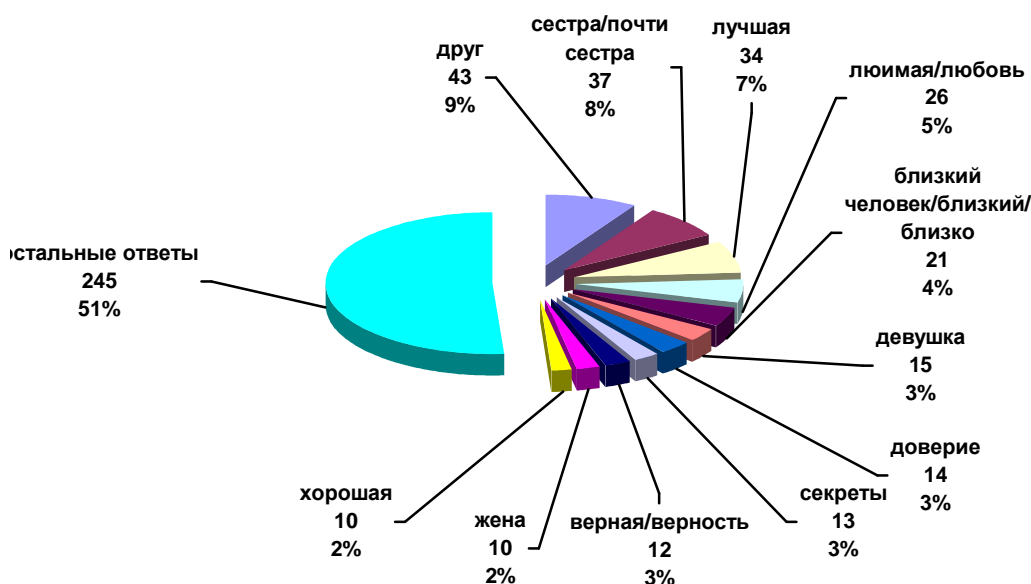

В РАС словарная статья на данный стимул [2002: 181] включает 536 слов-реакций, из которых небольшой процент единичных реакций (104 – 19,4%). Наиболее частотными реакциями на стимул *друг* являются *верный*

(69 – 12,8%), *враг* (47 – 8,7%), *детства* (33 – 6,1%), *мой* (28 – 5,2%), *товарищ* (27 – 5%), *лучший* (20 – 3,7%), *собака* (17 – 3,1%), *близкий*, *хороший* (16 – 2,9%), *милый* (12 – 2,2%), *брат*, *подруга* (10 – 1,8%), *единственный*, *надежный*, *настоящий*, *недруг* (9 – 1,6%), *закадычный* (8 – 1,4%). В данном случае практически все ядерные реакции, представленные в РАС, совпадают с наиболее частотными ответами по результатам нашего эксперимента (ср.: *лучший* 3,7% – 9%, *собака* 3,1% – 7%, *детства* 6,1% – 7%, *товарищ* 5% – 6%, *верный/верность* 12,8% – 6%). Однако диффузия родство-дружба в результатах нашего эксперимента прослеживается более отчетливо (ср.: *брат* 1,8% – 5%, *мама* 0,1% – 4%).

Предъявление слова-стимула *подруга* актуализировало следующие ассоциации у реципиентов в общем количестве 480, из них единичных – 99 (20,6%), при 20 отказах (4,1%).

Диаграмма 13.

В РАС словарная статья на данный стимул [2002: 465] включает 103 слова-реакции, из которых почти половина единичных (42 – 40,7%).

Наиболее частотными реакциями на стимул *подруга* являются *детства* (14 – 13,5%), *друг, жизни* (8 – 7,7%), *верная* (6 – 5,8%), *девушка, друга, лучшая, любимая* (4 – 3,8%). Реакции, указывающие на диффузию *родство-дружба* (*жена, сестра, супруга*) среди единичных и в совокупности составляют 2,9%. Реакции с пространственной характеристикой «близость» также среди единичных (*близкая, близкий, близкий человек*) – 2,9%. Следует отметить, что в результатах нашего эксперимента реакции *сестра, почти сестра* находятся на втором месте по частотности (37 ответов) и в совокупности составляют 8% от всех реакций. Также пространственные реакции (*близкий человек, близкий, близко*) составляют 4% и являются одними наиболее частотными.

Обобщая все выше сказанное, следует еще раз отметить, что по результатам проведенного эксперимента, более четко прослеживается явление *диффузии родства-дружбы* в сознании носителей языка (не менее 2% реакций практически на каждый стимул). Также важно обратить внимание на то, что в данных эксперимента более частотна реакция с пространственным значением «близость», характеризующая межличностные отношения, в некоторых случаях реакции с подобным значением находятся в ядре. Нельзя не сказать и об изменении реакций, основанных на фоновых знаниях испытуемых. Некоторые реакции меняют свое место среди ответов на стимул, из ядерных превращаясь в периферийные, (ср.: реакция *язык* на стимул *родной* 30% в РАС и 2% в данных эксперимента). Также необходимо отметить фоновые ассоциации, которые в данных нашего эксперимента зафиксированы не были (например, реакция *милосердия* на стимул *сестра* – 12,9% в РАС, *Римский* на стимул *papa* – 2,1% в РАС).

Объяснить подобное отсутствие в некоторых случаях корреляции между данными, приведенными в РАС, и результатами нашего эксперимента можно следующим образом: во-первых, мы несколько

расширили круг реципиентов, в РАС приводятся реакции испытуемых в возрасте 17-30 лет, в нашем эксперименте, кроме студентов, принимали участие и школьники 12-16 лет, таким образом, возрастные границы респондентов были расширены с 12 до 30 лет; во-вторых, словарные статьи на некоторые стимулы в словаре включают, на наш взгляд, не вполне достаточное количество реакций для определения ядра и периферии ассоциативного поля этих стимулов; в-третьих, изменение состава и количества фоновых ассоциаций, связано с временным разрывом между данными словаря и результатами эксперимента.

3.3. Когнитивные модели интерперсональных отношений по данным ассоциативного эксперимента.

В данном параграфе по результатам, полученным в ходе свободного ассоциативного эксперимента, нам хотелось бы представить различные когнитивные модели, позволяющие традиционным наименованиям *родства и дружбы*, проявлять когнитивно-семантический потенциал. При моделировании нас интересовали не только ядерные реакции, которые отражают стереотипные представления, но и периферийные ответы. Среди свободных представлений можно выделить некоторые смысловые группы, имеющие общие черты со стереотипными реакциями. Таким образом, по экспериментальным данным могут быть описаны такие модели межличностных отношений, как: *сенсорно-перцептивная, эмоциональная, социальная, оценочная, локальная, персонифицированная, диффузийная, партитивно-ассоциативная.*

Сенсорно-перцептивная модель представлена ассоциациями со значением внутренних и внешних ощущений. Реакции, которые можно отнести к сенсорно-перцептивным, т.е. связанным в сознании с чувственным восприятием, были получены на следующие стимулы:

МАМА: тепло/теплота/теплое 12, нежность 6, спокойствие 3.

БАБУШКА: тепло/теплота/теплота души/теплота рук 16, нежность 5, уют 3.

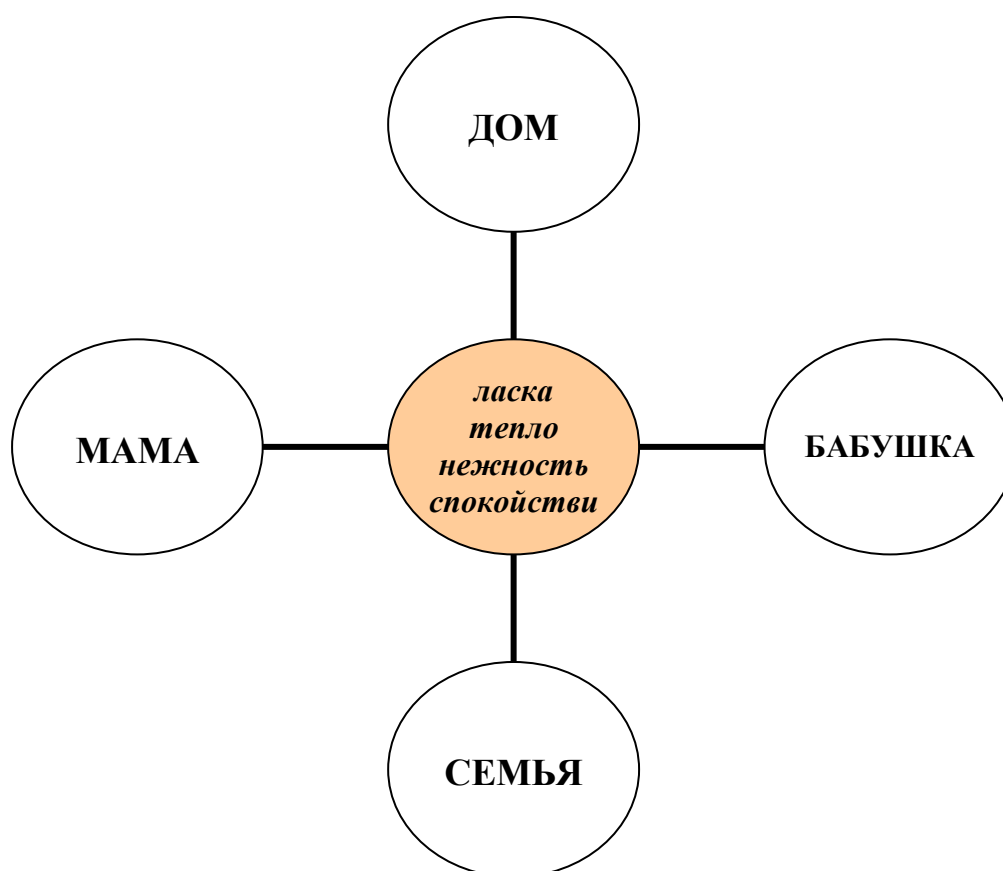
СЕМЬЯ: уют 12, тепло 8.

ДОМ: уют/уютный 56. тепло/теплый 40, спокойствие 5.

В связи с полученными результатами можно сделать вывод, что *мама* и *бабушка* в языковом сознании связаны прежде всего с представлением о *доме* и *семье* (см. Схема 1). Причем важно отметить, что все выше названные ассоциации связаны с положительной оценкой.

На стимулы *папа, сестра, брат, дед, друг, подруга, муж* не было получено реакций, которые можно было бы отнести к сенсорно-перцептивным, на стимул *жена* реакция *уют* встретилась в 3 анкетах.

Схема 1.

Эмоциональная модель.

Базисом эмоции как психического состояния является «оценивание обстоятельств той или иной ситуации с позиций некоторых убеждений, желаемых целей и планов» [Мягкова, 2000. С.13].

По мнению М. Веккера, эмоция имеет двухкомпонентный состав: когнитивный компонент эмоции связан с отображением объекта эмоции, а соматический, психический компонент презентрует субъекту его собственное психическое состояние. Таким образом, основу эмоционального гештальта составляют два вида ткани: когнитивная и эмоциональная [Веккер 1998: 666]. В терминологии школы А.Н.Леонтьева понятие эмоциональной ткани коррелирует с чувственной тканью образов сознания и непосредственно соотносится с личностным смыслом [Леонтьев, 1979, Зинченко, 1991, Василюк, 1993].

Хотя природа эмоциональных явлений – биологические механизмы регуляции деятельности, это лишь первичный уровень сложного процесса. Эмоциональные реакции выступают в качестве неотъемлемого компонента психики и формируются, активизируются на всех уровнях психической деятельности. Следует разграничивать так называемые «первичные» эмоции (т.е. те, которые возникли непосредственно на основе процессов биологической регуляции деятельности; обусловленные врожденными биологическими механизмами, например, *страх*) и вторичные эмоции, которые возникают на основе первичных эмоций и чувств [Damasio 1995: 131 – 132].

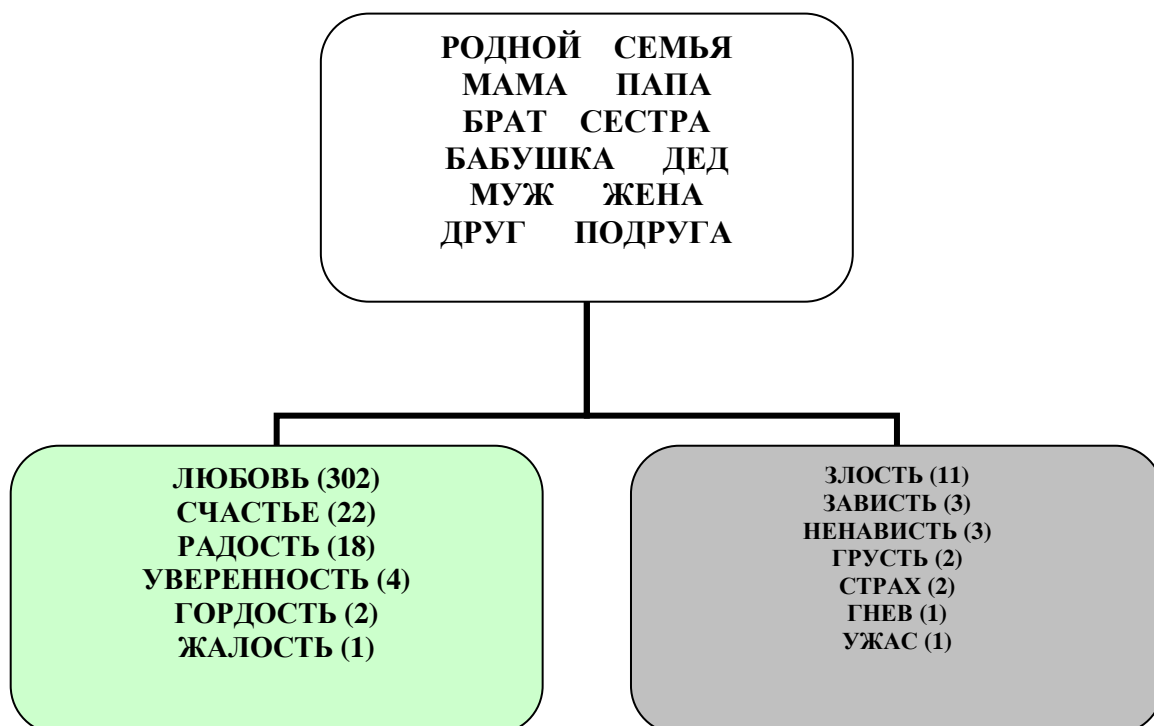
Включая реакции в данную группу мы брали за основу список, представленный в работе Е.Ю. Мягковой [Мягкова, 2000]: *удовольствие, неудовольствие, печаль, страх, гнев, удивление, грусть, радость, ненависть, любовь, страдание, горе, презрение, счастье, отвращение, тоска, уважение, уверенность, ирония, любопытство, стыд, наслаждение, гордость, уверенность, ирония, любопытство, отчаяние,*

пренебрежение, удовлетворенность, вражда, негодование, возмущение, беспокойство, испуг, решительность, скорбь, скука.

Важно отметить, что в ядре находятся реакции, актуализирующие представление о межличностных отношениях в виде позитивных эмоциональных состояний и фиксирующих эмоциональную значимость для реципиентов предъявленных слов-стимулов. Наиболее частотными являются реакции со значением любовь, проявление любви (субъект или объект проявления данного чувства). Ассоциации, выражающие негативные эмоции, находятся на периферии, являются, как правило, единичными. Такие реакции выражены в том числе и лексемами со значением отрицательных психофизических эмоций, например, *ужас, страх* и т.д.

Все выше сказанное может быть представлено в виде схемы:

Схема 2.

Социальная, или функциональная модель.

В повседневной жизни, общаясь с другими, человек призван играть социальные роли, которые представляют собой стереотипное поведение, ожидаемое от человека, занимающего определенный статус в социальной структуре, в определенных ситуациях взаимодействия.

Ю.С. Степанов пишет: «Само основное римское слово для понятия “Личность” — *persona* восходит к этрусскому обозначению маски — *jersu* и значит первоначально “театральная маска, маска персонажа на сцене”. Таким образом, в этом римском понятии, пожалуй, впервые в истории социально закрепляется идея — “Весь мир театр” <...> Вместе с тем — это первое историческое свидетельство о “социальных ролях” <...> Признание в нас личности со стороны других представителей человеческого рода делает из нас общественную личность <...> Собственно говоря, у человека столько социальных личностей, сколько индивидуумов признают в нем личность и имеют о ней представление» [Степанов 1997: 566, 568].

В данную модель мы включили реакции, обозначающие функциональную принадлежность понятия слова-стимула в социальном устройстве или в структуре межличностных отношений. К данному типу мы отнесли реакции, которые эксплицируют представление о роли субъекта, выраженного словом-стимулом, в интерперсональных отношениях. Такие реакции, как *доверие, забота, защита, общение, опора, поддержка, помощь, понимание*, мы получили на предъявленные стимулы с разной частотностью. Результаты отражены в следующей таблице:

Таблица 3.

реакции	Стимулы и количество реакций на стимул			
ДОВЕРИЕ	подруга 14	друг 6	Муж 4	Жена 2
ЗАБОТА	мама 38	папа 12	дед 5, друг 5	муж 3
ЗАЩИТА	брат 23	муж 6	папа 2	
ОБЩЕНИЕ	подруга 6			
ОПОРА	брат 15	друг 11	дед 1	Мама 1
ПОДДЕРЖКА	друг 4	мужб	сестра 3	дед 2
ПОМОЩЬ	брат 11	сестра 5	подруга 4	Мама 3
ПОНИМАНИЕ	подруга 8	сестра 2		

Важно отметить, что по *функциональной* модели отчетливо видно: роль, которую играет *друг (подруга)*, в языковом сознании вполне сопоставима с ролью родственников. Причем наиболее частотной реакцией на стимулы *мама* и *папа* (из данного списка) была ассоциация *защита*, другие реакции на эти слова-стимулы зафиксированы как единичные.

Оценочная модель.

Необходимо отметить определенное доминирование оценочных ассоциаций, это «является результатом целостного переживания информантами их знания о реалии и отношения к этому знанию с позиций «для меня – здесь – и сейчас» [Залевская 2001:158]. Важным является и то, что превалирует оценка положительной модальности. Репрезентантами позитивной оценки являются лексемы, содержащие в своих значениях положительный коннотативный компонент или представляющие собой абсолютную оценку.

Реакция–оценка может быть связана либо с внутренними, либо с внешними характеристиками стимула. Причем позитивная оценка в большей степени связана именно с внутренними параметрами личности (*добрый, ласковый* и т.д.), тогда как отрицательная оценка эксплицирует

внешнее проявление (*зверь, крик*) или отсутствие общего внутреннего (*непонимание, равнодушие*).

Представляется важным и то, что среди реакций достаточно часто встречается абсолютная оценка (мама – *лучшая, самый дорогой человек, святое, идеал, прекрасная*; папа – *самый дорогой, бог, идеал, лучший*; брат – *авторитет, гений*; сестра – *лучшая, отличная, прелесть, самая лучшая, самая смешная, супер*; друг – *лучший*; подруга – *лучшая, жена – превосходная*). Одним из аспектов на базе, которого осуществляется оценка, является интеллектуальный. Реакции с подобной оценкой встретились почти на все стимулы (папа – *умный, мудрый*; брат – *гений, голова*; сестра – *умная*; бабушка – *мудрость/мудрая*; дед – *мудрый/мудрость, умный*). Подобным образом не были оценены *мама, друг и подруга*.

Таблица 4.

МАМА:

доброта/добро/добрая 49 ласка/ласковая 25 лучшая 5 хорошая 4 самый дорогой человек 3 дорогая 2 святое 1 идеал 1 милая 1 прекрасная 1	зверь 1 крик 1 непонимание 1 равнодушие 1

Таблица 5.

ПАПА:

единственный 44 доброта/добрый 19 сила/сильный 18 хороший 8 самый дорогой 4 веселый 3 надежность/ надежный 3 работяга 2 умный 2	строгий/строгость 32 злой 4 козел 2 алкоголик 1 безответственный 1 надоедливый 1 предатель 1 псих 1

бог 1 идеал 1 классный 1 лучший 1 милый 1 мудрый 1	

Таблица 6.

БРАТ:

сила/сильный 17 хороший 6 веселый/веселье 6 добрый 2 красивый 2 авторитет 1 гений 1 голова 1 классный 1	балбес 1 вредина 1 гений 1 дебил 1 дурак 1 жадина 1 зануда 1 кабан 1 лох 1 неуч 1 олень 1 хвост 1 хулиган 1 эгоист 1

Таблица 7.

СЕСТРА:

красивая 5 добрая 2 лучшая 2 умная 2 хорошая 2 дорогая 1 единственная 1 заводная 1 отличная 1 прелесть 1 самая лучшая 1 самая смешная 1 супер 1	враг 20 вредина 1 глупая 1 дура 1 недоразвитая 1 недруг 1 неприязнь 1 неуч 1 упрямая 1 шалава 1 эгоизм 1

Таблица 8.

БАБУШКА:

добрая/добро/доброта 30 ласка/ласковая 11 мудрость/мудрая 9	зануда 2 злая 2 ворчливая 1

хорошая 7 старенькая 6 лучшая 3 дорогая 2 милая 2 божий одуванчик 1 единственная 1 искусница 1 молодец 1 умница 1	ворчунья 1 кдюшка 1 нервозность 1 обидчивая 1 сплетница 1 старая карга 1 тупица 1

Таблица 9.

ДЕД:

мудрый/мудрость 15 добрый 11 хороший 5 доброта 4 старенький 3 дорогой 2 умный 2 божий одуванчик 1 клевый 1 мастер на все руки 1 могучий 1 отвага 1 прикольный 1 сильный 1 шутник 1 юморист 1	ворчливый/ворчун 6 строгий 2 пьяница/пьянка 2 злой 1 пердун 1 сварливый 1 скучный 1 тупой 1 тухлый 1 угрюмый 1

Таблица 10.

СЕМЬЯ:

крепкая 7 добрая 3 крепость 3 сила 3 хорошая 3 мирная 2 самое дорогое 2 бодрая 1 лучшая 1 прекрасная 1 удачная 1 ценность 1 приличная 1 сплоченная 1	дебилов 1 люди, мешающие свободно жить 1 неопределенность 1 плохая 1 толпа паникеров 1 проблемы 1

Таблица 11.

ДОМ:

большой 14 красивый 11 надежность 2 уверенность 1	

Таблица 12.

ДРУГ:

лучший 40 верный 24 надежный/надежность 17 хороший 11 настоящий 4 доверчивый 3 единственный 2 дорогой 1 милый 1 отзывчивый 1 прекрасный 1 честный 1	идиот 1 неверный 1 осел 1 тормоз 1 хвост 1

Таблица 13.

ПОДРУГА:

лучшая 37 хорошая 10 верная 6 веселая 6 красивая 6 единственная 2 лучше всех, кроме мамы и папы 2 милая 1 неразлучная 1 прекрасная 1 солнышко 1 добрая 1	ненастоящая 3 злая 2 плохая 2 нехороший человек 1 ничто 1 предатель 1 саранча 1 враг 1 дура 1 стерва 1 сука 1 шлюха 1

Таблица 14.

ЖЕНА

верная 15 красивая / красавица 12 милая 2 хорошая 2	обуза 3 злая / зло 2 гадина 1 сатана 1

дорогая 1 превосходная 1	сволочь 1 стерва 1

Таблица 15.

МУЖ

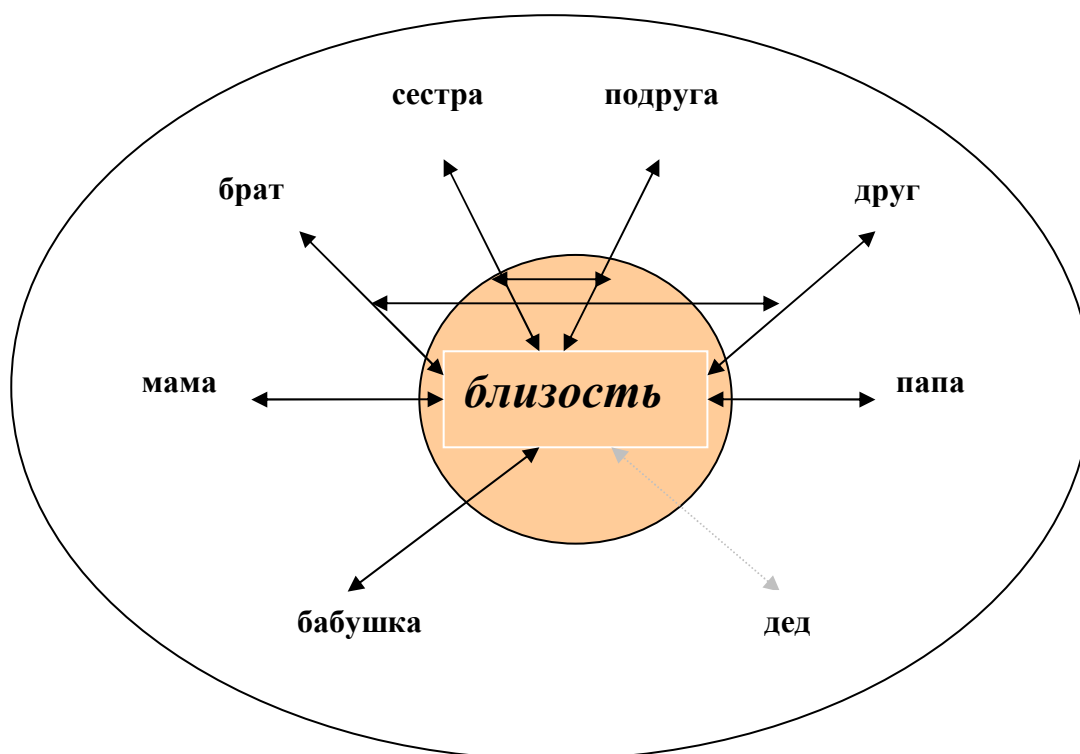
верный 3 дорогой 3 красавец 1 хороший 1	зло 1 кобель 1 козел 1

Локальная модель.

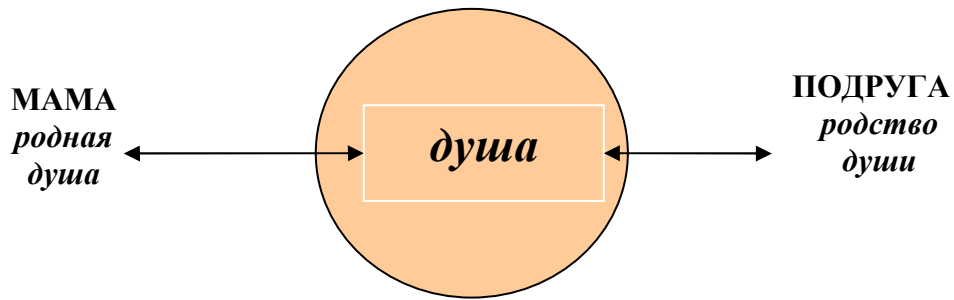
Общеизвестно, что в своем индивидуальном пространственном существовании человек структурирует мир от «центра», от собственного я. И чем выше степень интимности, взаимопонимания, взаимопроникновения межличностных отношений, тем ближе располагает человек в своем внутреннем пространстве других людей.

Реализация пространственной семантики осуществляется посредством когнитивной категории *близкие*, регулирующей характер отношений между говорящим и людьми, которых он оценивает. Кроме того, при помощи этой пространственной характеристики передается расположение их в жизненном пространстве индивида (близость предполагает предельную локальную замкнутость, которая имеет свое конечное разрешение в выражениях, содержащих кванторный определитель: *очень близкие, самые близкие*).

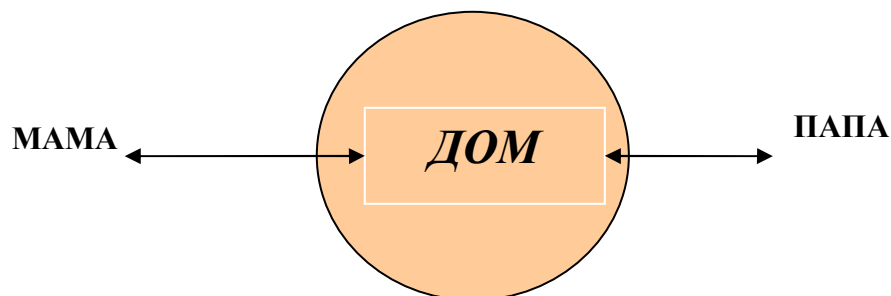
Нужно отметить, что на все предъявленные реципиентам стимулы были получены реакции из семантического поля *близость*. В процентном соотношении в порядке убывания результаты выглядят следующим образом: *сестра* 5% (21), *подруга* 4% (21), *брат* 3% (16), *друг* 3% (15), *бабушка* 3% (13), *папа* 2% (10), *мама* 2% (10), *дед* 1% (5). На стимулы *муж* и *жена* реакций со значением *близость* было получено мене 1%.

Странным, на первый взгляд, может показаться тот факт, что *мама* занимает практически последнее место по количеству реакций, обозначающих близость. Однако это не означает, что *мама* не воспринимается большинством реципиентов как близкий человек, скорее, данный пространственный определитель (*близкий, близость*), представляется недостаточным для того, чтобы определить характер отношений, степень близости. Выразить подобное сближение во внутреннем пространстве индивидуума позволяет выразить такое представление о внутреннем пространстве, как *душа*. На стимул *мама* было зафиксировано 3% (17) реакций *родная душа*. Подобные реакции эксплицируют максимальное сближение во внутреннем пространстве. Кроме стимула *мама*, ответы с лексемой *душа* были получены на стимул *подруга* (*родство души* 5 – 1%). Ни на один из остальных стимулов подобных не единичных реакций зарегистрировано не было.

Как мы уже отметили во втором параграфе предыдущей главы, *дом* представляет собой своего рода аксиологическую доминанту. Это подтверждается и тем фактом, что дом занимает второе по важности для образа мира современных русских понятие (Уфимцева). Дом тяготеет к внутреннему пространству или представляет в сознании синкретичную пространственную структуру. Из стимулов, предъявленных реципиентам, только на *маму* и *папу* реакция дом была более частотной (20 и 6), в остальных случаях единичные ответы.

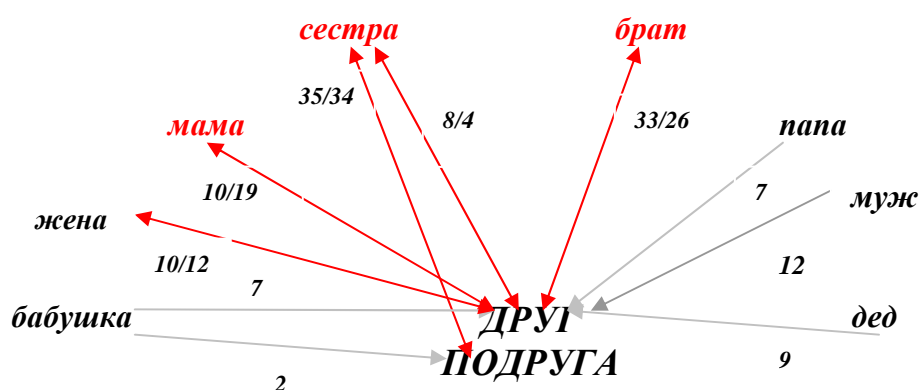
Персонафицированная модель.

Почти во всех случаях данная модель представлена реакциями именами собственными. Персонафицированные реакции (мама – Оля, бабушка – Галя и т.п.), как нам кажется, связаны, скорее, с особенностями функционирования в сознании лексем, обозначающих межличностные отношения. Вероятно, что эти лексемы воспринимаются как своего рода ярлыки, жестко привязанные к конкретному человеку.

Модель, отражающая диффузию родства и дружбы.

Необыкновенную значимость друга в жизни русского человека подчеркивает и тот факт, что по данным словаря Н.И. Берсеневой, Л.А. Дубовской, И.Г.Овчинниковой [Берсенева и др. 1995], уже к 10 годам в образе мира детей, воспитанных в русской культуре, друг занимает очень важное место. Но, по мнению Н.В.Уфимцевой, друг чаще всего некто не принадлежащий семье. Данные, проведенного нами эксперимента, позволяют сделать несколько иной вывод и выявить случаи диффузии родства и дружбы.

Смешение представлений о родстве и дружбе может быть эксплицировано в следующей схеме, где двунаправленные векторы указывают на выше названную диффузию, однонаправленные обозначают, что на данные стимулы были получены реакции *друг, подруга*.

Партитивно-ассоциативная модель

Интересно отметить, что ассоциации на стимулы *мама, папа, жена, муж*, связанные с предметами быта (*холодильник, телевизор, диван с газетой, кастрюля, плита*), соотносятся с пространством ДОМА (*дома, кухня, крыша, стена*), в то же время реакции, относящиеся к пространственным партитивам, на стимулы *бабушка, дед* выходят за пределы ДОМА (*деревня, дом в деревне, дача, село, сад, завалинка, скамеечка*). Эти выводы подтверждаются и тем фактом, что по

результатам опроса школьников 12 – 16 лет во многих случаях родственники, кровные или приобретенные через брак, проживающие вместе с «семьей», в ее состав не включаются (*У меня небольшая семья, состоит из мамы, папы и меня. Мы живем у бабушки; В моей семье 4 человека... Но мы живём с бабушкой и дедушкой; Моя семья небольшая: мама и я. Еще есть бабушка и дед. Бабушка живет с нами и дед тоже*). На стимулы *брат, сестра, бабушка* антропоморфные ассоциации, обозначающие родство, близость (*кровь, сердце*). Стимулы *друг, подруга* актуализировали у реципиентов следующие ассоциации: *плечо, рука, правая рука*, данные метафорические партитивы имеют общее значение *поддержка, опора*. Также необходимо отметить, что достаточно широкий набор атрибутивных партитивов был представлен на стимулы *бабушка* и *дед*. Это говорит о том, что существует определенное стереотипное представление о так называемом усредненном образе бабушки и деда.

	<i>пред- меты быта</i>	<i>атрибу- тивные парти- тивы</i>	<i>антропологичее- ские партитивы</i>	<i>гастрономические ассоциации</i>	<i>пространст- венные пар- титивы</i>
мама	холодиль- ник	халат	ее глаза	пироги плюшки вкусный обед завтрак	дома
Папа	телевизор диван с газетой	усы ремень	разум	водка	кухня крыша стена
Брат			голова кровь нервы	пиво	
сестра	книга	косички одежда платье	кровь сердце		
бабушка	пряжа печка часы	шаль шерстяные носки коса (волосы) косички очки платок фартук	кровь сердце	пироги пирожки блины оладушки булочки сладости блинчики вкусная еда вкусности торт чай с вареньем	деревня дом в деревне дача село сад

дед	книжки машина мотоцикл грабли с лопатой газета	борода седина тросточка ушанка и валенки кашель кепка ордена очки табак тембр	ум	шоколадка вино	завалинка сад скамеечка
друг			плечо правая рука рука	пиво	
подруга	телефон	серьги	плечо		улица универ школа
муж	диван	кольцо	плечо		стена
жена	кастрюля сковородка плита сковородка	халат фартук	кровушка кровинка		

Важно отметить, что все выше приведенные модели находятся в динамическом взаимодействии.

Выводы

Ассоциативный эксперимент является наиболее разработанной техникой психолингвистического анализа семантики.

Ассоциативное поле овнешняет знания, ассоциированные со словом-стимулом в данной конкретной национальной культуре, знания как конвенциональные, стереотипные, так и индивидуальные, личностные.

Сознание человека – это осмысление им мира, форма отражения, существующая и имеющая смысл только в обществе; как общественный феномен оно является социально опосредованным отражением действительности. В представлениях о родстве и дружбе отражаются межличностные отношения, эксплицируются как общественно значимые, так и личностные идеалы, ценностные ориентации и установки индивида, регулирующие его поведение. Поскольку инструментом сознания является язык, анализ «овнешненных» языковыми средствами образов сознания, способов репрезентации знаний о мире позволяет нам выйти на индивидуальные представления о данной когнитивной сущности межличностных отношений, на примере родства и дружбы. Стереотипные представления отражены частотными, ядерными реакциями, личностные смыслы – периферийными, малочастотными ответами.

В результате проведенного эксперимента полученные реакции были представлены в виде определенных когнитивных моделей: *сенсорно-перцептивная, эмоциональная, оценочная, функциональная, оценочная, локальная, персонифицированная, модель, отражающая диффузию родства и дружбы, партитивно-ассоциативная.*

Вышеприведенные модели эксплицируют возможности вербального знака актуализировать определенные наборы смыслов, напрямую не соотнесенные с отношениями родства и дружбы, относительно сознания говорящего (в нашем случае, реципиента). Таким образом, данные модели

можно рассматривать в качестве репрезентантов когнитивно-семантического потенциала номинаций родства и дружбы.

Заключение

Поставив целью данного исследования выявить способы репрезентации когнитивно-семантического потенциала номинативных знаков родства и дружбы в различных дискурсивных практиках и в индивидуальном сознании носителей языка, мы предполагали, что когнитивный анализ фрагментов текстов разных дискурсивных практик даст возможность не только определить специфику антропоцентричного отражения мира и описать его в категориях когнитивной лингвистики, но и выявить функции сознания человека, активно познающего и отражающего действительность на базе имеющихся в концептосистеме когнитивных моделей, структур, схем, концептов и актуализирующего результаты этого отражения в процессе порождения речи.

Мы исходили из того, что передача любых разновидностей информации осуществляется в вербальных единицах с использованием их значений в качестве когнитивных структур, а сами словесные знаки одновременно выступают и как компоненты этих структур, и как средства акцентуации смыслов говорящего для реципиента в тексте. При этом мы разделяли взгляд психолингвистов на *слово* и трактовали его как *инструмент* доступа к существующей в сознании индивида системе знаний, представлений, опыта, как *компонент* когнитивных образований и представлений их в речи. *Значение слова* – не раз и навсегда данная, стабильная конвенциональная система, отраженная одинаково в словаре и в сознании, а динамическая нестабильно-равновесная структура, в которой в зависимости от смысловых стратегий актуализируются определенные компоненты.

Мы предполагали, что за каждым знаком, именующим ту или иную составляющую межличностных отношений, стоят психо-ментальные образования, когнитивные структуры, каждая из которых имеет свои

когнитивные потенциалы, часть потенциала, не всегда узуальная, проявляется в определенных дискурсивных практиках.

Концептуально-смысловой и когнитивный анализ фрагментов прозаических текстов ряда авторов (А. Алексина, А. Вампилова, В. Липатова, Л. Петрушевской, В. Токаревой, Л. Улицкой, М. Халфиной) позволил сделать вывод, что реализация любого типа когнитивно-семантического потенциала знаков, репрезентирующих отношения родства и дружбы, осуществляется при помощи когнитивных макро- и микросценариев, актуализации отдельных компонентов когнитивных структур. Когнитивная категория *близости*, формирующаяся на основе категории пространства, определяет значимую часть когнитивно-семантического потенциала языковых знаков номинации межличностных отношений и создает формат ментальных репрезентаций отношений «человек - человек». Основными макросценариями, на основе которых происходит речевое развертывание смыслового наполнения когнитивной категории *близость*, являются: 1. макросценарий ***доминирования внутреннего пространства на основе категории близость***, охватывающий микросценарии «отождествления внешнего и внутреннего»; «взаимообусловленной изменчивости»; «аксиологического разрастания – сужения»; «ритуализации объектов внешнего пространства и связанных с ним действий»; «персонификации»; «замещения и диффузии»; 2. макросценарий ***смешение внешнего и внутреннего пространства как проявление их ментальной взаимосвязи***, включающий микросценарии, основанные на смысловых стратегиях: «искусственное отделение – сближение во внешнем пространстве»; «исключение точек пересечения во внешнем и внутреннем пространстве»; «сенсорное включение и тактильное оперирование»; 3. макросценарий ***автономного семантического бытования внутреннего пространства***, реализующийся через микросценарий «пересечения и наложения внутренних (духовных)

пространств»; 4. макросценарий *внутреннего пространства, опирающийся на оппозиции движения, контакта, ограничения, объема*, представленный микросценариями «приближение – удаление»; «ограниченность – неограниченность»; «контактность – неконтактность»; «плоскость – объем».

Рассмотренные фрагменты художественного дискурса позволили выявить, что когнитивно-семантический потенциал, номинативных знаков, обозначающих родство и дружбу, также представлен в речи когнитивных макро- и микросценариев, прототипических схем *оценки* при восприятии линейного и циклического времени: 1. макросценарий *репрезентации линейного и циклического времени в межличностных отношениях*, реализующийся при помощи микросценариев «непрерывного движения, постепенного преобразования»; «повторяемости событий, больших и малых циклов»; «непрерывного движения в замкнутом пространстве»; 2. макросценарий *временных циклов в межличностных отношениях* представлен микросценариями «возможного возвращения к истоку»; «наложения циклов в отношениях», репрезентируемый смысловой стратегией «персонификации и наследования»; 3. макросценарий *линейного исторического времени, опирающийся на оппозицию «стабильность - динамика»*, включающий микросценарии «длительных, стабильных отношений»; «диффузии родства и дружбы в результате длительных отношений».

В художественном дискурсе наблюдается определенный изоморфизм пространственно-временных представлений о межличностных отношениях: ритуальное пространство неразрывно связано с временной характеристикой (*вечерние встречи за столом*), диффузия родственно-дружеских отношений, репрезентируемая при помощи внутреннего пространства, непосредственно представлена длительностью подобных отношений (знал так *долго*, что считал *братом*). Таким образом, можно

сделать вывод о том, что в художественном дискурсе реализуется когнитивно-семантический потенциал рассматриваемых номинативных знаков как в пределах конвенциональных, так и личностных смыслов.

В политических текстах, как текстах со строго определенными функциями, вербальные знаки, обозначающие номинации родства и дружбы, актуализируют прежде всего стереотипные, конвенциональные смыслы. Использование подобных номинаций является инструментом воздействия на адресата. Реализующаяся в данной дискурсивной практике прототипическая схема (классическая категория: классическую категорию ***B*** характеризует пучок свойств, если ***A*** имеет все признаки из этого пучка свойств, от ***A*** является лучшим примером ***B***) лишает воспринимающего рефлексии и возможности неоднозначного (личностного) восприятия высказывания. В связи с этим в текстах подобного рода образ политика эксплицируется при помощи полного «встраивания» в данную прототипическую схему, либо абсолютной «отстройки» от нее.

Использование ассоциативного эксперимента позволило уточнить представление о возможностях номинативного знака, характеризующего межличностные отношения, выделить основные модели реализации когнитивно-семантического потенциала данных знаков в индивидуальном языковом сознании. По результатам проведенного эксперимента были выявлены следующие модели: *сенсорно-перцептивная, эмоциональная, функциональная, оценочная, локальная, персонифицированная, диффузийная, партитивно-ассоциативная.*

Дальнейшее развитие прикладного аспекта исследования имеет свои перспективы. В частности, составление словаря ассоциативного типа, отражающего представления о *родстве* и *дружбе* в индивидуальном языковом сознании. Не менее актуальной представляется возможная приложимость использованной методики к описанию других аспектов,

характеризующих образ человека (например, в профессиональной сфере деятельности).

Библиография

1. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учебник. М., 1997.
2. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю.Д. Избр. труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
3. Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., 1995. Т.1–2.
4. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
5. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
6. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
7. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР / Сер. лит. и яз., 1981. Т. 40. Вып. 4.
8. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
9. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика. Автореф. диссертации...доктора филолог. наук. Воронеж, 1998.
10. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.
11. Багичева Н.В. Регулярное варьирование семантики существительных, обозначающих отношения родства. Автореф. диссертации...кандидата филолог. наук. Екатеринбург, 1995.
12. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
13. Баранов А.Г. Текст в функционально-прагматической парадигме. Краснодар, 1988.
14. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону, 1993.
15. Баранов А.Г., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Изв. РАН. /Серия лит. и яз., 1997. Т. 56, №1.

- 16.Белявская Е.Г. Когнитивные основания изучения семантики слова // Структуры представления знаний в языке. М., 1994. С. 87-110.
- 17.Белякова И.Ю. О концептах души, судьбы и тоски в поэтическом универсуме М.Цветаевой // Формула круга: Сб. статей к юбилею проф. О.Г. Ревзиной. М., 1999. С.91-99.
- 18.Белянин В.П. Психолингвистическая типология художественных текстов по эмоционально-смысловой доминанте. Автореф. диссертации...доктора филолог. наук. М., 1992.
- 19.Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М., 1988.
- 20.Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- 21.Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет. Пермь, 1995.
- 22.Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М., 1990.
- 23.Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые общие замечания о языкознании // Избранные труды по общему языкознанию, Т.1. М., 1963.
- 24.Болдырев Н.Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 212-216.
- 25.Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование: Монография. Барнаул, 2001.
- 26.Бутакова Л.О. Проблемы структурирования когнитивной реализации авторского сознания в тексте // Язык. Человек. Катрина мира. Ч. 1. Омск, 2000. С. 51-54.
- 27.Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1993. №5.
- 28.Вежбицкая А. Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус // Язык и структура знаний. М., 1990.
- 29.Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов, 1997.

30. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
31. Вежбицкая А. Сравнение – градация – метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 133–152.
32. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
33. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М., 1998.
34. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. М., 1982.
35. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. М., 1990.
36. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В.В. Избранные труды. М., 1978.
37. Витгенштейн. Л. Философские работы. М., 1994;
38. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
39. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982.
40. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М., 1956.
41. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1999.
42. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1968.
43. Выготский Л.С. Собр. Соч. в 5-ти т.т. М., 1983.
44. Гаврилина М.В. Образы и структура языкового сознания. // Языковое сознание. Устоявшееся и спорное. М., 2003.
45. Гайденок П.П. Тема судьбы и представление о времени в древнегреческом мировоззрении // Вопросы философии. 1969. №6. С.88.
46. Гак Г.В. О двух типах знаков в языке // Язык как знаковая система особого рода. М., 1967.
47. Геляева А.И. Человек в языковой картине мира. Нальчик, 2002.

48. Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. 23. М., 1988. С. 51-61.
49. Гольдберг В.Б. Парадигматические связи между лексическими единицами как овнешнение образной схемы «связь» // Языковое сознание. Устоявшееся и спорное. М., 2003. С.61.
50. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1998.
51. Горошко Е.И. Языковое сознание: Ассоциативная парадигма. Автореф. диссертации...доктора филолог. наук. М., 2001.
52. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985.
53. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
54. Гумилев Л.Н. От Руси до России. М., 2005.
55. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
56. Гуц Е.Н. Ассоциативный словарь подростка. Омск, 2004.
57. Гуц Е.Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка: Монография. Омск, 2005.
58. Дейк ван Т. Язык, познание, коммуникация. М., 1989.
59. Дейк ван Т., Кинч В. Макростратегии // Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
60. Дейк ван Т., Кинч В. Стратегия понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988.
61. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. №4.
62. Демьянков В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка // Структуры представления знания в языке / Отв. ред. Кубрякова Е.С. М., 1994. С. 32-86.

- 63.Дмитриева Л.М. Стереотип как средство регуляции восприятия вербализованного содержания: Автореф. дис...кандидата филолог. наук. Барнаул, 1996.
- 64.Добровольская Е.В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира. Диссертация...кандидата филолог. наук. Новосибирск, 2005.
- 65.Ермакова О.П. Концепты совесть и стыд по данным языка // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999.
- 66.Жинкин Н.И. Механизмы речи. М., 1958.
- 67.Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.
- 68.Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. М., 1998.
- 69.Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 2000.
- 70.Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова. Калинин, 1982.
- 71.Залевская А.А. Проблемы психолингвистики. Калинин, 1983.
- 72.Залевская А.А. Понимание текста: психолингвистический подход. Калинин, 1988.
- 73.Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
- 74.Залевская А.А. Метафора и формирование проекций текста // Текст в коммуникации. М., 1991.
- 75.Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь, 1992.
- 76.Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь, 2001.
- 77.Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М., 2005.
- 78.Зализняк А.А, Преодоление пространства в русской языковой картине мира: глагол добираться // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 30-37.

- 79.Зинченко В.П. Культурно-историческая психология. Вестник МГУ. Серия 14. Психология 1993. №2.
- 80.Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии, 1991, №2.
- 81.Зинченко В.П. Наука – неотъемлемая часть культуры? // Вопросы философии. 1990. №1.
- 82.Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. М., 1997.
- 83.Зинченко В.П. Проблемы образующих сознания в деятельностной теории психики // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1988. №3.
- 84.Золкин А.А. Пространственная структура карнавала (на материале MOTHER GOOSE RHYMES) // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 315-321.
- 85.Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М., 1965.
- 86.Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1970.
- 87.Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999.
- 88.Канке В.А. Философия. М., 2000.
- 89.Кара-оол Л.С. Термины родства и свойства в тувинском языке. Автореф. диссертации...кандидата филолог. наук. М., 2004.
- 90.Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения (Предисловие) // Язык и личность. М., 1989.
- 91.Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- 92.Касевич В.Б. Языковые структуры и когнитивная деятельность // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989. С. 8-18.
- 93.Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986.
- 94.Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.– Л., 1965.

95. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
96. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. №5.
97. Кибрик А.Е. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. М., 1970. С. 110-156.
98. Кобозева И.М. Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 152-162.
99. Кодзасов С.В. Фонетическая символика пространства (семантика долготы и краткости) // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 227-238.
100. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
101. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
102. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.
103. Кравченко А.В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 1996а. № 3. С. 3-24.
104. Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 1996б.
105. Красных В.В. Коммуникативный акт и его структура // Функциональные исследования: Сборник статей по лингвистике. Вып. 4. М., 1997.
106. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998а.
107. Красных В.В. От концепта к тексту и обратно // Вестник МГУ, серия 9. Филология. 1998б. №1. С. 53-70.

108. Кубрякова Е.С. Общие замечания о моделях порождения речи и путях вербализации мысли в речепорождающем процессе // Роль человеческого фактора в языке. Язык и порождение речи. М., 1991. С. 21-71.
109. Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ текста. Модели действия. М., 1992а. С. 84-90.
110. Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. М., 1992б. С. 4-39.
111. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. №4.
112. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 1997. № 3. С. 22-31.
113. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и картина мира // Филология и культура: Тезисы II Международной конференции. 12-14 мая 1999 г. / Отв. ред. Н.Н.Болдырев; редкол. Е.С. Кубрякова и др.: В 3 ч. Ч. I. Тамбов, 1999а.
114. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и картина мира // Филология и культура: Тезисы II Международной конференции. 12-14 мая 1999 г. / Отв. ред. Н.Н.Болдырев; редкол. Е.С. Кубрякова и др.: В 3 ч. Ч. III. Тамбов, 1999б.
115. Кузнецова Э.В. Итоги и перспективы семантической классификации русских глаголов // Семантические классы русских глаголов. Свердловск, 1982.

116. Кустова Г.И. Тип концептуализации пространства и семантические свойства глагола (группа попать) // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000а. С. 47-55.
117. Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. 2000. № 7. С. 85-109.
118. Лавровский П.А. Коренное значение родства у славян // Зап. ИАН, т.ХII, № 2. СПб., 1867.
119. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981.
120. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Вып. 23. М., 1988.
121. Лакофф Дж., Джонсон М., Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры, 1990.
122. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
123. Ларин Б.А. Из истории слов. М., 1951.
124. Лебедева Л.Б. Пространственные и временные указания в общереферентных высказываниях // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1984. Т. 43. № 4. С. 304-314.
125. Лебедева Л.Б. Семантика «ограничивающих» слов // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 338-247.
126. Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998.
127. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997.
128. Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977.
129. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.

130. Леонтьев А.Н. Избранные психологические труды. М., 1983.
131. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Московского Университета. Сер. 14. Психология. 1979. № 2. С. 3-13.
132. Леонтьев Д.А. Психология смысла: Принципы, структура и динамика смысловой реальности. М., 1999.
133. Литвененко Ю.Ю. Концепт возраст в семантическом пространстве образа человека в русской языковой картине мира. Диссертация ...канд. филолог. наук. Омск, 2006.
134. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. / Сер. лит. и яз.1993. Т. 52. №1.
135. Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
136. Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.
137. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история. М., 1999.
138. Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам. Вып. 181. Тарту, 1965.
139. Лурия А.Р. Язык и сознание. Ростов-на-Дону, 1998.
140. Мамардашвили М.К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии, 1990, №10.
141. Мамардашвили М.К. Стрела познания. М., 1997а.
142. Мамардашвили М.К., Пятигорский А. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М., 1997б.
143. Мамардашвили М.К. Символ и сознание: метафизические размышления о символике и языке. М., 1999.
144. Ментальная репрезентация: динамика и структура. М., 1998.
145. Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.

146. Миронова П.О. Упрощение модели мира в современном политическом дискурсе: (Анализ концептов) // Вестник Омского университета. 2003. № 1. //Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
147. Михайлов А.В. Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности. СПб., 1992.
148. Михайлов А.В. Принципы построения картины мира и способы ее вербального осуществления // Проблемы исторического языкознания и ментальности. Русский язык: Ментальность и грамматики. Красноярск, 1998.
149. Михеев М.Ю. Отражение слова «душа» в наивной мифологии русского языка // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 145-158.
150. Михеева Л.Н. Измерение времени в русском языке: лингвокультурологический аспект // Филологические науки. 2004. №2. С. 69-78.
151. Моисеев А.И. Термины родства и свойства как конверсивы (на материале русского языка) // Лексико-семантические группы современного русского языка: Сб. научных трудов. Новосибирск, 1985. с. 3-15.
152. Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934.
153. Мостовая А.Д. Лексическое значение и языковая интуиция // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989. С. 52-58.
154. Мухина Н.М. Репрезентация идеи красоты в поэзии Н.С. Гумилева и А.А. Ахматовой. Диссертация...канд. филолог. наук. Екатеринбург, 2000.

155. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории. Диссертация...доктора филолог. наук. М., 2000.
156. Николенко О.Ю. Лексико-семантическая группа наименований родства: функционирование, эволюция, словообразовательные потенции (на материале речи жителей г. Омска). Автореф. диссертации...кандидата филолог. наук. Омск, 2006.
157. Новиков Л. А. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
158. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982.
159. Одинцова М.П. Человек как Вселенная: образ «целого» и «части» в языковой картине мира // Человек. Культура. Слово. Вып. 2. Омск, 1994. С. 73-80.
160. Одинцова М.П. Человек в языке: ипостаси, части, атрибуты, антиномии, ценности // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). Омск, 2000.
161. Орлова Н.В. Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка). Омск, 2005.
162. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986.
163. Павиленис Р.С. Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
164. Павиленис Р.С. Проблема смысла (Современный логико-философский анализ языка). М., 1983.
165. Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.
166. Панкрац Ю.Г. Пропозициональная форма представления знаний // Язык и структуры представления знаний. М., 1992. С. 78-96.

167. Панова Л.Г. Пространство в поэтическом мире О. Мандельштама // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 429-439.
168. Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.
169. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М., 1988.
170. Петренко В.Ф. Психосемантический подход к исследованию сознания и личности // Психологическое обозрение. М., 1996. №2(3).
171. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Смоленск, 1997.
172. Пищальникова В.А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект. Барнаул, 1992.
173. Пищальникова В.А. Проблема смысла художественного текста. Барнаул, 1996.
174. Пищальникова В.А. Психопоэтика. Барнаул, 1999.
175. Пищальникова В.А. Общее языкознание. Барнаул, 2001.
176. Портнов А.Н., Кудряшова Т.Б. Языки познания как репрезентация познавательных устремлений человека // Языковое сознание. Устоявшееся и спорное. М., 2003. С.210.
177. Постовалова В.И. Язык как деятельность: Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. М., 1982.
178. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
179. Постовалова В.И. Судьба как ключевое слово культуры и его толкование А.Ф. Лосевым (фрагменты типологии миропонимания) // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 207-213.
180. Потебня А.А. Собрание трудов: Мысль и язык. М., 1999.

181. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
182. Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957.
183. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
184. Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. М., 1985.
185. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
186. Рузин И.Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // Вопросы языкознания. 1996. № 5. С. 39-50.
187. Рябцева Н.К. Лингвистическое моделирование ментальной сферы человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 5. М., 2002.
188. Салалыкина Ж.В. Метафорический фрейм «душа» в онимании концепта «смерть» //Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания. Волгоград. 2002. С. 83-89.
189. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику. Л., 1989.
190. Седов К.Ф. О природе художественного текста //АРТ Альманах исследований по искусству. Саратов. 1993. Вып. 1. С. 5-15.
191. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
192. Сергеева Е.В. Диалог русской религиозной философии и православия: концепт «Бог» в философском и богословском дискурсе // Текст: узоры ковра. Вып. 4. Ч.1. СПб. – Ставрополь, 1999.
193. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988.

194. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986.
195. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М., 1996.
196. Сонин А.Г. Когнитивная лингвистика: становление парадигмы: Монография. Барнаул, 2002.
197. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985.
198. Сороченко Е.Н. Концепт «скука» в художественном тексте (на материале произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.А. Гончарова) // Принципы и методы исследования в филологии: Конец XX в. (Сборник статей научно-методического семинара «ТЕХТУС») Вып. 6. СПб. – Ставрополь, 2001. С. 347 – 354.
199. Соссюр. Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
200. Спиркин А.Г. Происхождение сознания. М., 1960.
201. Степанов Ю.С. Семиотика. М., 1971.
202. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
203. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
204. Степанов Ю.С. Изменчивый "образ языка" в науке XX века // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
205. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
206. Степин В.С. Теоретическое знание: структура, история, развитие. М., 2000.
207. Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны // Язык, Сознание. Формирование и функционирование. М., 2000. С.55-67.
208. Сулименко Н.Е. Мир хаоса и порядка в его преломлении лексической структурой текста // Текст: Узоры ковра. СПб. – Ставрополь, 1999а.

209. Сулименко Н.Е. Уровни психической активности сознания как неравновесные системы в текстовом обнаружении // Текст: Узоры ковра. СПб. – Ставрополь, 1999б.
210. Тарасов Е.Ф. Методологические проблемы языкового сознания // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1988.
211. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
212. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание – перспективы исследования // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000.
213. Тарасова И.А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте (на материале поэзии Г.Иванова и И.Анненского). Диссертация ...доктора филолог. наук. Саратов, 2004.
214. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира \\Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
215. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л., 1987.
216. Тильман Ю.Д. «Душа» как базовый культурный концепт в поэзии Ф.И. Тютчева // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 203-212.
217. Тильман Ю.Д. Пространство в языковой картине мира Ф.И. Тютчева (концепт КРУГ) // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 440-448.

218. Толстая С.М. Аксиология времени в славянской народной культуре // История и культура. Тезисы. М., 1991. С. 61-66.
219. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
220. Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира. В 2-х т.т. М., 1988. Т.2.
221. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995.
222. Трошина Н.Н. Номинации родства и их эквиваленты в функции обращения в современном русском языке. Автореф. диссертации...кандидата филолог. наук. М., 1998.
223. Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
224. Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная анатомия// Вопросы языкознания. 1995. №3. С.13-17.
225. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М., 1974.
226. Уфимцева Н.В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 102-110.
227. Филиппенко М.В, Следы «пути» в высказывании // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 308-314.
228. Филлмор Ч. Дж. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. 23. М., 1998. С. 52-92.
229. Фрумкина Р.М. "Теории среднего уровня" в современной лингвистике // Вопросы языкознания. 1996. №2.
230. Фрумкина Р.М. (ред.). Язык и когнитивная деятельность. М., 1989.
231. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. М., 1992.

232. Фрумкина Р.М. Прагматика: новый взгляд // Семиотика и информатика. Вып. 34. М., 1995.
233. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. М., 2001.
234. Фрумкина Р.М. Семантика и категоризация. М., 1991.
235. Фрумкина Р.М., Звонкин А.К., Ларичев О.И., Касевич В.Б. Представление знаний как проблема // Вопросы языкознания. 1990. №6.
236. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск, 1998.
237. Харитончик З.А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структуры представления знаний. М., 1992. С. 98-123.
238. Человеческий фактор в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
239. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991.
240. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. №2.
241. Чернейко Л.О. Гештальтная структура абстрактного имени // Филологические науки. М., 1995. № 4. С. 73-88.
242. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 - 2000). Екатеринбург, 2001.
243. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.
244. Швец Н.О. Структуры сознания и роль языка в их «овнешнении» // Языковое сознание. Устоявшееся и спорное. М., 2003. С.313.

245. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., Волгоград, 2000.
246. Шенк Р. Обработка концептуальной информации. М., 1980.
247. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.
248. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002.
249. Шорохова Е.В. Проблема сознания в философии и естествознании. М., 1961.
250. Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977.
251. Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.
252. Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М., 1983.
253. Якобсон Р.О. Язык и бессознательное. М., 1996.
254. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
255. Damasio A.R. Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain. New York: Avon Books, 1995.
256. Jackendoff R. Semantics and cognition. – The MIT Press, 1983.
257. Lakoff G. Categories: An essay in cognitive linguistics // LiM ed. Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL-1981. – Seoul: Hanship, 1982.
258. Leech G.N. Towards a semantic description of English. London; Harlow, 1969.
259. Minsky M. A framework for representing knowledge // P.H. Winston (ed.). The psychology of computer vision. - N.Y., etc.: McGraw-Hill, 1975.
260. Rauch J. (ed.) Essey of deixis. Tübingen: Narr, 1983, p. 219–227.

261. Rosh E. Human categorization // N. Warren (ed.). Studies in cross-cultural psychology. N.Y.: Academic press, vol.1, 1977, p. 1-49.
262. Shapiro M. Figuration in verbal art. Prinstone (N.Y.), 1988. С. XIII.
263. Talmy L. How language structures space // Pick H., Acredolo L. (eds.). Spatial orientation: theory, reseach, and application. N.Y.: Plenum, 1983, p. 225-282.

СЛОВАРИ:

264. КСКТ – Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
265. КФЭ – Краткая философская энциклопедия. М., 1994.
266. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
267. Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977.
268. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов. Екатеринбург, 1994.
269. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т.1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. М., 2002.
270. РЯЭ – Русский язык. Энциклопедия. М., 1998.

ИСТОЧНИКИ:

271. Алексин А. Про нашу семью. Сб. рассказов. М., 1972.
272. Вампилов А.В. Дом окнами в поле. Иркутск, 1981.
273. Липатов В.В.Игорь Саввович: Роман. М., 1978.
274. Петрушевская Л.С. Собрание сочинений. В 5 т. Харьков, 1996.

275. Токарева В.С. Все нормально, все хорошо: Повести и рассказы. М., 2000.
276. Токарева В.С. Перелом: Рассказы. М., 2000.
277. Улицкая Л. Медя и ее дети. М., 2005.
278. Халфина М. Л. Простые истории: Повести и рассказы. Новосибирск, 1978.
279. Агитационная листовка кандидата в депутаты Государственной Думы Харитонов А.Н.
280. «Волчьи ягоды» семейной жизни//Искра. № 6. Ноябрь, 2003.
281. Повесть о том, как поссорились Леонид Станиславович с Александром Алексеевичем // Искра № 6. ноябрь 2003.
282. Жириновский В.В. Иван, запахни душу! Избранные места из романа-исследования о моем поколении. М., 2003.

Приложение

Таблица 1.

РОДНОЙ: 466 реакций, 34 отказа

РЕАКЦИЯ	Кол-во	РЕАКЦИЯ	Кол-во
дом	71	единственный	1
близкий	40	заботливый	1
человек	39	знакомый	1
Любимый	38	котенок	1
край	33	любовь	1
брат	26	милый	1
мой	20	милый сердцу	1
город	15	мир	1
родственник	12	молодой человек	1
Свой	12	муж	1
сестра	12	не отдам	1
Дорогой	11	нужный	1
язык	11	одной крови	1
Друг	9	палец	1
Кровь	9	праздник	1
Мама	9	привязанность	1
Папа	9	приятно	1
Семья	9	район	1
Сын	9	родная	1
чужой	9	родной	1
близость	6	родственный	1
Душевно	3	Россия	1
отец	3	советский флаг	1
близкий человек	2	союз	1
Защита	2	страна	1
Милый	2	тепло	1
Мой	2	теплый	1
родина	2	тетка	1
Бабушка	2	уголок	1
близкий душой	2	удача	1
Водка	1	учебник	1
Далекий	1	уютный	1
Деревня	1	Шурик	1
Добрый	1	отказ	34

Таблица 2.

ДОМ: 466 реакций, 34 отказа

РЕАКЦИЯ	Кол-во	РЕАКЦИЯ	Кол-во
семья	68	жизнь	4
уют	46	изба	4
родной	40	камин	4
тепло	30	коттедж	2
квартира	20	любимый	2
уютный	16	надежность	2
жилище	14	новый	2
большой	14	родина	2
отдых	12	Россия	2
красивый	11	с трубой	2
мама	11	синий	2
теплый	10	белый	1
мой	10	окна	1
очаг	8	многоэтажный	1
свой	8	с цветами	1
кирпичный	7	сад	1
жилье	7	сарай	1
замок	7	север	1
здание	7	смеха	1
крепость	7	собственный	1
родители	7	спать	1
деревянный	6	старый	1
хата	6	стоит на краю берега	1
деревня	6	счастье	1
частный	6	труба	1
дача	5	у ручья	1
дом-2	5	уборка	1
кров	5	уверенность	1
спокойствие	5	укрытие	1
в деревне	4	участок	1
где живу	4	хранилище	1
домик в деревне	4	чистый	1
		чудес	1

Таблица 3.

СЕМЬЯ: 478 реакций, 22 отказа

РЕАКЦИЯ	Кол-во	РЕАКЦИЯ	Кол-во
дом	60	в кругу семьи	1
большая	35	вместе	1
любовь	17	все вместе	1
родители	15	все любящие люди	1
дружба	14	группа	1
дружная	13	дебилов	1
близкие	13	доверие	1
уют	12	друг	1
родственники	12	друзья	1
мама, папа, я	11	душа	1
мои родные	10	жена с дочерью	1
моя	9	за круглым столом	1
радость	9	защита	1
тепло	8	из четырех человек	1
близкие люди	8	кулак	1
крепкая	7	лучшая	1
счастье	7	люди, мешающие свободно жить	1
любимая	6	маленькая родина	1
очаг	6	машина	1
родная	6	мечта	1
дети	5	мир	1
родные	5	много	1
родня	5	много родственников	1
гнездо	4	муравейник	1
забота	4	надежда	1
круг	4	неопределенность	1
люди	4	новый год	1
папа	4	обед	1
дедушка	4	обожаемые	1
мама	4	община	1
бабушка	4	общность	1
поддержка	4	опора	1
понимание	4	ответственность	1
родные люди	4	отношения	1
добрая	3	папа	1
крепость	3	плохая	1
папа, мама, я, кот	3	полноценная	1

родные и близкие	3	помощь	1
самое родное	3	праздники	1
сила	3	прекрасная	1
счастливая	3	развалилась	1
хорошая	3	разрозненность	1
цепочка	3	родина	1
ячейка общества	3	родное местечко	1
единство	2	родной	1
заботливая	2	самое важное	1
квартира	2	самые близкие	1
ласка	2	самые близкие люди	1
майонез	2	семь раз я	1
мама	2	союз людей	1
мамочка	2	стол	1
мирная	2	теплая, уютная	1
надежность	2	теплота	1
небольшая	2	толпа паникеров	1
папа и мама	2	туса	1
работа	2	уважение	1
родное	2	уверенность	1
самое дорогое	2	удачная	1
семейный праздник	2	ужин	1
цепь звеньев	2	уступки	1
близкий круг людей	1	хата	1
близкие родственники	1	хорошо	1
бодрая	1	ценность	1
боль	1	приличная	1
больных	1	проблемы	1
все любящие люди	1	сок	1
все мои	1	сплоченная	1
вся в сборе	1	стена	1
гармония	1	4 человека	1
где все тебя любят	1		

Таблица 4.

МАМА: 516 реакций

РЕАКЦИИ	Кол-во	РЕАКЦИИ	Кол-во
любимая	50	крик	1
добрая	45	кушать	1
любовь	43	ласка	1
забота	38	Люба	1
родная	35	материнство	1
ласковая	24	милая	1
жизнь	23	моя защита	1
папа	20	моя мама	1
дом	20	мыла раму	1
родная душа	17	надежда	1
мама	10	ненависть	1
друг	10	злость	1
близкий человек	9	непонимание	1
семья	9	объятия	1
родитель	8	опора	1
тепло	7	осень	1
самое родное	7	паникерша	1
нежность	6	первое слово	1
женщина	5	пирог	1
лучшая	5	плюшки	1
моя	5	понимающая	1
всегда рядом	4	прекрасная	1
единственная	4	равнодушие	1
радость	4	разлука	1
теплота	4	рай	1
добро	3	ребенок	1
заботливая	3	родной, любимый человек	1
люблю	3	родня	1
любящая	3	родственник	1
мать	3	самая лучшая	1
помощь	3	самое близкое мне	1
самый дорогой человек	3	самое светлое	1
спокойствие	3	свет	1
хорошая	3	свобода	1
дома	2	святое	1

дорогая	2	сказка	1
красивая	2	солнышко	1
опека	2	спокойная	1
понимание	2	строгая	1
бабушка	1	супер	1
вкусный обед	1	счастливая	1
главный человек в жизни	1	теплое	1
далеко	1	теща	1
детство	1	у каждого есть	1
доброта	1	уют	1
доверие	1	халат	1
ее глаза	1	ходит на работу	1
жена папы	1	холодильник	1
завтрак	1	хорошая	1
зверь	1	хороший человек	1
зло-добро	1	человек, который вырастил	1
идеал	1	чтение книг	1
кормилица	1	это счастье	1

Таблица 5.

ПАПА: 479 реакций, 21 отказ

РЕАКЦИИ	Кол-во	РЕАКЦИИ	Кол-во
единственный	44	единственный на свете	1
мама	25	зерно	1
добрый	21	идеал	1
строгий	20	инженер	1
папа	18	интеллигентный человек	1
родной человек	17	каменная стена	1
родитель	14	кладбище	1
сильный	13	классный	1
отец	13	командир	1
строгость	12	контроль	1
заботливый	10	кошелек	1
родной	10	крыша	1
любимый человек	9	кухня	1
Любимый	8	лучший	1
семья	8	любимый человек	1

хороший	8	любящий	1
друг	7	милый	1
мой	7	мой попутчик	1
глава семьи	6	мой родитель	1
дом	6	молодец	1
муж мамы	6	море	1
мужчина	6	мудрый	1
сила	6	мужество	1
самый близкий	6	на работе	1
телевизор	5	надежный	1
злой	4	надоедливый	1
нет	4	наказание	1
близкий человек	4	напыщенность	1
веселый	3	наставник	1
деньги	3	не верит	1
мужик	3	невеселый	1
самый дорогой	3	незаинтересованное лицо	1
авторитет	2	неизвестность	1
веселый	2	ненависть	1
деньги	2	непонимание	1
детство	2	неродной	1
добытчик	2	отдаленный	1
доброта	2	отсутствует	1
забота	2	отчим	1
защита	2	охота	1
козел	2	память	1
кормилец	2	поддержка	1
мой папа	2	предатель	1
надежность	2	пример	1
наставник	2	псих	1
опора	2	пузатый	1
работяга	2	работа	1
радость	2	разговор	1

рыбалка	2	разум	1
тоже любимый человек	2	ремень	1
уверенность	2	родной отец	1
умный	2	родственник	1
усы	2	рыбак	1
хозяин	2	рыбалка	1
чужой	2	Саша	1
дорогой человек	2	сдержанность	1
алкоголик	1	серьезный	1
батьа	1	смерть	1
бег утром	1	собака	1
безделие	1	советчик	1
безответственный	1	ссора	1
близкий после мамы	1	стена	1
бог	1	суровый	1
болезнь	1	счастье	1
большой	1	талисман	1
в отъезде	1	творение меня	1
водка	1	трогательный	1
воспитание	1	трудолюбивый	1
воспитатель	1	уверенность	1
воспитывает	1	уверенный	1
всегда рядом	1	улыбка	1
второй близкий человек	1	хмурый	1
главный	1	человек	1
гнев	1	черный	1
гордость	1	честный	1
грусть	1	чувак	1
далеко	1	это папа	1
диван с газетой	1	юмор	1
доверие	1	Юра	1

Таблица 6.

БРАТ: 495 реакций, 5 отказов

РЕАКЦИЯ	Кол-во	РЕАКЦИЯ	Кол-во
родной	52	зануда	1
друг	33	заступник	1
сестра	32	кабан	1

двоюродный	20	киллер	1
родственник	17	классный	1
опора	15	кровь	1
старший	14	крыша	1
защитник	12	кучерявый	1
брат	11	лох	1
дружба	11	любимый	1
защита	11	человек	1
родной человек	11	лысый	1
помощь	10	люблю	1
родня	10	любовь на расстоянии маленький	1
сила	10	мальчик	1
близкий	8	мамин второй сын	1
близкий человек	8	медсестра	1
младший	8	мечта	1
мой	8	милиция	1
совет	8	младший	1
любимый	7	младший спиногрыз	1
семья	7	надежность	1
сильный	7	наставник	1
товарищ	7	невежливый	1
фильм	7	недостаток	1
родня	6	неизвестность	1
С. Бодров	6	необычный	1
хороший	6	неопределенность	1
веселье	4	непоседа	1
поддержка	4	нервы	1
смех	4	неродной	1
смешной	4	неуч	1
весело	2	Никита	1
веселый	2	никогда не предаст	1
гордость	2	общительный	1
добрый	2	олень	1
забота	2	парень	1
красивый	2	пиво	1
кровный	2	помощник	1
любовь	2	понимание	1
нет	2	проблемы	1
ссора	2	родная кровь	1
чужой	2	родной чувак	1
«Бригада»	1	рыбалка	1

авторитет	1	самый любимый человек	1
балбес	1	самый родной	1
беседа	1	сводный	1
боль	1	связь	1
братская любовь	1	секреты	1
в армии	1	Серёга	1
веселье	1	слоник	1
взрослый	1	смелый	1
возраст	1	смерть	1
вредина	1	собеседник	1
гений	1	собутыльник	1
голова	1	советчик	1
далекий	1	спина	1
далеко	1	строгий	1
дебил	1	студент	1
день рождения	1	счастье	1
деревня	1	тамада	1
Дима	1	тревога	1
доверие	1	умный	1
дом	1	хвост	1
друг своего брата	1	хоккей	1
дурак	1	хулиган	1
единственный	1	чел	1
жадина	1	человек, который поможет	1
жалость	1	эгоист	1
		Яша	1

Таблица 7.

СЕСТРА: 440 реакций, 60 отказов

РЕАКЦИИ	Кол-во	РЕАКЦИИ	Кол-во
подруга	35	клёвая	1
смех	30	книга	1
брат	29	косички	1
лучшая подруга	28	кровь	1
враг	21	кузина	1
родная	20	лесная	1
родня	14	мамина дочь	1
близкий человек	12	моя маленькая	1

родной человек	10	надежность	1
двоюродная	9	Настя	1
старшая	9	не брат	1
близкая	9	не люблю	1
друг	8	неведомое	1
нет	8	недоразвитая	1
младшая	6	недруг	1
далеко	5	нежность	1
красивая	5	неприятнь	1
любимая	5	несчастливая	1
маленькая	5	неуч	1
семья	5	нефор	1
сестра	5	никак	1
забота	4	Новосибирск	1
моя	4	общение	1
не знаю	4	одежда	1
родной	4	одна	1
родственник	4	одноногая	1
взаимопонимание	3	одуванчик	1
добрая сестра	3	ответственность	1
поддержка	3	отличная	1
помощь	3	переехала	1
девушка	2	переживания	1
девчонка	2	печаль	1
добрая	2	платье	1
зависть	2	покровительство	1
злая	2	понимание	1
Ксения	2	понимающий человек	1
лучшая	2	посторонний человек	1
любимый человек	2	похожая	1
любовь	2	прелесть	1
помощник	2	ребенок	1
радость	2	ребенок большой	1
секреты	2	ребенок твоих родителей	1
советчица	2	родная душа	1
страх	2	роднуля	1
умная	2	росток	1
хорошая	2	с Марса	1
беззащитность	1	самая лучшая	1
бухгалтер	1	самая смешная	1
в школе	1	Саша	1

вера	1	сердится	1
взрослая	1	сердце	1
вредина	1	сестра моего друга	1
все равно люблю	1	скромность	1
глупая	1	скучаю	1
гость	1	сожигатель	1
девка	1	соперничество	1
дискотеки	1	ссоры	1
доверие	1	супер	1
дом	1	трудность	1
дорогая	1	упрямая	1
дочь моих родителей	1	утонула	1
друга	1	утрата	1
дружба	1	хлопоты	1
дура	1	хорошо, что нет родной	1
душа	1	цветок	1
единственная	1	цветочек	1
заботливая	1	человек	1
заводная	1	шалава	1
игривая	1	эгоизм	1
игры	1	юла	1
интерес	1	Юля	1
капризная	1	я	1

Таблица 8.

БАБУШКА: 456 реакций, 44 отказа

РЕАКЦИЯ	Кол-во	РЕАКЦИЯ	Кол-во
дедушка	25	веселая	1
любимая	21	вкусная еда	1
пироги	20	вкусности	1
старая	17	внук	1
забота	16	ворчливая	1
добрая	13	ворчунья	1
старуха	12	вяжет	1
старость	11	давно	1
добро	10	двоюродная	1
пирожки	10	деньги на карманные расходы	1

тепло	8	добрейшая	1
деревня	7	добросердечная	1
доброта	7	добрый человек	1
друг	7	единственная	1
родная	7	жалость	1
старушка	7	здоровая	1
хорошая	7	игнорирование	1
детство	6	искусница	1
ласка	6	клюшка	1
любовь	6	коса (волосы)	1
старенькая	6	косички	1
близкий человек	6	кровь	1
ласковая	5	кто играет с нами	1
мать матери	5	любима	1
мудрость	5	мама	1
нежность	5	мама мамы или отца	1
блины	4	молодец	1
вторая мама	4	моя	1
мать отца или матери	4	моя бабушка	1
мудрая	4	муси-пуси	1
теплота	4	мягкая	1
близкая	3	наставник	1
дом в деревне	3	не дедушка	1
лучшая	3	ненависть	1
Люда	3	нервозность	1
мама мамы или папы	3	нет печаль	1
мать отца	3	неугомонная	1
одна	3	обидчивая	1
оладушки	3	общение	1
пожилая	3	опыт	1
пряжа	3	очки	1
родственница	3	песок	1
самый близкий человек	3	печка	1
семья	3	платок плохо	1
теплота души	3	подсказка	1
уют	3	пожилая женщина	1
бабушка	3	пожилой человек	1
булочки	2	поколение	1
вязание	2	рада меня видеть	1
дача	2	раздражает	1
дорогая	2	рак	1

зануда	2	русский язык	1
злая	2	сено	1
каникулы	2	сердце	1
мама мамы	2	серьезность	1
милая	2	соседка	1
морщины	2	сплетница	1
нежная	2	старая карга	1
поддержка	2	теплота рук	1
подруга	2	торт	1
помогает	2	тоска	1
радость	2	трудолюбивая	1
родное	2	тупица	1
родной человек	2	умерла	1
родня	2	умная	1
село	2	умный человек	1
сладости	2	учитель	1
уважение	2	фартук	1
шаль	2	чай с вареньем	1
шерстяные носки	2	часы	1
бабка	1	человек, которого ты любишь, а он – тебя	1
байки	1	член семьи	1
балованье	1	чужая	1
близкий	1	шаль	1
блинчики	1	сад	1
божий одуванчик	1	садовод-огородник	1
боль	1	самая	1
в Амуре	1	седина	1

Таблица 9.

ДЕД: 444 реакции, 56 отказов

РЕАКЦИЯ	Кол-во	РЕАКЦИЯ	Кол-во
Мороз	35	гордость	1
Старый	33	горка	1
старость	20	грабли	1
Мазай	19	грибы	1
добрый	12	грусть	1
борода	11	детство	1
деревня	11	дождь	1
мудрый	10	завалинка	1

родственник	9	злой	1
с тросточкой	9	знание	1
мудрость	8	инвалид	1
старик	8	кашель	1
бабушка	8	кепка	1
родня	8	клевый	1
баба	8	книжки	1
друг	8	любимый	1
мой	7	любящий	1
отец родителей	7	мастер	1
родной человек	7	мастер на все руки	1
хороший	6	машина	1
доброта	5	могучий	1
забота	5	мотоцикл	1
и бабка	5	мудрый старец	1
нет	4	муж бабушки	1
Пихто	4	муж бабы	1
родной	4	мужество	1
семья	4	опора	1
близкий человек	4	опыт	1
война	3	ордена	1
ворчливый	3	отвага	1
ворчун	3	отец мамы	1
да баба	3	отец папы	1
дед	3	очки	1
дедушка	3	папа папы	1
заботливый	3	плотник	1
отец мамы или папы	3	подарки	1
отец мамы, папы	3	подснежник	1
папа мамы	3	пожилой человек	1
пожилой мужчина	3	помню	1
седой	3	поучитель	1
смерть	3	прадед	1
старенький	3	прибаутки	1
умер	3	прикольный	1
болезнь	2	пьяница	1
ветеран	2	пьянка	1
второй учитель	2	работа	1
глухой	2	работящий	1
день победы	2	с лопатой	1
дорогой	2	сад	1
жалость	2	садовод	1

пенсионер	2	самый лучший друг	1
пердун	2	сварливый	1
поддержка	2	сержант	1
профессор	2	сильный	1
рыбалка	2	скамеечка	1
седина	2	скучный	1
сердитый	2	собаки	1
старец	2	сосед	1
строгий	2	спит	1
тросточка	2	страх	1
ум	2	табак	1
умный	2	твердость	1
ушанка и валенки	2	тембр	1
человек	2	тупой	1
Андрей	1	тухлый	1
армия	1	уважаемый человек	1
близкий родственник	1	уважение	1
близко	1	угрюмый	1
божий одуванчик	1	учитель	1
большой	1	уют	1
Ваня	1	член семьи	1
вино	1	чужой	1
Вова	1	чужой, незнакомый	1
воспитание	1	шоколадка	1
воспоминания	1	шутник	1
всему учит	1	юморист	1
газета	1		

Таблица 10.

ЖЕНА: 462 реакции, 38 отказов

РЕАКЦИИ	Кол-во	РЕАКЦИИ	Кол-во
муж	57	добровольное рабство	1
любимая	33	должность	1
любовь	25	дорогая	1
женщина	16	жена мужа	1
хозяйка	16	злая	1
верная	15	зло	1
мать	15	кольцо	1
супруга	14	крепость	1

забота	14	кровинка	1
любимая женщина	14	кровушка	1
семья	13	круто!	1
фартук	12	лак	1
дети	11	любимая мужа	1
друг	11	любящий человек для мужа	1
красивая	10	Маша	1
любовница	8	отец	1
обязанность	8	партнер	1
очаг	8	пила	1
родня	8	плита с кастрюлями	1
дом	6	подруга	1
заботливая	5	понимание	1
надзиратель	4	понимающая	1
обуза	3	превосходная	1
одна	3	проблемы	1
родная	3	пушистик	1
родственница	3	работа	1
уют	3	работница	1
баба	2	развод	1
доверие	2	родинушка	1
еще рано	2	родная женщина	1
кастрюля	2	родное	1
кормилица	2	рыжие волосы	1
красавица	2	сатана	1
красота	2	сволочь	1
любимый человек	2	своя	1
любящая	2	Сима	1
мать детей	2	скалка	1
милая	2	скандал	1
не знаю	2	сковорода	1
невеста	2	смотря какая	1
она	2	сноха	1
плита	2	со сковородой	1
помощница	2	старая	1
свадьба	2	стерва	1
хорошая	2	счастье	1
беременная	1	талая	1
близкая женщина	1	телка	1
брак	1	тетка в халате	1
будет	1	трудность	1

будущее	1	трудолюбивая	1
быт	1	тюрьма	1
в будущем	1	умная	1
в духе	1	умница	1
в халате	1	халат	1
верность	1	хитрая	1
вечная любовь	1	хозяйство	1
взаимность	1	хозяйюшка	1
внимательная	1	хочу быть	1
воспитанная	1	хранительница семьи	1
вторая половина	1	человек	1
гадина	1	чистота	1
главная	1	шея	1
готовка	1	шуба	1
губы	1	я	1
девушка в свадебном платье	1	я в будущем	1
девушка после брака	1	я?	1
добрая	1		

Таблица 11.

МУЖ: 419 реакций, 71 отказ

РЕАКЦИИ	Кол-во	РЕАКЦИИ	Кол-во
жена	90	единственный	1
любимый	50	жених невесты	1
любовь	30	заграница	1
семья	19	зайка	1
отец	11	законный	1
друг	10	законный супруг	1
родственник	10	замок	1
мужчина	9	зачем?	1
плечо	9	защитник	1
супруг	8	зло	1
Глава	7	кобель	1
дети	7	козел	1
дом	7	красавец	1
защита	6	любящий	1
мужик	6	меня пока нет	1
поддержка	6	мой	1
близкий человек	4	мужчина, с которым	1

		зарегистрированы отношения	
деньги	4	не знаю	1
доверие	4	непутевый	1
заботливый	4	нет спасибо	1
объелся груш	4	носки	1
ответственность	4	обязанность	1
отец детей	4	оковы	1
работяга	4	откровения	1
родной	4	партнер	1
тепло	4	пол	1
хозяин	4	постель	1
верный	3	развод	1
дорогой	3	рано	1
забота	3	романтика	1
кольцо	3	Саша	1
опора	3	связь	1
свадьба	3	секс	1
близкий друг	2	семейная пара	1
муж	2	сестры	1
невеста	2	сила	1
он	2	скоро	1
понимающий	2	снег	1
родной человек	2	сокращение слова мужской	1
стена	2	спутник	1
Алеша	1	спутник жизни	1
боль душевная	1	старый	1
брак	1	умный	1
бывший	1	футбол	1
вулкан	1	хороший	1
груша	1	человек	1
груши	1	человек, любящий свою жену	1
диван	1	человек, с которым ты живешь	1
доброта	1	я	1

Таблица 12.

ДРУГ: 476 реакций, 24 отказа

РЕАКЦИЯ	Кол-во	РЕАКЦИЯ	Кол-во
лучший	40	друг	1
собака	34	дружеский человек	1
детства	31	жизнь	1
товарищ	28	заботливый	1
брат	26	идиот	1
верный	24	искренность	1
подруга	21	кент	1
мама	19	кому ты верен	1
опора	11	критик	1
хороший	11	мало	1
близкий	9	мальчик	1
враг	9	милый	1
надежный	9	мой друг	1
надежность	8	молодой человек	1
знакомый	5	мужчина	1
помощь	5	неверный	1
человек	5	недруг	1
верность	4	ненадежность	1
доверие	4	нет секретов	1
дружба	4	общение	1
забота	4	общность интересов	1
лучший человек	4	оказался вдруг	1
настоящий	4	Олег	1
поддержка	4	олень	1
самый близкий человек	4	он	1
сестра	4	осел	1
человека	4	отзывчивый	1
Андрей	3	откровение	1
доверчивый	3	откровенность	1
радость	3	открытость	1
советчик	3	партнер	1
беседа	2	пацан	1
близкий человек	2	песик	1
веселье	2	подружка	1
выручает в беде	2	помощник	1
доверяю	2	понимание	1

единственный	2	понимающий человек	1
кореш	2	портянка	1
кореш	2	правая рука	1
лучший товарищ	2	преданный	1
любимая подруга	2	предательство	1
любимый	2	прекрасный	1
любовь	2	причина ссор	1
мой	2	приятель	1
одногоруппник	2	продался	1
парень	2	пустота	1
пиво	2	пьянка	1
плечо	2	развлечение	1
преданность	2	разговор	1
предатель	2	родное	1
собутыльник	2	рука	1
совет	2	рядом	1
сосед	2	семейный	1
уверенность	2	смелый	1
школа	2	собеседник	1
Артем	1	советник	1
ветреный	1	студент	1
взаимопонимание	1	счастье	1
Виталька	1	тормоз	1
Владивосток	1	тот, кому можешь доверять	1
все	1	трудная минута	1
встреча	1	хвост	1
Гена	1	хороший человек	1
голубой	1	хранитель секретов	1
детство	1	человек, которого знаешь несколько лет	1
доверяешь ему	1	чести	1
дождь	1	честный	1
дорогой	1		

Таблица 13.

ПОДРУГА: 480 реакций, 20 отказов

РЕАКЦИЯ	Кол-во	РЕАКЦИЯ	Кол-во
друг	43	компаньон	1
лучшая	37	красота	1

сестра	34	кривая	1
любовь	19	кто мне верит, помогает	1
близкий человек	18	ласка	1
девушка	15	Лена	1
доверие	14	ложь	1
секреты	13	лучше бы не было	1
жена	10	любовница	1
хорошая	10	месть	1
поддержка	8	милая	1
знакомая	8	мысль	1
понимание	8	надежный друг	1
любимая	7	Наташа	1
секс	7	не скучно	1
верная	6	незаменимая	1
верность	6	ненадежность	1
веселая	6	неразлучная	1
жизни	6	нету	1
красивая	6	неуверенность	1
почти сестра	5	нехороший человек	1
родство души	5	ничто	1
сплетни	5	ночь	1
дружба	4	нужна	1
моя	4	окружение	1
подружка	4	Оля	1
помощь	4	отдых в общении	1
родная	4	откровение	1
детства	4	отношения	1
веселье	3	партнер	1
друга	3	партнерша	1
зависть	3	плечо	1
ненастоящая	3	по душам	1
общение	3	подушка	1
сплетница	3	покой	1
хороший человек	3	помощница	1
беседа	2	постель	1
близкая	2	преданная	1
единственная	2	преданность	1
злая	2	предаст	1
лучше всех, кроме мамы, папы	2	предатель	1
лучший человек	2	прекрасная	1

любовь	2	приятельница	1
много	2	прогулки	1
надежность	2	радость	1
напарница	2	развлечения	1
овца	2	ровесница	1
отдых	2	с кем дружишь	1
плохая	2	с кем провожу много времени	1
проблемы	2	с первого этажа	1
разговоры	2	с характером	1
свободное время	2	саранча	1
слушатель	2	серьги	1
смех	2	совесть	1
советчик	2	совет	1
соперница	2	советы	1
амазонка	1	солнышко	1
бешеная белка	1	соседка	1
близко	1	старая	1
болтовня	1	стерва	1
была	1	сука	1
верный товарищ	1	твоя	1
влюбленность	1	телефон	1
вместе	1	телка	1
враг	1	товарищ	1
все понимает	1	треп	1
глупая девочка	1	ужас	1
глупость	1	улица	1
давнишня	1	универ	1
деньги тратить	1	учится	1
детство	1	флирт	1
добрая	1	хитрость	1
добро	1	цветы	1
дура	1	школа	1
единомышленник	1	шлюха	1
желание	1		
жизнь	1		
жилетка	1		
заботливая	1		
как дела?	1		